

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

1954

УЧПЕДГИЗ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

КНИГА
ДЛЯ
ЧТЕНИЯ

Под редакцией
С. Л. УТЧЕНКО и Д. П. КАЛЛИСТОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА · 1954

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга для чтения по истории древней Греции в значительной мере построена на основе тех же принципов, которыми руководствовались редакторы и авторский коллектив при работе над книгой для чтения по истории Рима. Обе книги прежде всего рассчитаны на то, чтобы дать учащимся доступно изложенный дополнительный материал к учебнику и таким образом углубить их интерес к изучению истории.

Редакторы книги для чтения по истории древней Греции по мере сил учли все критические замечания и пожелания, которые были высказаны при предварительном обсуждении рукописи. Исходя из того, что история Греции, в соответствии с учебными программами, проходит в V классе средней школы, изложение материала дано по возможности живо и доступно для восприятия детей 11—12-летнего возраста. Именно поэтому авторы и редакторы сочли возможным наряду с жанром научно-популярного очерка ввести в книгу главы, написанные в форме беллетризованного рассказа.

В «Книге для чтения» освещён ряд тем из истории древней Греции, не входящих в учебную программу. Последние главы книги дают представление об истории эллинистических государств. Особое внимание на протяжении всей книги уделено положению трудящихся масс греческого рабовладельческого общества, а также освещению важнейших проблем социально-экономической истории Греции. В связи с тем, что для школьников имеются специальные пособия по греческой мифологии, в данную «Книгу для чтения» мифологический материал введён в весьма ограниченном размере и имеет лишь подсобное значение.

Как и в книге для чтения по истории древнего Рима, так и в предлагаемой книге авторский коллектив и редакторы стремились сочетать доступность изложения с научностью, учитывая

последние достижения советской исторической науки и опираясь при освещении вопросов, имеющих методологическое значение, на основные положения марксистско-ленинской науки об обществе.

Мы считали бы целесообразным использование данной «Книги для чтения» как для работы в классе (чтение отдельных отрывков, использование их в рассказе преподавателя), так и для различных форм внеклассной работы (исторический кружок, домашнее чтение и т. п.).

Книга для чтения по истории Греции написана авторским коллективом в следующем составе: Т. Д. Златковская, Д. П. Каллистов, Е. М. Штаерман, С. Л. Утченко, О. Н. Юлкина, О. В. Филиппова, М. Н. Ботвинник.

Авторский коллектив и редакторы книги будут чрезвычайно благодарны всем читателям, пожелавшим сообщить свои отзывы или замечания по поводу «Книги для чтения». Отзывы и замечания просим направлять по адресу: Москва, Чистые пруды, 6, Учпедгиз.

Профессор *С. Л. Утченко.*

Профессор *Д. П. Каллистов.*

МОРСКАЯ ДЕРЖАВА МИНОСА

Когда-то, в глубокой древности, на острове Крите существовала могучая морская держава. Здесь, по преданиям, правил царь Минос, у которого был дворец Лабиринт с бесчисленным множеством ходов и комнат. Во дворце жил Минотавр — страшное чудовище, с телом человека и головой быка. Для того чтобы прокормить Минотавра, Минос наложил ужасную и позорную дань на греческий город Афины: каждые девять лет должны были афиняне доставлять Миносу на Крит 7 юношей и 7 девушек для того, чтобы их пожирал в Лабиринте ужасный Минотавр.

Уже три раза платили эту дань афиняне, однако и в четвёртый раз прислал грозный царь Крита своих послов за данью. С плачем и стонами снаряжали афиняне траурный корабль под чёрными парусами, на котором должны были отправить несчастных. Видя всеобщее горе, сын афинского царя Эгея, Тесей, решил поехать вместе с ними на Крит, убить Минотавра и навсегда освободить Афины от уплаты дани. С трудом уговорил Тесей своего отца отпустить его в опасное путешествие и обещал в случае благополучного исхода заменить чёрные паруса на корабле белыми, чтобы Эгей, завидев издали белые паруса, знал, что Тесей жив.

Благополучно прибыл корабль на Крит. Дочь царя Ариадна сразу обратила внимание на Тесея: высокий, стройный, он выделялся среди других афинян. Вскоре Ариадна полюбила Тесея и, чтобы не допустить его гибели, дала Тесею меч и клубок ниток. При входе в Лабиринт Тесей привязал нить и, разматывая клубок, смело пошёл по запутанным коридорам дворца... Долго длился бой Тесея с Минотавром; разъярённое чудовище несколько раз бросалось на Тесея, но юноше удалось схватить Минотавра за рога и вонзить ему в грудь меч. Затем по нити Ариадны Тесей благополучно выбрался из Лабиринта и вывел всех афинских юношей и девушек. Однако нужно было бежать с Крита, пока Минос не узнал о всём случившемся. Тесей прорубил днища у всех критских кораблей и вместе с Ариадной и своими соплеменниками отправился в обратный путь.

Но, подплывая к Афинам, Тесей забыл сменить чёрные паруса. А Эгей давно уже не спускал глаз с моря, с волнением ожидая возвращения сына. И когда он увидел чёрные паруса на приближающемся корабле, он решил, что Тесей погиб и в отчаянии бросился в море с высокой скалы. С тех пор море, в котором утонул Эгей, зовётся Эгейским...

Эти предания и несколько кратких упоминаний о Крите у древнегреческих историков — вот, пожалуй, всё, что до недавнего времени было известно о древнейшей истории Крита. Никто не мог сказать определённо, имеют ли предания что-либо общее с тем, что в действительности происходило когда-то на Крите, или же это просто красивая сказка.

Но в конце XIX века на остров Крит пришли учёные-археологи. Они произвели раскопки, и им удалось найти много замечательных памятников. Были раскопаны древняя столица Крита Кносс и другие города острова.

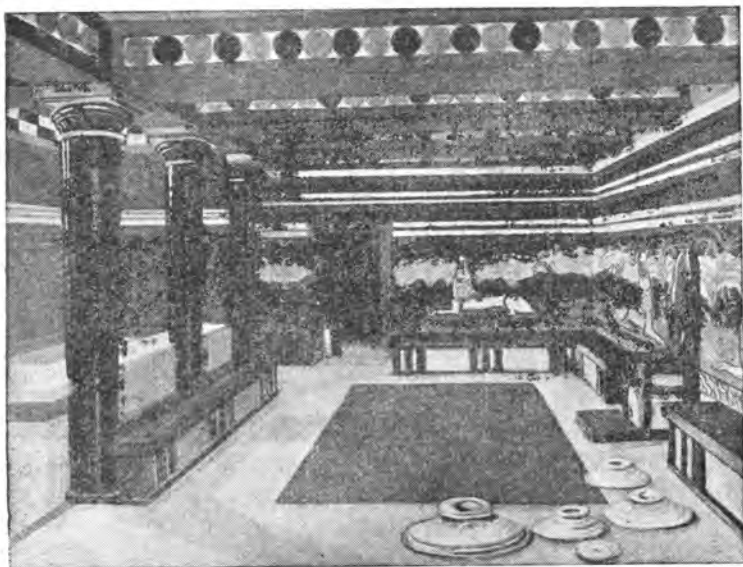
Учёными было установлено, что люди жили на Крите и в глубокой древности, когда они ещё изготавливали орудия из камня. Прошло много тысяч лет, пока на Крите научились делать орудия из меди и бронзы. Это произошло приблизительно около 3000 года до новой эры. Люди жили тогда целыми родами, в обширных домах круглой или овальной формы, и хоронили своих покойников в общих родовых могилах, насчитывающих иногда до 1000 погребений.

Постепенно усилившиеся и разбогатевшие военные вожди стали строить первые дворцы.

Наиболее крупными из них были дворцы в Кноссе и Фесте. В то время на острове было несколько правителей, не объединённых под одной властью. Но вот около XVII—XVI века до новой эры правитель Кносса сумел подчинить своей власти не только население Крита, но и покорить многие из соседних племён. К этому времени следует отнести найденные при раскопках многочисленные здания с кладовыми, гробницы, целые жилые кварталы с мастерскими ремесленников, со всевозможными изделиями из меди и бронзы, с замечательными каменными и глиняными сосудами, с целым архивом глиняных табличек с письменными знаками и множество других памятников. Это было время расцвета Критской державы.

В Кноссе был раскопан огромный дворец. Он имел три этажа, подземелья, целую систему ходов и коридоров, множество зал и комнат, расположенных вокруг большого внутреннего двора. Мрачный, с бесчисленным множеством сложных ходов и помещений, он и впрямь напоминал запутанный Лабиринт, о котором рассказывали греческие легенды.

До сих пор на стенах дворца можно видеть всевозможные фрески, то-есть изображения, сделанные красками по влажной штукатурке. Краски до наших дней сохранились очень хорошо; кажется, что художник только что кончил рисовать. На одной

Тронный зал царя Миноса в Кносском дворце.

фреске нарисована целая процессия мужчин и женщин. Женщины, одетые в платья с широкой вышитой каймой или в кофты и тёмные юбки с белыми оборками, играют на музыкальных инструментах, мужчины несут золотые и серебряные сосуды. Другая фреска изображает знатного человека в белой одежде, которого несут на носилках слуги. На третьей фреске мы видим несколько богато одетых женщин в нарядных голубых платьях с короткими рукавами. Женщины весело улыбаются и, очевидно, ведут между собой оживлённый разговор. Всё это — придворная знать, окружающая царя. А вот и огромное, больше чем в человеческий рост, изображение самого царя. На голове его — корона из лилий, вокруг шеи — золотые ожерелья, на руках — браслеты.

В нижней части дворца были обнаружены продовольственные кладовые. Здесь в громадных, в рост человека, глиняных сосудах, хранились запасы — зерно, масло. Огромные богатства царя были надёжно спрятаны в специальных камерах — сокровищницах, облицованных свинцом.

Знать во многом стремилась подражать царю. Их дома окружают дворец, а некоторые соединены с ним особой дорогой. К югу от дворца археологи откопали жилой дом, в котором была устроена ванная комната с горячей и холодной водой. Другой двухэтажный дом, также, повидимому, принадлежавший знатному человеку, имел множество комнат, зал для приёма гостей, окружённый колоннами. В подвальной части здания раз-

Царь-жрец. *Расписной рельеф*
из Кносса.

мещались погребки и кладовые, запиравшиеся бронзовыми засовами.

Чьим же трудом создавались богатства, которые давали возможность царю Крита и его приближённым строить великолепные дворцы, украшать их прекрасными произведениями искусства, накапливать в кладовых сокровища?

И на этот вопрос археологические раскопки дают нам ответ.

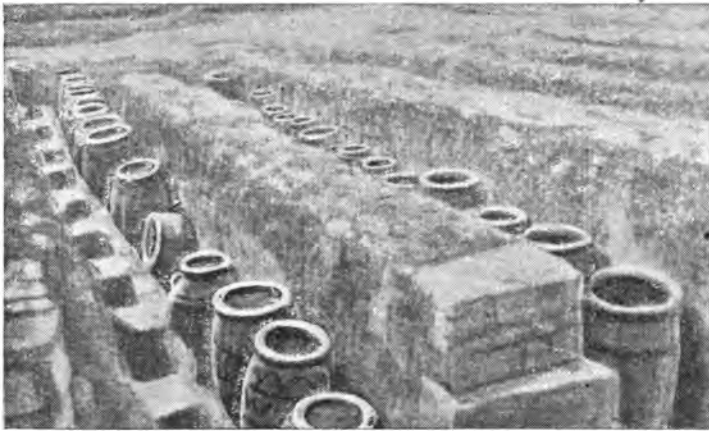
Рядом с грандиозными дворцами археологи обнаружили целые кварталы жалких хижин и лачуг. Подобные постройки были открыты и в других городах Крита. При раскопках в Гурнии (в восточной части острова) был открыт целый квартал, занимаемый различными ремесленными

мастерскими. «Город ремесленников» — называли его рабочие, раскапывавшие остатки своеобразного ремесленного посёлка. В этих бедных жилищах жили и создавали замечательные произведения искусства критские мастера.

Греческие предания рассказывали, что царь Минос покорил многие земли и прославился военными победами. Эти сообщения подтверждаются одной из самых замечательных находок на Кноссе — целым архивом кноссского дворца, написанным на глиняных табличках. Это — самые древние письменные памятники в Европе. Много труда стоило учёным разобраться в том, что в них написано. Ведь язык древних критян никому не был известен.

Теперь некоторые из надписей удалось разобрать. Так, в одной из них сказано: «Из Тиринфа¹ дали 100 баранов, 650 овец, 30 волов, 151 корову, 80 свиней и 6 кобыл». Очевидно, зависимые от Крита города должны были платить ему дань. Другие таблички сообщают, что подчинённые города платили дань и металлическими слитками, служившими на Крите деньгами. В качестве данников упоминаются города Тиринф, Фивы, Афины, остров Тенос и другие. Особый интерес представляют, однако, те таблички, в которых написано о доставке на Крит рабов. На одной из них учёным удалось прочесть: «Из Афин 7 женщин,

¹ Город в Греции.

Кладовые Кносского дворца.

1 мальчик, 1 девочка». Невольно вспоминается легенда о Тесее, который спас 7 афинских юношей и 7 девушек, отправленных в Кносс на съедение Минотавру.

На изображениях с Крита мы встречаем фигуры слуг, одетых в некритский костюм. Вероятно, это рабы, привезённые на Крит в качестве дани, или захваченные и проданные в рабство пиратами. Труд рабов использовался главным образом на самых тяжёлых работах: в каменоломнях, при строительстве зданий и дорог, во флоте, где рабы использовались в качестве гребцов и т. д.

Таким образом, в эпоху расцвета критской культуры, в середине II тысячелетия до новой эры, на Крите уже существовало рабовладение. Однако рабовладение здесь ещё не было сильно развито, и основной рабочей силой на Крите видимо были свободные крестьяне и ремесленники.

Значительно меньше, чем о ремесле, знаем мы о сельском хозяйстве на Крите. Однако многочисленные, огромные сосуды из царских кладовых, которые были заполнены зерном, говорят о развитии на Крите земледелия. Это же подтверждает и одна из найденных ваз с изображением шествия земледельцев. Впереди идёт предводитель, одетый в куртку без рукавов, а за ним по двое в ряд идут мужчины; на плечах они несут вилы с длинными зубьями (такие вилы на Крите применяются до сих пор) и топорики.

Могущество Крита было связано с господством его на Средиземном море. Предания о могучем флоте Миноса подтверждаются раскопками: археологи нашли остатки гаваней и верфей; на кносских фресках часто изображаются корабли с поднятыми носами и низкими краями. Критяне были прекрасными знатоками моря. На стенах раскопанных дворцов, на каменных сосудах и на печатях Крита очень точно нарисованы рыбы всевозмож-

ных пород, морские растения и животные. Сильный флот Крита давал возможность этому государству находиться в постоянных сношениях с Кикладскими островами, Грецией, Египтом, Сирией и Вавилоном. Культура Крита оказала сильное влияние на мастерство египетских и особенно греческих художников.

Критская ваза с осьминогами.

Как же погибла могучая Критская держава? Точно мы этого не знаем. В конце XV века до новой эры почти одновременно были сожжены и разрушены все наиболее крупные города Крита (Кносс, Фест и другие). Вернее всего считать, что падение Крита произошло из-за вторжения греческих племён; возможно, что тогда же произошло и выступление беднейшего населения острова против власти царя и знати. Может быть, отдалённое воспоминание о борьбе Крита с греками и сохранилось в предании о Тесее — молодом греческом герое, вступившем в борьбу с критским чудовищем Минотавром и освободившем Афины от подчинения Криту.

«ЗЛАТООБИЛЬНЫЕ МИКЕНЫ»

С XV—XIV столетия до новой эры, когда держава на острове Крите пришла в упадок, наибольшее значение среди древних городов Греции получают Микены — город, расположенный в южной Греции — Пелопоннесе.

Предание говорит о былой славе и могуществе этого города. Здесь, рассказывали древние греки, господствовал род Атридов, из которого происходил предводитель греческого войска в Троянской войне — Агамемнон. Гомер, по преданию, автор замечательных поэм «Илиада» и «Одиссея», часто упоминает Микены, называя их «златообильными», «многолюдными».

Раскопками в Микенах руководил известный археолог Генрих Шлиман. Ещё до начала раскопок, на поверхности земли, Шлиман увидел остатки больших стен и знаменитые Львиные ворота, сооружённые из трёх огромных камней, лежащих в виде буквы «П»; на верхней плите ворот стояла колонна, а по бокам её — две львицы. Всё указывало на то, что раскопки Микен должны были дать ценные результаты. И действительно, Шлиман не ошибся: раскопки в Микенах и поэмы Гомера, хранящие воспоминания о микенском периоде, дали возможность судить о греческом обществе XIV—XII веков до новой эры.

Львиные ворота в Микенах.

Недалеко от Львиных ворот Шлиману удалось обнаружить могилы микенских царей. Богатство и разнообразие найденных в могилах предметов указывают на то, что погребения действительно принадлежали царской семье. Поражает прежде всего количество оружия: в одной из могил найдено 80 бронзовых кинжалов. Клинки украшены накладными золотыми и серебряными изображениями борьбы людей со львами, бегущих львов, хищных животных, охотящихся на уток, и т. д. Здесь же найдено множество наконечников копий и стрел. Оборонительным оружием служили микенцам огромные щиты, которые делались из кожи и металла.

Обилие всякого рода богато украшенного оружия в могилах микенской знати говорит о том, что войны, разбойнические нашествия были её основным занятием.

Не меньшее удивление вызывает всевозможная утварь, найденная в могилах Микен. Особенно разнообразны сосуды: кувшины, вазы, кубки, сделанные из меди, серебра и золота. На металлических сосудах часто изображали сцены из военной жизни.

На обломке одной серебряной вазы сделано выпуклое изображение битвы у городской стены: впереди идут воины с пращами, за ними, крадучись, стрелки из лука, далее воины с мечами и щитами. Другие сосуды были украшены изображениями птиц или рыб. Очень красив и по форме, и по украшениям на нём золотой кубок на высокой ножке с ручками, на каждой из которых сидит по голубю. Шлиман, рассматривая кубок с голубями, вспомнил, что подобный сосуд описан у Гомера в «Илиаде»:

Кубок поставила чудный, с собой привезённый Нелидом,
Весь золотыми гвоздями обитый, имел он четыре
Ручки; и около каждой из золота по две голубки
Словно бы зёрна клевали.

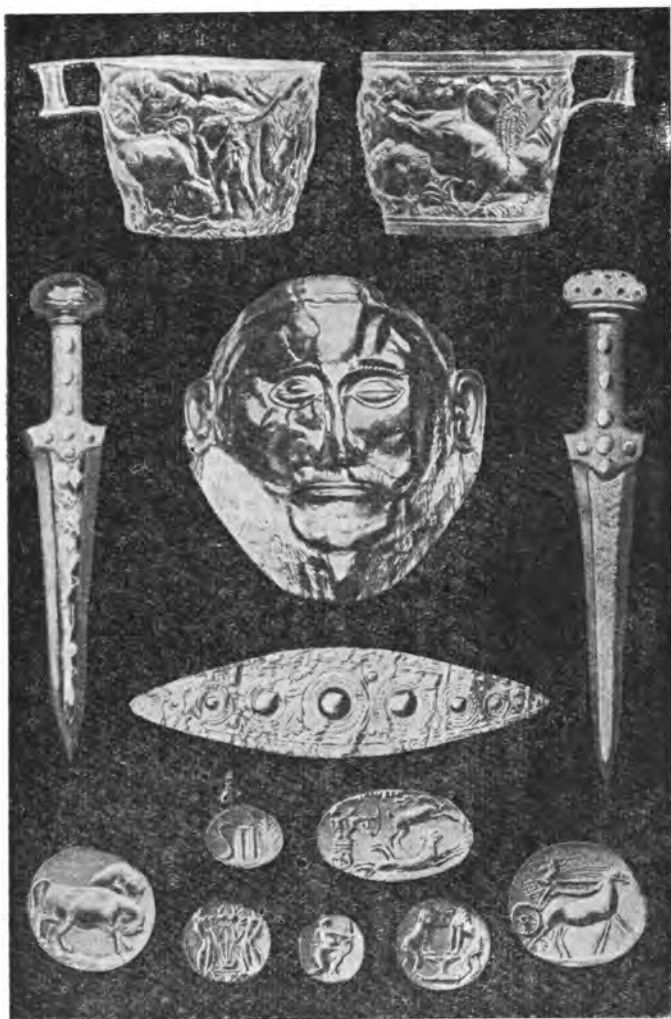
Одежду микенской знати украшали золотые бляшки, покрывавшие чуть ли не всё платье: в одной из могил найдено 700 золотых блях. На руках были одеты браслеты и кольца, на которых изображались сцены сражений и охоты.

Погребальный обряд требовал, чтобы лицо покойника было покрыто тонкой золотой пластинкой, изображающей черты умершего; некоторые из этих пластинок-масок дошли до нас, и мы можем иметь представление о лицах похороненных здесь микенских царей.

С наименьшей роскошью, чем оружие и одежда, украшались жилища микенской знати. Учёным удалось раскопать два дворца — в Микенах и в Тиринфе. Они были расположены на возвышенности, окружены стенами из неотёсанных огромных каменных глыб и могли служить убежищем в случае нападения. Стены дворцов строились из хорошо пригнанных друг к другу каменных плит. В центре дворцов микенской эпохи находился большой зал с очагом, окружённым четырьмя колоннами. На стенах дворцов (особенно Тиринфского) были фрески с различными рисунками. Не забыли тиринфские мастера украсить и пол, который в главном зале был выложен мозаикой в виде ковра из красных и голубых полос.

Уже в древности люди задавали себе вопрос, кто мог построить стены микенских дворцов и окружающие их городские стены из огромных каменных плит, вес которых иногда превышал сто тонн? Вспоминали о циклопах — страшных одноглазых великанах, описанных в «Одиссее» Гомера. К одному из таких циклопов, по словам Гомера, попали Одиссей и его спутники; некоторых из них великан проглотил, остальным удалось спастись лишь благодаря хитрости Одиссея. Постройки в Микенах греки более поздней поры называли циклопическими, — видимо, они считали, что только великанам-циклопам по силам было соорудить подобные здания.

Современные учёные думают иначе. Известно, что огромные египетские пирамиды строили рабы и свободные египетские бедняки. Учёные предполагают, что и в Микенах «циклопические

Изделия микенских ювелиров и оружейников.

постройки» заставляли строить рабов и бедных жителей из числа свободного населения.

Ход исторических событий в микенскую эпоху представить себе очень трудно: в Микенах найдено очень мало письменных документов. Однако на помощь нам приходят письмена другого народа — хеттов. Хеттские надписи лишь недавно были расшифрованы учёными. Из этих надписей мы узнаём, что в период расцвета Микен их правители распространяли своё влияние на Грецию, делали набеги на Хеттское царство и на Египет. К этому

же времени относится и нападение на малоазийский город Трои. В начале XII века микенский вождь Агамемнон, располагавший большим флотом, возглавил объединённое войско царей Греции и двинулся на Трою, которую греки называли Илион. После кровопролитных битв и десятилетней осады Троя была взята. Об этом походе рассказывается в поэме Гомера «Илиада».

ПЕСНЬ АЭДА

Пир подходил к концу. В большом бревенчатом зале с потемневшими от дыма стенами стояли длинные низкие столы, некоторые — отделанные бронзой и медью. По углам зала на утопанном земляном полу валялись бычьи ноги и головы, а также испачканные кровью овечьи и бычьи шкуры. Тут ещё недавно свеживали туши животных и жарили мясо. За столами на низких скамьях сидели гости. Во главе стола на мраморном сидении со спинкой и подлокотниками сидел хозяин дома и вождь племени — *басилей*. Гости уже утолили голод и юноши, черпая ковшами вино из большого золочёного сосуда, стоявшего посередине, наполняли кубки и обносили гостей, начиная с правой — почётной — стороны стола.

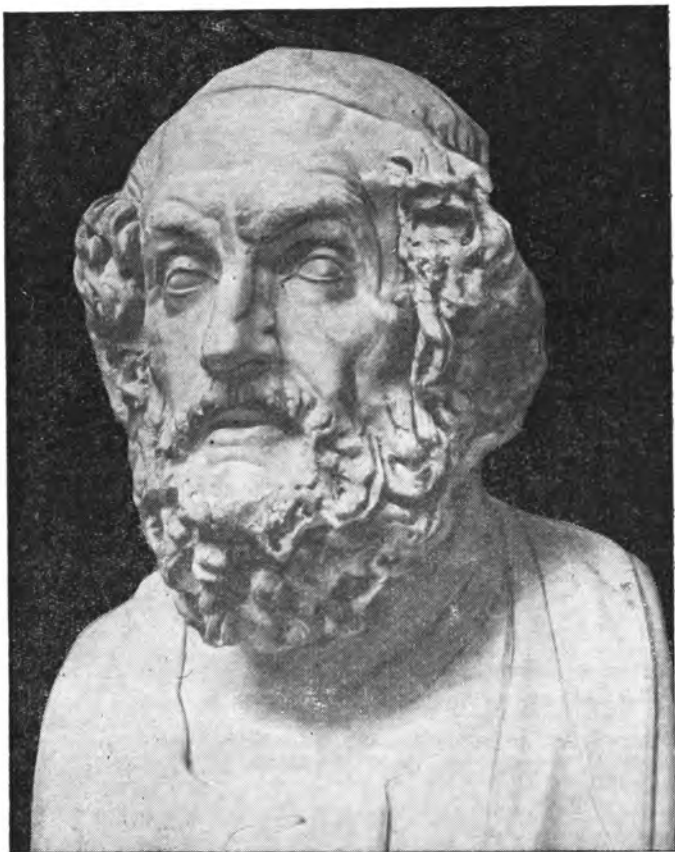
В стороне от гостей, прислонясь спиной к высокой колонне, сидел седобородый слепец. Над его головой на гвозде висела *кифара* — музыкальный инструмент вроде наших гуслей, имевший только четыре струны. Рядом с ним стояла корзина, наполненная едой, и небольшая чаша с вином. Это был приглашённый на пир *аэд*.

Аэдами в Греции называли бродячих певцов, которые под аккомпанемент кифары пели о подвигах вождей и героев. Песни эти передавались из уст в уста, из поколения в поколение. С появлением письменности многие из них были записаны и вошли в знаменитые поэмы «Илиада» и «Одиссея», автором которых предание называло слепого рапсода Гомера.

Видя, что гости насытились и наступил час развлечений, хозяин велел подать старику кифару и спросил гостей, какую из песен старины они бы хотели услышать. Один из наиболее знатных гостей попросил спеть о Троянской войне и о посрамлении Терсита.

Старик встал со своего места, взял в левую руку кифару, правой ударил по струнам и запел.

Он пел о том, как во время осады Трои поссорились два ахейских вожда: самый могучий из вождей ахейцев Ахиллес и вождь всех ахейских племён Агамемнон. Так начиналась знаменитая поэма о Троянской войне — «Илиада». Обиженный Агамемноном Ахиллес отказался сражаться, отозвал своих воинов и заперся в шатре. Уход Ахиллеса ослабил ахейское войско. Война длилась уже десятый год. Много воинов погибло. Все устали, и, чтобы решить вопрос, можно ли рассчитывать на

Гомер.

захват Трои без помощи Ахиллеса и его отряда, Агамемнон собрал народное собрание.

Такой важный вопрос, как прекращение или продолжение войны, могло решать только народное собрание. Даже совет бисилеев не имел права решить его без народа.

Глашатаи звонкими голосами сзывали всех воинов на площадь в середине лагеря у кораблей, вытасненных на берег. От шатров и палаток толпами спешили воины, собираясь по племенам и усаживаясь на площади. В те времена, когда народное собрание решало все важнейшие вопросы, часто возникали долгие споры. Воины садились полукругом, а для вождей в центре были специальные места на обтёсанных камнях.

Стоял несмолкающий шум: девять глашатаев неистово кричали, убеждая народ прислушаться к голосу вождей. Наконец, когда все успокоились, поднялся Агамемнон, держа в правой

руке скипетр — разукрашенный жезл, знак его власти верховного предводителя. Совершенно неожиданно для собрания вождь предложил воинам прекратить осаду и возвратиться домой:

«В милую землю родную бежим с кораблями немедля!
Широкоуличной Трои нам взять никогда не удастся!»

Едва Агамемнон произнёс эти слова, всё собрание ахейцев всколыхнулось, как разбушевавшееся море. Поднимая тучи пыли, неистово крича от радости, воины кинулись к своим остроносым кораблям. У судов, находящихся на суше, выбивали подпорки и тащили их к воде. Общее ликование охватило весь лагерь. Все снимали свои шатры, несли к кораблям поклажу.

Только Агамемнон и несколько вождей, стоя в стороне, злобно глядели на эти приготовления к отплытию. Вожди о чём-то совещались. Один из них, вождь племён, приплывших с острова Итаки, хитроумный Одиссей, взял у Агамемнона его скипетр и, отделившись от кучки базилеев, быстро двинулся к суетившейся на берегу толпе воинов. За ним, едва поспевая, бежал глашатай. Подбегая то к одной, то к другой кучке шумевших воинов, Одиссей старался найти того, кто своими речами увлекал остальных к кораблям. Если это был простой воин, то с ним Одиссей не стеснялся:

Скиптром его избивал и ругал оскорбительной речью:
«Смолкни, несчастный! Садись-ка и слушай, что скажут другие,
Те, что получше тебя! Не воинствен ты сам, малосилен,
И не имел никогда ни в войне, ни в совете значенья».

Если же в толпе спешащих воинов Одиссей встречал вождя или знатного человека, он старался мягкой речью убедить его вернуть своих воинов в собрание:

«Что приключилось с тобой? Не тебе бы как трусу пугаться!
Сядь же на место и сам, усади и других из народа.
Что на уме у Атрида, сказать ты наверно не можешь.
Вас он сейчас испытует и скоро, пожалуй, накажет».

Эти слова вселили тревогу в сердца вождей. Все они боялись Агамемнона, и только сейчас поняли, что притворная речь вождя была лишь испытанием. Он хотел выявить тех, кто подбивал войско бежать из-под Трои, опозорить перед лицом собрания, сурово наказать и таким образом укрепить дух воинов перед предстоящим решительным сражением. Увещания и жезл Одиссея оказали своё действие. Воины вернулись от кораблей. Скоро все снова уселись, и водворилась тишина. Только в одном месте площади продолжался шум. Это шумел и кричал Терсит...

Здесь рапсод отложил кифару и отпил из чаши золотистого вина. Гости из дальних углов пиршественного зала пересели поближе к аэду. Имя Терсита было известно всем. Часто аэды пели об этом простом воине, который осмеливался перечить басы-

леям, обличая перед народом их жадность. Его насмешки пользовались успехом у народа, и за это басилеи ненавидели его ещё больше.

Все теперь ждали, как слепой певец изобразит этого врага басилеев.

Аэд взял кифару и запел. Чтобы угодить своим слушателям, он не жалел слов, рисуя Терсита необычайным уродом:

Самый он был безобразный из всех, кто пришёл к Илиону:
Был косой, хромоногий, сходились горбатые сзади
Плечи на узкой груди. Голова у него поднималась
Вверх остриём и была только редким усеяна пухом.

Последние слова были покрыты громким хохотом. Среди здоровых и сильных вождей образ Терсита казался особенно смешным.

Но когда аэд перешёл к речи Терсита, часть гостей, сидевших на левой нижней половине стола, также прислушалась и перестала смеяться. Послышались даже сдержанные одобрительные возгласы... «Чем ты опять недоволен, Атрид, и чего ты желаешь?» — упрекал Агамемнона Терсит.

«Золота ль хочешь ещё, чтоб его кто-нибудь из троянских
Конников вынес тебе для выкупа сына,
Был бы иль мной приведён, иль другим из ахейцев пленённый».

«Вот и я тоже,— забывшись, громко произнёс лохматый, бедно одетый человек, сидевший на нижнем конце стола,— приволок локрийского вождя на ремне в наш лагерь. Всё их племя собирало золото для его выкупа. А много ли я получил?»

Но он внезапно замолчал, когда заметил устремлённый на него грозный взгляд хозяина дома...

А речь Терсита, которую пел аэд, становилась всё дерзостней. Терсит призывал народ покинуть Агамемнона под Троей, а самим вернуться домой:

«Слабые, жалкие трусы! Ахейки вы, не ахейцы!
Едем обратно домой на судах! А ему предоставим
Здесь же добычу свою переваривать! Пусть он увидит,
Есть ли какая-нибудь и от нас ему помощь, иль нету».

Голос аэда звучал грозно и громко. Словно невидимая стена разделила гостей: верхний конец стола во главе с хозяином дома мрачно молчал, на нижнем шептались, у многих разгорелись глаза. Аэд почувствовал, что пора ослабить впечатление, произведённое речью Терсита. Чтобы вернее достичь своей цели, аэд рассказал, как против Терсита выступил хитроумный вождь Одиссей, которого за его ум любили больше всех других ахейских вождей.

«Глупый болтун ты, Терсит, хоть и громко кричишь на собраньях!
Смолкни, не смей здесь один нападать на царей скиптроносных».

Одиссей напомнил собранию, что во время войны твёрдая власть единого начальника необходима:

«Царствовать все сообща никогда мы, ахейцы, не будем,
Нет в многовластии блага, да будет единый властитель!»

Обращаясь к Терситу, он закричал:

«Брось-ка ты лучше трепать языком про царей на собраниях,
Их поносить всенародно и день ожидать возвращения...»
Молвил и скиптром его по спине и плечам он ударил.

«Странное доказательство своей правоты,— пробурчал тот же самый лохматый гость, который прежде вспоминал, как он захватил в плен локрийского вождя,— дубиной можно доказать всё, что угодно». Певец и сам чувствовал, что посрамление Терсита вышло неполным. Боясь разгневать знатных слушателей, он всячески старался теперь показать представителя народа жалким и смешным трусом:

Сжался Терсит, по щекам покатились обильные слёзы;
Вздулся кровавый синяк полосой на спине от удара
Царского скиптра золотого, и сел он на место в испуге,
Скорчась от боли и тупо смотря, утирал себе слёзы.
Весело все рассмеялись над ним...

Образ воина в латах, утирающего себе слёзы кулаками, казался действительно смешным. На хозяйском конце стола раздался хохот и крики одобрения. Хозяин сам налил огромный дорогой кубок лучшего вина и послал его аэду.

Когда пир был окончен, гость, сидевший на нижнем конце стола, взялся проводить певца в отведённое для ночлега место. Перед дверью слепец споткнулся о собаку, растянувшуюся на куче навоза. «Осторожнее,— сказал аэду спутник, поддерживая его за локоть,— ты и так сегодня достаточно замарал себя, угождая басилеям и стараясь опорочить честного Терсита. Дар песен ведь дан тебе от богов, чтобы радовать людей, славить красоту и правду».

Певец засмеялся. «Не для сегодняшних слушателей слагаю я свои песни,— отвечал он.— Мои песни поёт народ, и народ сохранит их для грядущих поколений. Речи Терсита в моей песне расскажут им, как жили и думали простые люди наших дней, а пока пусть басилеи смеются над его худобой и лысой головой, заострённой кверху».

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Ночь была морозная. Сильный ветер с моря продувал насквозь маленькую, наскоро сколоченную хижину. Генрих Шлиман и его жена гречанка София, несмотря на поздний час, не могли уснуть. Холод был настолько сильный, что от него нельзя было укрыться ни под какими одеялами. Даже Шлиман, много

лёт живший в холодном Петербурге, не мог заснуть в такую погоду.

...Была зима 1873 года. Уже второй год они жили в глухом уголке Турции, занимаясь раскопками холма Гиссарлык. Само название холма подсказывало, что копать надо именно здесь. «Гиссарлык» по-турецки означает «место развалин». Местность очень походила на ту, где, по описанию Гомера, находилась древняя Троя, или, как её иначе называли греки, «Священный Илион». На восток от холма высилась лесистая гора Ида, с запада протекала река Скамандр, также описанная Гомером. В нескольких километрах виднелось Эгейское море с небольшим заливом и Геллеспонт — нынешние Дарданеллы — пролив, ведущий в Мраморное море.

Шлиман и его жена сидели, закутавшись, у небольшого очага и тихо беседовали: «Возьми книгу, София,— попросил Шлиман,— и прочти о гибели Трои». София открыла старинную толстую книгу и стала читать вслух.

«Весь ахейский лагерь гудел. Чинили корабли, разошедшиеся от долгого пребывания на берегу, снимали палатки. Кричали воины, ревел скот, рыдали пленницы, которых гнали к чернобоким кораблям. Перед самым заходом солнца всё было погружено на суда, подняты якоря, загремела дружная песня гребцов и ахейские корабли покинули гавань. Скоро из глаз скрылась крепостенная Троя, и лишь покрытая лесом гора Ида, освещённая последними отблесками заката, долго ещё виднелась на темневшем горизонте.

С первыми лучами солнца в дворец троянского вождя старца Приама прибежал вестник. Он принёс удивительную новость: враги, так долго и упорно осаждавшие Трою, неожиданно уплыли, потеряв, очевидно, надежду на захват города. Но вестник не решился подойти к покинутому лагерю, так как видел издали какое-то огромное деревянное сооружение, одиноко черневшее на песчаном берегу.

По распоряжению Приама были посланы люди, чтобы разведать, совсем ли ахейцы покинули берег и нет ли здесь какой-либо хитрости. Посланные вернулись и донесли, что враги сожгли и разрушили все остатки лагеря.

«Ясно, что теперь они уже не вернуться»,— сказал стоявший тут же Эней — племянник Приама, один из самых храбрых троянских воинов. Разведчики рассказали также, что на берегу стоит огромное деревянное изображение коня — единственное, что осталось на месте долгой стоянки врагов, если не считать огромных куч мусора. Когда в городе стало известно, что осада снята и губительная война, стоившая обеим сторонам стольких жертв, прекратилась, все жители выбежали за ворота в поле. На этом обширном поле почти ежедневно целых десять лет бились греки и троянцы. Теперь всё оно было покрыто народом. Радостно шумя, троянцы приблизились к покинутому лагерю. Всем

хотелось взглянуть на те места, где стояли палатки знаменитых ахейских вождей. Вся толпа в изумлении окружила громадного коня: зачем нужен был ахейцам этот деревянный конь, почти с гору величиной, почему они оставили его здесь на берегу? В толпе возникли споры.

Один из молодых воинов, в плаще, с копьём в руке и щитом за спиной, без шлема, горячился больше всех: «Ахейцы уже не раз хотели бежать из-под Трои. Они не меньше нашего устали от десятилетней войны. На этот раз пришлось им убраться не солоно хлебавши. Раньше их пиратским шайкам удавалось грабить наше побережье, убивать наших мужчин и увозить наши богатства. Они думали, что, объединив много племён, они захватят и Трою. Но не тут-то было. На этот раз им не повезло. Они уже не вернутся. Коня же надо перевезти в Трою и поставить на священном холме. Пусть он напоминает грядущим поколениям о наших славных делах». Воину так же горячо возражал седобородый старик: «Зачем нам тащить в город такую громаду? Лучше сжечь его или сбросить в море. Забавно будет посмотреть, утонет он или поплывёт». Троянский вождь Приам слушал эти споры молча. Он не знал, на что решиться.

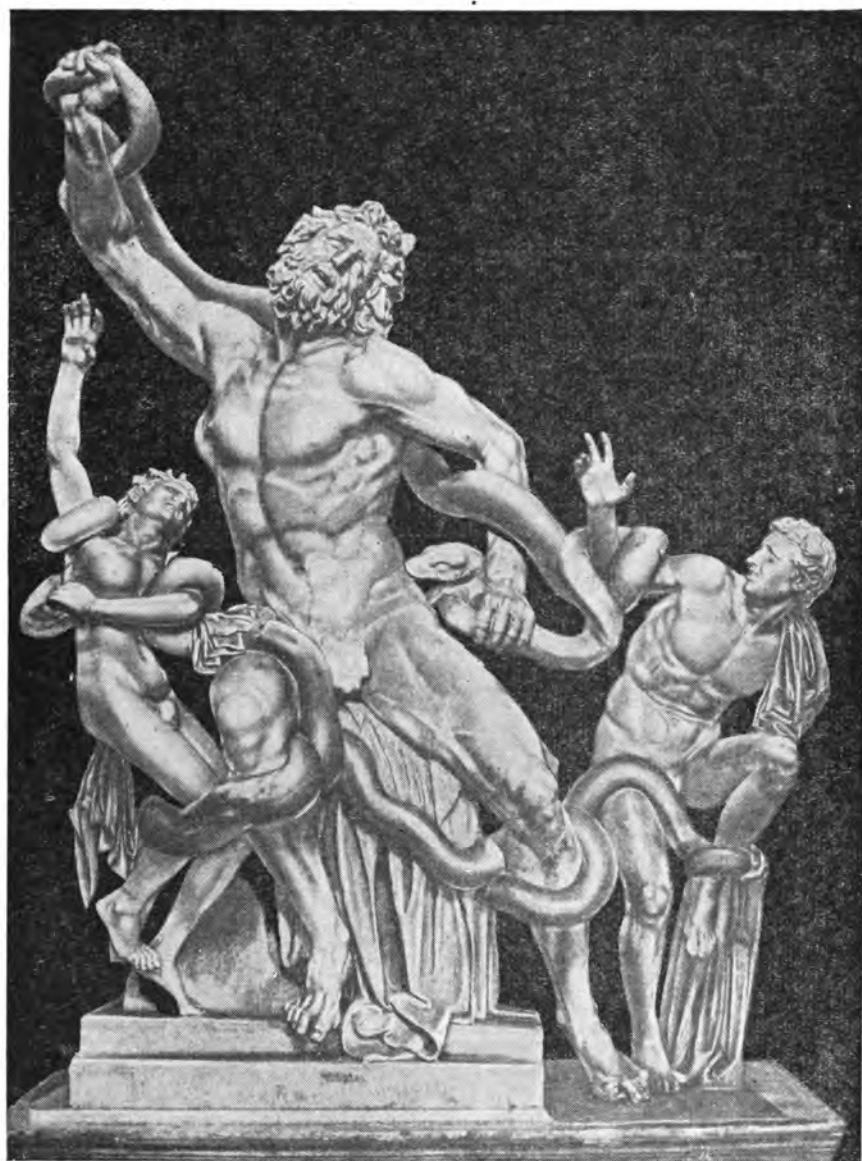
В этот момент, расталкивая толпу, к Приаму приблизились несколько пастухов. Они вели худого, оборванного юношу. Он был весь измазан тиной и болотным илом. Под глазом у него был синяк, вся спина и плечи в кровоподтёках и царапинах. Руки его были скручены за спиной. Он шёл понуря голову, подталкиваемый грубыми пинками пастухов. Когда вся эта группа приблизилась к царю, один из пастухов резким толчком поставил пленника на колени.

«Кто ты такой?» — спросил Приам.

«Я несчастный ахеец Синон, — ответил пленник, — мой старый враг, хитроумный Одиссей, задумал погубить меня. Ахейцы, утомлённые войной, давно хотели отплыть от ваших негостеприимных берегов, но мешали противные ветры. Жрецы сказали, что боги требуют человеческой жертвы, иначе ветры не утихнут и никто не вернётся домой. Одиссей указал на меня. Все были рады спастись, пожертвовав одним человеком. Накануне дня жертвоприношения я бежал из-под стражи и скрывался в болотах. Сегодня на рассвете я увидел, что лагерь ахейцев опустел, и выбрался из своего убежища. Ваши люди схватили меня, когда я брёл по равнине к Трое. Мне теперь закрыт путь домой, и я надеялся, что найду у вас или новую родину, или смерть».

Тогда родственник Приама, Эней, стоявший рядом с бацилеем, спросил:

«Скажи нам, перебежчик, зачем ахейцы построили это чудище да ещё оставили его нам». И он указал на высившуюся громаду коня. Синон отёр лицо и заговорил снова: «Этого громадного коня ахейцы построили в дар богине Афине и нарочно

Лаокоон.

оставили здесь. Сейчас я открою вам тайну, которая принесёт Трое огромную пользу. Может быть, за это вы пощадите меня и дадите приют жалкому беглецу, лишённому отечества. Ахейцы рассчитывали, что вы уничтожите это чудовище и тем навлечёте на себя гнев богини. Было предсказание: если этот, посвящённый Афине конь будет в Трое, неприступен сделается город троянцев, а ахейцы в будущих войнах потерпят поражение. Вот почему греки не жалели трудов и старались сделать фигуру коня такой огромной, чтобы он не мог пройти в ворота стен, окружающих город».

Приветливо смотрели теперь троянцы и сам Приам на жалкого пленника. Царь приказал развязать ему руки, и, подняв их к небу, Синон сказал: «Клянусь всеми богами Олимпа, что всё сказанное мною — истинная правда! Пусть мне не жить, если клятва моя — ложь!» Пастухи, доставившие пленника, выступили вперёд, рассчитывая на щедрую награду.

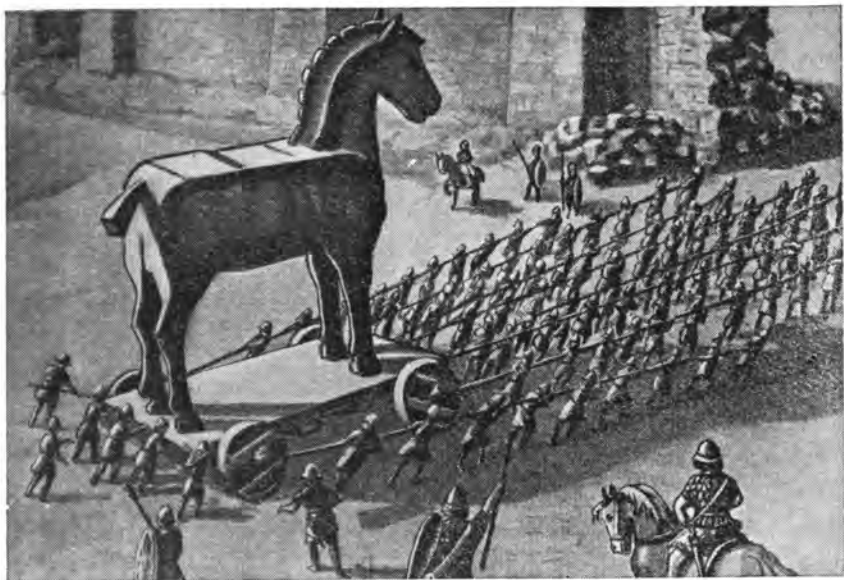
«Зачем вы слушаете этого обманщика?» — раздался в это время громкий голос. Все обернулись. С высокого холма, на котором стоял храм морского бога, колебателя земли Посейдона, быстро сбегал почитавшийся всеми троянцами за мудрость жрец Лаокоон. В руке он держал боевое копье, волосы его развевались от быстрого бега. За ним едва поспевали оба его малолетних сына. «Что за безумие овладело вами, — крикнул он, расталкивая толпу, — неужели вы верите, что ахейцы ушли совсем. Вы верите шпиону, подосланному врагами, и хотите тащить это деревянное чудовище в город. Что вы, слепые?» — и обернувшись к стоявшим в растерянности пастухам, он повелительно крикнул: «Ну-ка, быстро тащите сюда хворост. Посмотрим, как горит это сооружение».

«Стоит ли так торопиться», — возразил Приам.

«А что же мешкать? Мне противно и страшно всё, сделанное руками ахейцев», — и с этими словами Лаокоон метнул своё копье в коня. Со свистом пролетело пущенное могучей рукой копье и впилось в бок чудовища. Станный звон раздался из недра коня.

Но в этот момент вспенилось море, и на поверхности его показались две огромных змеинных головы. Змеи быстро приближались к берегу, оставляя за собой след в волнах. Выбравшись на берег, извиваясь блестящими на солнце кольцами, змеи кинулись на сыновей Лаокоона. Все в страхе побежали. Особенно быстро бежал Синон. Лицо его искажилось от ужаса. Ему казалось, что змеи гонятся именно за ним. Несчастный Лаокоон бросился на помощь к детям. Змеи охватили своими огромными кольцами сыновей и отца. Вмиг все трое были задушены, а змеи, не тронув никого больше, проскользнули в храм Афины и скрылись там в ногах статуи богини.

Все стояли, поражённые страхом. «Оскорбитель святыни понёс наказание по заслугам. Ведь он хотел уничтожить священ-

«Троянский конь».

ный дар, поднесённый Афине», — закричал Синон, почувствовав, что опасность уже для него миновала. Эти слова убедили суевверных троянцев. Гибель Лаокоона показалась им знамением свыше.

Все теперь спешили втащить коня в город. Под чудовище подчели колёса, верёвками обвязали огромное тело. Как и предупредил Синон, конь не проходил в ворота и пришлось ломать часть стены. Наконец он был водворён в крепость возле храма Афины. Радостно провели вечер троянцы. Песни и веселье не смолкали до поздней ночи, пока, наконец, валясь с ног от усталости и выпитого вина, жители не разошлись по домам, оставив лишь небольшую стражу у повреждённых ворот. Глубокий сон охватил всех.

В это время далеко в открытом море в ночной мгле вспыхнул огонь. Это был сигнальный фонарь на корме корабля Агамемнона. Ахейцы лишь нарочно сделали вид, что навсегда покидают троянский берег. Когда наступила ночь, весь ахейский флот повернул обратно к Трое, и войско в полном молчании стало высаживаться на берег.

В Трое всё было тихо, но как только в море засветился сигнальный фонарь, чья-то тёмная фигура скользнула к храму богини Афины, около которого стоял деревянный конь. Закутанный в плащ человек приблизился к коню и постучал три раза в деревянный бок. Внутри чудовища послышался странный звон, а затем приглушённый голос спросил: «Это ты, Синон?»

«Выходите быстрее,— отвечал стучавший.— Агамемнон с корабля подаёт сигнал о высадке наших войск».

Из коня один за другим стали выскакивать воины, звеня медными доспехами. Затем весь ахейский отряд, во главе которого стоял Одиссей, придумавший эту военную хитрость, в полной тишине двинулся к воротам. Сонная троянская стража, никак не ожидавшая нападения из города, была перебита раньше, чем она успела поднять тревогу. Ворота были широко распахнуты и ахейское войско, высаженное с кораблей, подобно многоводному потоку, прорвавшему плотину, беспрепятственно влилось в улицы спящей Трои.

Сонные жители, повскакавшие со своих постелей, были беспомощны. Половина Трои была охвачена пожаром. Пламя, вздымавшее к небу тучи багровых искр, отражалось в водах залива, освещая ряды ахейских судов. Среди рушившихся домов небольшие кучки троянцев бились с врагами на узких улицах. Перевес был явно на стороне ахейцев, так как троянцы были захвачены врасплох. Уже был взят высокий дом Приама, один за другим гибли троянские отряды, удерживавшие ахейцев. Начались грабежи и убийства. Когда рассвело, на месте Трои виднелись лишь дымящиеся развалины, среди которых ещё бродили в поисках добычи ахейские воины. По направлению к греческим кораблям вдоль берега брели толпы пленниц со связанными руками, подгоняемые ахейцами».

София закрыла книгу.

«Ты знаешь, София,— поднял голову Шлиман,— мало кто верит сейчас в то, что действительно была Троянская война, даже в то, что существовал когда-то такой город. Но я уверен, что события, воспетые Гомером, не просто досужий вымысел поэта, а истинная быль о прошлом греческого народа. Разыскать древнюю Трою, доказать истинность всего рассказанного слепым певцом стало с детских лет целью моей жизни. Множество препятствий стояло на моём пути, но я преодолел их. Осталось последнее: вырвать из недр Гиссарлыка скрытые там памятники истории. Над моими усилиями смеются многие учёные, но я верю, что настанет время, когда им придётся признать мою правоту. Я найду развалины разрушенной ахейцами Трои».

Уже рассветало. На раскопе появились первые рабочие. Начался трудовой день.

Работа подвигалась медленно.

В полдень Шлиман отпустил рабочих обедать, а сам с женой продолжал неумоимо копать. Вдруг он закричал: «Нашёл!» — и подбежал к Софии с вытасканным из земли обломком золотого украшения. «Вот стена! — кричал он жене. — Наверно мы натолкнулись на сокровищницу базилея Приама!»

В этот день Шлиман и его рабочие отрыли стены, на которых явно виднелись следы пожара, уничтожившего здание. Под

одной из стен удалось обнаружить более восьми тысяч древних золотых вещей, бронзовое оружие и сосуды.

Шлиман не сомневался, что он нашёл, наконец, развалины Трои, которая была сожжена ахейцами, засыпана потом песком и только благодаря его усилиям увидела теперь свет, чтобы поведать миру удивительные истории о людях, живших более трёх тысяч лет тому назад.

Многие из предположений Шлимана были неверны. Золотые вещи и город, им найденный, оказались более древними, чем описанное Гомером время Троянской войны.

Но в одном он был прав. Его раскопки начали эпоху открытий, заставивших учёных по-новому отнестись к поэмам Гомера. В этих поэмах много легендарного, как, например, рассказы о богах, или такие рассказы, как о змеях, задушивших Лаокоона и его сыновей, но вместе с тем выяснилось, что многое из того, о чём рассказывается в этих греческих былинах, правдиво изображает далёкое прошлое греческого народа.

ОДИССЕЙ У ЛЕСТРИГОНОВ

Корабли вошли в тень, падавшую от прибрежных утёсов. Скалы нависли над морем острыми обломками, как сказочные великаны, протянувшие руки, чтобы схватить добычу. Однако сидевшим на вёслах ахейцам было не до красот природы.

Корабли носили на себе следы долгодневной бури. У многих нехватало мачт, на некоторых была снесена часть палубы. Гребцы так устали, что не было даже слышно песен, обычно помогавших соблюдать ритм при гребле. На корме переднего корабля у руля стояли два человека. Один из них в медном панцире, в шлеме, с мечом у пояса, был хитроумный Одиссей — правитель острова Итаки. Другой, маленький, темнолицый человек, закутанный в плащ, был его глашатай Эврибат. Каждый базилей имел своего глашатая. Глашатай от имени базилея созывал собрание, громко объявлял воинам распоряжения предводителя, служил посланником для переговоров с противником.

Одиссей внимательно глядывался в мрачные утёсы.

«Очень несчастливо идёт наше возвращение домой после разрушения Трои, — сказал Эврибат. — Вся дружина надеялась поживиться в пути, нападая на прибрежных жителей. Только в первые дни плавания нам это удалось, когда мы разграбили город Исмар. Но и тогда мы понесли большие потери. А с тех пор — только несчастья. Сначала посещение острова великана-циклопа Полифема, где мы потеряли шесть спутников, а потом эта страшная буря!»

Одиссей, занятый своими мыслями, не слушал товарища.

«Опять нет подходящего места для причала», — пробормотал он и более внимательно стал вглядываться в очертания берега.

«А где мы теперь находимся?» — спросил Эврибат, стараясь вызвать Одиссея на разговор.

«Где-то на краю земли.— Одиссей отвечал неохотно, хотя понимал, что верный друг старается расспросами отвлечь его от печальных мыслей.— Буря занесла нас, очевидно, к великому Океану¹, обтекающему землю. Путешественники рассказывают, что жизнь здесь суровая и люди необычные. Они не сеют хлеба, разводят стада коров, лошадей и питаются молоком и сыром. Они доят кобылиц и делают из их молока вкусный и пьянящий напиток. За это и прозвали их путешественники «гиппемолги» — доильщики лошадей. Люди они справедливые; всё у них общее, кроме чаш и мечей. Они любят свободу и храбро сражаются, если на них нападают».

«Странно, час уже поздний, а всё ещё светло», — заметил Эврибат. Ему хотелось, чтобы Одиссей продолжил свой рассказ об удивительной стране, к берегам которой их занесла буря.

«Летом — продолжал разговорившийся Одиссей, — здесь так светло, что скот можно пасти и днём, и ночью. Зато где-то дальше живут киммерийцы. Там уже никогда не появляется солнце. Постоянная ночь окружает людей. Небо покрыто облаками, а на земле стоит влажный туман. Какими мужественными должны быть люди, которые могут выдержать такие трудные условия жизни!»

Речь Одиссея была внезапно прервана криком, раздавшимся на носу корабля: «Гавань в виду!» Этот крик повторили на других судах. Гребцы дружнее налегли на вёсла, и корабли понеслись быстрее.

Налево виднелся залив, который, суживаясь, исчезал между двумя высокими горами. Одна из них, увенчанная зубчатыми утёсами, напоминала какое-то страшное чудовище. Одиссей подал знак, и корабли вошли в тихие воды бухты. Ахейцы поставили суда рядами в глубине бухты, связывая их между собой. Одиссей приказал поместить свой корабль отдельно у самого выхода в открытое море, привязав его к утёсу только одним канатом. Вслед затем, сопровождаемый Эврибатов, он вышел на берег и, взобравшись на высокую скалу, стал осматривать окрестности. Кругом, насколько хватал глаз, не было видно ничего, кроме гор, покрытых лесом, и зелёных лугов.

«Эврибат, — обратился Одиссей к глашатаю, — возьми с собой двух воинов и разведай, какие здесь живут люди. Если эти места населены могущественным народом, постарайся завязать с ним дружественные отношения. Помни, что нам нужно отдохнуть, набрать запас пресной воды и пищи и что наши корабли нуждаются в починке».

¹ В эпоху составления «Одиссеи» греки думали, что земля — это остров, который со всех сторон обтекает огромная река Океан, а недалеко от этой реки на краю света обитают скифы и киммерийцы (древнейшие жители Юга нашей родины).

Эврибат кивнул головой и спустился с утёса в воду, где ахейские воины уже начали готовить место для лагеря. Через некоторое время, сопровождаемый двумя спутниками, он покинул берег и двинулся внутрь страны.

Скоро путники вступили на гладкую, хорошо вымощенную дорогу. «Путь хороший,— сказал Эврибат,— народ здесь, видимо, живёт не дикий. Эта дорога приведёт нас к какому-нибудь городу». «Если город богат, может быть нам удастся поживиться? — спросил один из ахейцев.— Мы давно уже не нападали на прибрежных жителей».

«Одиссей приказал завязать с жителями дружеские отношения и воспользоваться их помощью для починки кораблей. Ну, а когда корабли будут в порядке, конечно, Одиссей не откажется захватить добычу, если к тому представится случай: ведь мы все хорошо знаем нашего вожда»,— ответил Эврибат.

В это время за поворотом дороги показалась длинная вереница повозок, запряжённых быками. Повозки были наполнены дровами. Около задней повозки, которую скоро догнали ахейцы, шагал загорелый возчик очень высокого роста. В руке он держал тяжёлую суковатую палку. Около других возов виднелись такие же высокие загорелые люди.

Эврибат, опытный в посольских делах, подошёл к возчику, который молча разглядывал глашатая, видимо, ожидая, пока тот заговорит первый.

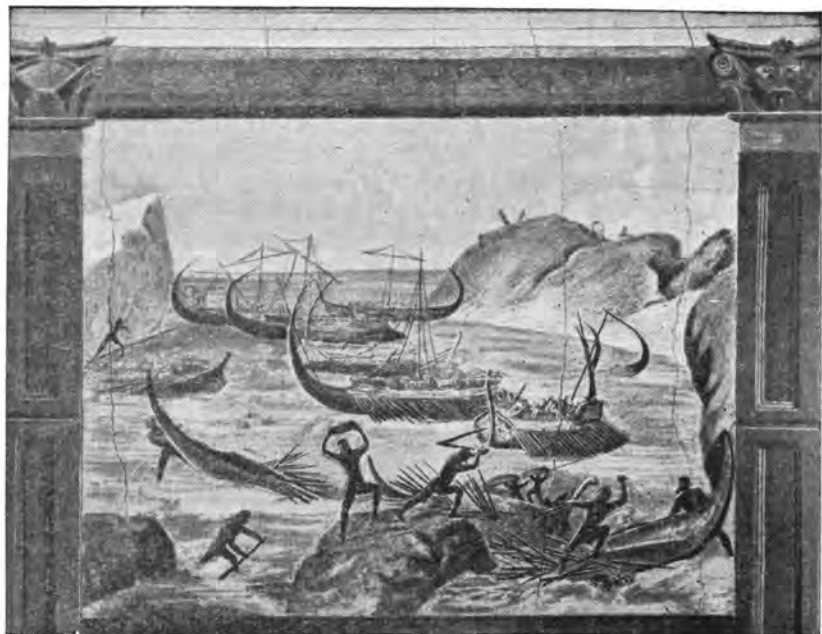
«Скажи, друг, к какому народу занесла нас, несчастных, жестокая буря»,— спросил Эврибат.

«Мы народ могучих лестригонов¹. А вы люди с кораблей, которые подошли сегодня к нашему берегу?» — спросил возчик, недоверчиво поглядывая на ахейцев.

Эврибат объяснил, что они посланы к вождям племени завязать дружеские отношения и просить о гостеприимстве. Пока продолжался разговор, путники достигли города. Со слов возчика Эврибат понял, что лестригонам уже известно о прибытии чужого флота в их гавань. Кроме того, ахейцы нигде не видели пасущихся стад, хотя лестригоны им сказали, что здешние жители занимаются главным образом скотоводством и лучшие пастбища лежат на берегу бухты, в которую вошли корабли. Опытный Эврибат понял, что жители боятся чужеземцев и уже приняли меры предосторожности на случай внезапного нападения.

В это время возле самых стен города ахейские послы увидели источник, около которого толпились рослые девушки с медными кувшинами, набиравшие воду. Эврибат обратился к одной из девушек, выделявшейся красотой и богатой одеждой, с хит-

¹ Гаванью лестригонов некоторые считают нынешнюю Балаклавскую бухту в Крыму близ города Севастополя. Известный русский писатель Александр Иванович Куприн даже дал название «Лестригоны» одному рассказу, в котором он повествует о жизни и нравах черноморских рыбаков.

Одиссей у лестригонов.

рой и вкрадчивой речью. Называя её царской дочерью, он рассказал ей о всех бедствиях, которые претерпел Одиссей и его спутники, умолчав, конечно, о их разбойнических подвигах, и униженно просил указать, к кому могут обратиться несчастные путники с мольбой о покровительстве и гостеприимстве.

Девушка, выслушав льстивую речь Эврибата, сказала, что она может отвести послов к своему отцу, вождю лестригонов Антифату. Эврибат облегчённо вздохнул: под покровительством дочери вождя послы могли чувствовать себя в полной безопасности. Пройдя через многолюдный город, девушка привела послов Одиссея к дому отца и ввела их во внутренние покои. Там они встретили супругу вождя, которая на речи Эврибата ответила, что им придётся подождать возвращения мужа, за которым она тут же послала. Антифат в это время находился в народном собрании. Узнав о прибытии чужеземных послов, Антифат поспешил во дворец. В это время осторожный Эврибат, оставив во дворце одного из спутников, взял с собой другого, вышел на улицу и стал ждать исхода переговоров. Он видел, как Антифат с вооружёнными людьми быстро вошёл во дворец. Тотчас затем ахейцы услышали крик оставленного во дворце товарища и звон оружия. Понимая, что посольство постигла неудача, Эврибат со своим спутником бегом пустился к кораблям, чтобы предупредить Одиссея о надвигающейся опасности.

Царь лестригонов с первых же слов посла понял, что перед ним грабитель из тех ахейцев, что в течение десяти лет, воюя с Троей, разоряли окрестные народы. Узнав, что двое бежали, Антифат организовал погоню. Он хотел захватить корабли ахейцев. Преследуемые лестригонами Эврибат и его спутник достигли берега и подняли тревогу. Как безумные, метались ахейцы, подымая якоря и садясь за вёсла. Только корабль Одиссея успел выйти в открытое море. Не зря предусмотрительный итакийский вождь поставил свой корабль у самого устья бухты, где он качался на волнах, привязанный к утёсу одним только толстым канатом. Остальные одиннадцать кораблей, сталкиваясь в узком проливе, разбивались о камни. На всех прибрежных утёсах появились лестригоны, которые метали в гребцов большие камни. Крик поражаемых камнями и копьями ахейцев, треск разбиваемых кораблей создавали невообразимый шум...

Одиссей, выйдя в открытое море, некоторое время ожидал, не вырвется ли ещё кто-нибудь из страшной бухты. Охваченный горем и злобой, смотрел итакийский вождь на гибель своих товарищей. Когда Одиссей, наконец, убедился, что ни один корабль не избег гибели, он отплыл прочь от опасного берега. Он знал теперь, что здесь живёт могущественное племя, которому не страшны ахейские пираты и которое нельзя обмануть хитростью.

...Свежий ветер надувал паруса, и скоро гавань лестригонов скрылась из вида. Кругом было необъятное и бурное море, в котором ахейцев ждали новые опасные приключения.

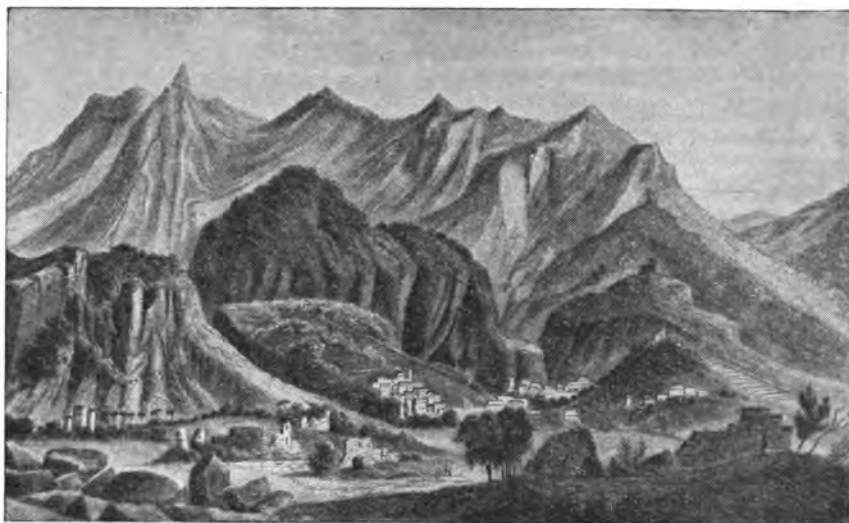
В ДРЕВНЕЙ СПАРТЕ

«Подъём!» — закричал *ирен*. Мальчики быстро вскочили с земли, на которой они спали на подстилках из тростника. День начинался обычно.

В древней Спарте только до семи лет мальчики оставались в отцовском доме под присмотром матери. Как только им исполнилось семь лет, их забирали из родного дома и делили на *агелы*, что значит — стада. Они жили и ели вместе и приучались проводить время друг с другом. Начальником каждой группы выбирали самого понятливого, смелого и сильного из иренов, то-есть, юношей, достигших уже 20 лет. Все должны были слушаться его приказаний.

Воспитанием детей в Спарте ведало государство. Школа была прежде всего школой послушания. Главная цель обучения — воспитать дисциплинированного и смелого воина. Грамоте и другим наукам детей учили только по мере необходимости, чтобы они могли прочесть приказ или написать краткое донесение...

Окунувшись в холодную воду протекавшей рядом реки Эврта, мальчики съели по куску хлеба — скудный завтрак, выдававшийся им по утру.

Вид Спарты.

Построившись, они ждали распоряжений начальника. Младшие, до 12 лет, были одеты в длинные рубашки. Двенадцатилетние и старше в рваных плащах на голом теле стояли сзади. И зимой и летом босые, остриженные наголо, они должны были ходить в этом плаще, принимать участие в дальних переходах, и поэтому неудивительно, что лишь жалкие лохмотья прикрывали их жилистые тела.

Ирен повёл мальчиков в *гимнасий* — огороженную колоннами большую площадку, где жители Спарты, занимаясь физическими упражнениями, проводили большую часть своего времени.

Придя туда строем, мальчики скинули одежду и разбились по возрасту на отдельные группы. Гимнасий представлял собой интересное зрелище: дети и взрослые метали диск, копье, упражнялись в беге, бились на кулаках и даже мечами. Взрослые показывали юношам образцы военного искусства, старики наблюдали за упражнениями и подавали советы, рассказывали о подвигах предков.

Один из старейших и наиболее уважаемых граждан был приставлен к мальчикам в качестве воспитателя; наблюдая за играми детей, он нарочно подзадоривал их, стараясь довести до настоящей ссоры. Только таким путём, считал он, можно выявить характер каждого. Взрослые не боялись, что в драке дети покалечат друг друга. Слабому не было места среди воинов-спартанцев. Ему лучше не жить вовсе, если он не может силой отстоять себя, — так считали в Спарте.

Два мальчика, Гилл и Филипп, готовились вступить в кулачный бой. Гилл и Филипп были друзьями. Несмотря на то, что

Филипп был на год старше, в казарме их тростниковые подстилки лежали рядом, и часто, после того как все засыпали, они вели длинные беседы.

Гилл очень любил страшные сказки и рассказы, а Филипп знал бесчисленное множество историй о фессалийских ведьмах, призраках и прочих страшных вещах.

Сейчас приятели, подзадориваемые воспитателем, готовились начать кулачный бой. Они никогда ещё не мерялись силами, и исход сегодняшнего поединка волновал обоих. Сначала они наносили удары как бы нехотя, каждый щадил другого, не было настоящей злобы друг против друга. Но когда Филипп сильно ударил противника по лицу, Гилл рассвирепел и начал драться всерьёз. Филипп начал подаваться: один глаз его был подбит, из носа шла кровь. «Молодец! — кричал воспитатель, — не жалея этого труса, всыпь ему хорошенько!» Поощряемый этими криками, коренастый Гилл удвоил усилия, и Филипп растянулся на земле. Это означало конец поединка.

Когда Гилл увидел своего противника лежавшим, всё его озлобление разом пропало. Ему стало жалко Филиппа. Ведь он был его лучшим товарищем. Пользуясь тем, что воспитатель перенёс всё своё внимание на других мальчиков, Гилл помог приятелю поскорее подняться. Он очень боялся, что воспитатель, как это было принято, начнёт зло высмеивать потерпевшего поражение, а то ещё и накажет его за то, что тот вёл себя недостаточно мужественно. Всё, однако, обошлось благополучно.

После нескольких часов упражнений взрослые покинули гимнасий и большими группами двинулись к площади, где в этот день должны произойти выборы в *герусию* — спартанский совет старейшин. Если бы не такое событие, мальчики отправились бы раздобыть себе чего-либо поесть, так как после скудного завтрака их не переставал мучить голод. Но народное собрание происходило только раз в месяц, и они вслед за взрослыми побежали за город. Собрание происходило на обширном поле, отделённом ручьём, впадавшим в Эврот. Здесь не было ни красивых

Мальчик, вынимающий занозу.

зданий, ни галерей, ни даже статуй богов. Голое поле, на котором чернелось несколько жалких домишек. На поле собрались мужчины старше 30 лет, имевшие право принимать участие в народном собрании. На возвышении сидели два царя, недавно вернувшиеся из похода, и 27 *геронтов*, каждый из которых был старше 60 лет. Все они происходили из самых знатных спартанских семей. Обычно геронтов было 28, но один из них, почти столетний старик, на днях умер, и сегодня предстояло выбрать кого-либо на его место.

Вдруг граждане расступились. К возвышению, на котором сидели геронты, молча и важно прошли 5 человек. Когда они приблизились, все, включая царей, встали. Это были *эфоры*. Эфоры в Спарте держали в своих руках всё управление. Каждый месяц цари давали им клятву царствовать по законам государства. Горе было царю, если он пытался им воспротивиться. Уже не раз эфоры изгоняли неугодных им царей, а некоторых даже приговаривали к смерти.

Старший из эфоров открыл собрание: он предложил выбрать комиссию, которая будет судить о результатах выборов. Тотчас один из геронтов назвал имена. В толпе народа послышался лёгкий шум; громких криков протеста не было слышно, и председательствовавший эфор объявил, что комиссия избрана. Так обычно в Спарте протекало народное собрание. Выступать разрешалось только царям, эфорам и геронтам. Народ криком утверждал или отвергал их предложения.

Избранную комиссию отвели в закрытое помещение в центре площади, откуда они могли слышать всё происходящее, но ничего не видели. Сегодня на освободившееся место геронта должны были выбираться четыре старца. Все они происходили из старинных, знатных семей. Они бросили между собой жребий, в каком порядке им пересекать площадь и проходить мимо закрытого помещения, где находилась комиссия.

Шествие началось. Толпа приветствовала каждого из проходивших криками одобрения. Комиссия, слыша эти крики, решала, кого из проходивших приветствовали с наибольшим воодушевлением. Так как окна дома были заколочены и члены комиссии не знали, в каком порядке старцы проходили через площадь, то комиссия, вынося своё решение, сама не знала, в пользу кого именно раздавались самые громкие крики.

На этот раз было решено, что больше всего кричали тому, кто проходил последним. Гилл был очень горд, потому что избранный приходился ему родственником. Филиппу же казалось, что крики в пользу нового геронта вовсе не были самыми громкими, что не случайно избранным оказался брат одного из эфоров и что члены комиссии, стремясь угодить могущественному эфору Клеандру, дяде Гилла, ухитрились каким-то образом узнать порядок проходивших.

Народное собрание в Спарте никогда не длилось долго. Хотя

граждане и стояли, но у выносливых спартанцев не успевали даже устать ноги. Все вопросы решались быстро, так как эфоры и герусия готовили решения заранее, а дисциплинированные спартанцы никогда не оспаривали мнения должностных лиц.

Правда, на этот раз часть граждан расходилась с собрания с ропотом. Далеко не все были довольны результатом выборов, но наступивший час обеда прекратил все споры. «Теперь они думают только о сытном обеде,— сказал Филипп товарищу.— Пока каждый спартанец может есть не работая, раздоры между народом и знатью не будут долгими. Всех нас ведь кормят рабы. Стадо не мычит, когда рот занят».

Никто из взрослых спартанцев не имел права обедать у себя дома. Даже цари должны были подчиняться этому правилу и вносить в общий котёл определённое количество муки, сыра, вина, фруктов и ежедневно к определённому часу являться на совместный обед. Такие обеды назывались *сисситии*. Детям разрешали присутствовать во время трапезы. Считали, что они многому научатся из бесед, которые обычно вели за столом спартанцы. Но детей больше привлекали не разговоры, а остатки пищи, которые им иногда удавалось подобрать, а то и просто стащить...

Так жили спартанцы, и таково было государственное устройство древней Спарты, создание которого сами спартанцы приписывали легендарному законодателю Ликургу. Так как власть царей была очень ограничена и существовало народное собрание, а также выборные должности, то это государственное устройство можно считать республиканским. Но только, в отличие от Афин, где народное собрание имело большие права, Спарта была республикой не демократической, а аристократической. Тут главную роль играла герусия, куда избирались самые знатные граждане.

И государственное устройство, и законы, и воспитание молодёжи — всё это было направлено лишь к одной цели: к тому, чтобы сделать из спартанцев храбрых, выносливых и дисциплинированных воинов. «Нас мало, и мы властвуем над многими,— говорил позже один из спартанских полководцев,— поэтому нам можно держаться только войной и победами». И, действительно, спартанцев было очень мало, а им приходилось держать в повиновении не только покорённые государства, но и население своей собственной страны.

Дело в том, что на территории Лаконии жили не только спартанцы. Спартанцы были завоевателями, которые в незапамятные времена покорили эту страну. Часть местного населения спартанцы называли *периэками*. Периэки жили вокруг Спарты и в других городах Лаконии; они занимались торговлей и ремеслом. Периэки не имели никаких политических прав. Но в ещё более тяжёлом положении была другая часть местного населения — *илоты*. Это были крестьяне, которые обрабатывали

земельные участки, принадлежавшие спартамцам. Илоты не только не имели никаких прав, но были фактически на положении рабов. Однако они считались собственностью не отдельных спартамцев, а всего спартамского государства.

Спартамцы зверски эксплуатировали труд илотов, сами же занимались лишь войной да охотой. Илоты, доведённые до крайности жестокостями и притеснениями спартамцев, иногда восставали против них. А так как илотов было во много раз больше, чем самих спартамцев, то такие восстания были очень опасны для рабовладельцев.

По преданию, Ликург ввёл очень жестокое средство борьбы против илотов — *криптии*.

Криптии устраивались ежегодно по приказу эфоров. Во время криптии вооружённые отряды молодых спартамцев рассыпались по всей Лаконии, нападали на безоружных илотов и могли их безнаказанно убивать. Такими жестокими, бесчеловечными средствами спартамцы старались сохранить своё господство над огромной массой илотов.

Чтобы держать в повиновении илотов, чтобы подчинять соседние племена и вести непрерывные войны, спартамцы должны были и в мирное время жить, как в военном лагере. Вот почему Спарта была отсталым государством, где у власти стояли аристократы, а народ не принимал участия в политической жизни, где не развивались ни науки, ни искусство и где жизнь каждого спартамца с детских лет была подчинена военной муштровке и дисциплине.

АФИНСКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Как случилось, что Аристион, всеми уважаемый крестьянин, усердно трудившийся на своём участке, вдруг разорился?

Участок Аристиона был расположен в Педиее, в плодороднейшей части Аттики. Но и в Педиее были лучшие и худшие участки, и конечно, лучшие участки принадлежали знати. Деревня Лакратиды, в которой жил Аристион, лежала на склоне каменистого холма, открытого морскому ветру, и урожаи пшеницы здесь были не очень высокими. Даже у Аристиона, который вкладывал много труда в обработку своего поля, урожай получался чуть-чуть выше среднего. В последнее время самым выгодным делом для аттических крестьян оказалось разведение винограда; на аттическое вино был большой спрос, и торговцы предлагали за него хорошие деньги. Правда, уход за виноградником требовал очень большого труда, но труда Аристион никогда не боялся. В первые два года Аристион и его семья жили впроголодь, так как виноградник не сразу же приносит плоды. Но зато его старания увенчались блестящим успехом: три года подряд виноградник давал прекрасный урожай.

Но на четвёртый год случилось несчастье. В начале зимы неожиданно грянули сильные морозы, подул холодный, пронизывающий ветер с моря, и все лозы вымерзли. К весне Аристион оказался нищим: у него еле-еле хватало средств, чтобы прожить с семьёй до осени, а если посадить новые лозы, то урожая можно было ждать только через два года. Оставалось опять вернуться к пшенице, но ни семян, ни денег на их покупку у Аристиона не было. Пришлось обратиться за ссудой к Ликургу. Богач Ликург был родственником Аристиона, и Аристион надеялся, что он ему поможет.

Сбор олив.

Ликург, действительно, принял его очень радушно, как сородича, подарил ему даже кое-какую мало поношенную одежду для жены и сына, но дружба — дружбой, а дело — делом: Ликург многим давал деньги взаймы, но брал за это немалые проценты. Аристион должен был написать расписку: «Занял Аристион у Ликурга 10 медимнов¹ пшеничного зерна на один год сроком (с сего числа). Взыскание же пусть будет без суда и судопроизводства как с самого Аристиона, так и с его семьи и имущества, как если бы суд уже состоялся». В действительности Аристион получил от Ликурга только 5 медимнов; остальные 5 медимнов шли в счёт процентов. Аристион очень хорошо знал, что в случае неуплаты долга на его земле будет поставлен закладной столб, а сам он должен будет стать *шестидольником*: работать на Ликурга, отдавая ему $\frac{5}{6}$ урожая, а если урожая нехватит на уплату процентов, то Ликург ещё через год будет вправе продать его самого, жену и сына в рабство. Но Аристион был уверен, что он без особого труда соберёт 10 медимнов на покрытие долга, в крайности — что-либо прикупит.

¹ Медимн — мера сыпучих тел (около 52 литров).

К тому же он думал, что Ликург постесняется соседей и не решится обратиться к своему всеми уважаемому сородичу в шестидольника.

Аристион, не терявший надежды вернуться к зажиточной жизни, на одной половине участка снова посадил виноградные лозы, другую — засеял пшеницей. Но в это лето деревню Лакратиды и другие соседние с ней деревни постигло настоящее нашествие хлебного жучка. Собранного урожая оказалось даже меньше, чем было взято взаймы — всего 7 медимнов. Все свободные деньги ушли на виноградник, так что вернуть 10 медимнов не было никакой возможности.

Аристион снова пошёл к Ликургу. Расчёты Аристиона оправдались: тот не решился обратиться к нему в шестидольника и отсрочил уплату долга ещё на год. Но теперь речь уже шла о займе не в 5, а в 10 медимнов, которые Аристион стал ему должен; поэтому старая расписка была уничтожена, и Аристион выдал Ликургу новую такую же расписку уже на 20 медимнов, не получив от него ничего. Аристион мог, за вычетом того зерна, которое ему было необходимо на пропитание семьи, засеять только 3 медимна; урожай был выше среднего, но всё же 20 медимнов не получилось.

Ликург через сельского старосту предупредил Аристиона, что на этот раз в случае неуплаты он поступит по закону. Аристион понимал, что, став шестидольником, он уже не вырвется на свободу, и после долгого раздумья решился на нарушение закона, полагая, что Ликург никогда не пойдёт на то, чтобы продать его в рабство. Он отвёз жену и сына в дом её родителей, в Марафон. Формально жена считалась как бы разведённой с мужем, её и сына записали снова в списки рода её отца.

Всё население Аттики делилось на четыре больших части — *филы*, каждая фила делилась на 3 *фратрии*, а каждая фратрия состояла из родов. Отец жены Аристиона принадлежал к другой фратрии, чем сам Аристион. Обращаться в чужую фратрию с требованием выдать жену Аристиона Ликург не стал бы. Жена взяла с собой все домашние вещи. Дом и сельскохозяйственный инвентарь Аристион оставил, рассчитывая, что Ликург заберёт его себе в оплату долга. Аристион был прекрасным плотником и столяром; он никогда не приглашал на помощь себе ремесленников и всё делал сам. Он решил разъезжать по деревням в качестве странствующего ремесленника. Это занятие считалось позорным для такого почтенного человека, как Аристион, но оно было доходным для хорошего мастера. Аристион рассчитывал, что его земли, дома и инвентаря хватит на покрытие долга, а если немного и нехватит, то он доплатит из заработанных им денег.

Целый год Аристион странствовал по стране. Заказчики, из уважения к его почтенной наружности, хорошему роду и высокому искусству обращались с ним не как с простым ремеслен-

ником. Аристион был человеком бывалым и притом грамотным. Все с вниманием слушали его рассказы о его собственной жизни, а также о том, что он видел, слышал и читал, и вместе с ним возмущались коварством богов и превратностью судьбы. Он получал много подарков — платьями, вещами, продуктами. Продукты он отсылал семье, а платья и вещи приходилось продавать за бесценок, так как он не имел возможности проводить много времени на рынке. Работал он хорошо, и его наперебой приглашали в разные дома.

После сбора оливо.

Так в странствиях незаметно прошёл год. Наступила весна. В это время Аристиону передали предупреждение Ликурга, что, если он не явится для расчёта, то Ликург прибегнет к «приводу». Вернувшись в свою деревню с деньгами для уплаты, Аристион узнал, что попытка Ликурга овладеть его участком и поставить на нём закладной столб окончилась неудачей. Пока Аристион сидел на участке, займодавец мог поставить на участке столб и заставить бывшего хозяина работать на себя. Но раз хозяин ушёл с участка, то участок по закону переходил к его ближайшим сородичам, так как земля в те времена была не частной, а общинной собственностью. Иметь дом на чужой земле Ликург также не имел права; он мог унести его только на слом да ещё взять сельскохозяйственный инвентарь.

Когда Аристион явился к Ликургу, тот сообщил ему, что из родственных побуждений он не забрал имущества Аристиона, а просто отложил уплату долга ещё на год. Обрадованный Аристион готов был тотчас же уплатить ему стоимость двадцати медимнов зерна, но Ликург заявил, что прошел ещё год, и

поэтому 20 медимнов превратились в 40. Аристион понял, что Ликург не забрал его имущества прошлой весной не из любви к сородичу, а из желания выжать из него ещё 20 медимнов. У Аристиона таких денег не было; к тому же он считал требование Ликурга несправедливым и отказался платить, зная, что Ликург имеет расписку только на 20 медимнов.

Ликург обратился в суд. Судьи были друзьями Ликурга, все они не раз пировали за его столом. К тому же в это время в соседних Мегарах, Коринфе и Сикионе произошли восстания крестьян против заимодавцев-аристократов, закончившиеся успехом: в Мегарах заимодавцев заставили вернуть крестьянам все процентные деньги, полученные ими в течение всей их жизни.

Сами судьи, которые судили Аристиона, также были ростовщиками — отдавали деньги в долг под проценты. «Оправдаешь Аристиона — и другие платить не будут», — решили они.

Суд постановил, что Аристион должен Ликургу не 20, а 40 медимнов, а так как Аристион не мог и отказывался уплатить эти деньги, его приговорили к «публичному позору».

Аристиона привязали к столбу на центральной площади и дали ему в руки *кофин* (небольшую корзину). Аристион должен был рассказывать проходящим о своём несчастье и просить сжалиться над ним. Проходящие могли бросать в корзину мелкие деньги, и это продолжалось до тех пор, пока не соберётся сумма, достаточная для уплаты долга.

Наказание было очень унижительное, но на этот раз Аристиону повезло. Обычно прохожие или идут мимо, не обращая внимания, или бросают такие мелкие деньги, что собираемая сумма оказывается достаточной только для пропитания опозоренного. Проходит установленный срок, нужная сумма оказывается несобранной, и тогда заимодавец получает право продать должника в рабство. Но Аристиона очень любили крестьяне; несправедливый приговор судей всех их возмутил. И сам он держал себя не так, как можно было бы ожидать; вместо того чтобы просить милостыню, он читал стихи. В этих стихах говорилось о том, что закон и судьи всегда поддерживают богача против бедняка; что если бедняк попробует добиться справедливого решения у судей — ничего, кроме позора, он не получит.

Даже самые бедные крестьяне жертвовали всё, что могли, отдавая иногда последнее. Уже через день-два он смог собрать всю требуемую сумму, но расположенные к нему люди передали, что правители собираются заключить его в тюрьму, а может быть и убить за бунтовщические стихи. Ближайшей же ночью, когда сторож развязал Аристиона, чтобы тот мог выспаться под навесом на городской площади, он под покровом темноты бежал в Марафон, где находились его жена и сын.

Прибыв в Марафон, Аристион стал странствовать по соседним сёлам в поисках работы. Счастье ему улыбнулось: в работе он никогда не имел недостатка. Однако новая жизнь была не по душе Аристиону. Он всегда был крестьянином-земледельцем, и необходимость ходить из дома в дом казалась ему тяжёлым унижением. Но тут Аристиону помог Гиппократ — самый влиятельный человек в Марафоне и соседних землях, человек небогатый, но знатный и поддерживавший дружбу с крестьянами. Благодаря его хлопотам, Аристион был принят на собрании членов фратрии в род своей жены и получил маленький участок на склоне горы.

Участок этот до тех пор не обрабатывался, он был гол и каменист. С большим трудом в мешках на спине Аристион, его жена и даже маленький сын таскали с равнины на гору землю, пока на участке не образовался слой, достаточный для посадки виноградника. Для того чтобы земля не осыпалась вниз, Аристион с женой соорудили трёхрядный плетень и укрепили его камнями.

Через три года Аристион имел первый хороший урожай дорогого сорта винограда. Но несчастья Аристиона не кончились: ему сообщили, что по требованию Ликурга он вызывается на гелиэю *фесмофетов* в Афины. Этот суд в Афинах получил право судить всех жителей Аттики. Гелизей называлось в это время общее собрание всех полноправных жителей Аттики; если оно собиралось под руководством главного правителя, архонта-*эпонымиа*, в нём обсуждались государственные дела, если под руководством другого архонта-*полемарха*, — военные дела, если под руководством басилея, — религиозные дела, если же под руководством шести судей, фесмофетов, то — судебные дела. Собиравшиеся на эти собрания граждане ничего не решали; они только выражали криком одобрение или неодобрение ораторам, а решали фактически только фесмофеты с заседателями-аристократами (*экклетами*), специально вызванными в суд.

Аристион узнал, что и фесмофеты и экклеты почти сплошь состояли из приятелей Ликурга. Он не пожелал вторично участвовать в комедии суда и, оставив свой участок семье жены, ушёл в изгнание на остров Кеос. Кеос находился недалеко от берегов Аттики, но считался независимым государством.

И здесь Аристион в качестве искусного мастера хорошо зарабатывал, но жизнь его была тяжёлой. В маленьких греческих городах-государствах жителей чужих, даже соседних государств считали бесправными — *метэками*. Таким метэком стал и Аристион. Тяжело было ему и без семьи. За три года он поседел и постарел.

В один из таких печальных дней, когда он уныло сидел в небольшой комнате, где он жил, к нему пришёл гонец от молодого сына Гиппократа, Писистрата. Гонец сообщил ему, что старик Гиппократ умер, но что в стране началось восстание про-

Надгробие Аристиона.

тив господства аристократов и порабощения крестьян. В Аттике все помнят имя Аристиона и его печальную судьбу, если он вернётся, то это подымет дух у восставших.

Аристион раньше никогда и не думал о каком бы то ни было восстании. Но годы страданий, всё то, что он пережил и передумал, многое изменили в душе Аристиона: ему стало казаться, что если он не вернётся на родину в такое тяжёлое для неё время, то он поступит, как изменник и предатель. Он последовал на зов Писистрата.

Прибыв на родину, Аристион направился к семье, а оттуда, еле успев взглянуть на жену и сына, немедленно же пошёл в лагерь восставших крестьян. Перед ним открылось целое море людей в шлемах, со щитами, с копьями в руках. Было ясно, что аристократам нелегко будет справиться с этим движением.

Аристион был старым воином, и он был поставлен в одном из передних рядов. Обозревая войско противника, он увидел переди него старика Ликурга. Ликург также увидел Аристиона, и лицо его искривилось злобой: он знал, как его ненавидят крестьяне, и виновником этого считал мятежного Аристиона. Поэтому, не ожидая общей команды, он прицелился в Аристиона, натянул тетиву лука, и через миг стрела пронзила сердце

Аристиона и он упал мёртвым.

Возмущённые крестьяне хотели ринуться в бой, но Писистрат удержал их: незачем было жертвовать жизнью, когда благодаря посредничеству Солона уже было налажено мирное соглашение, по которому все «шестидольники» получали назад свои участки в полную собственность, а проданные в рабство за пределы страны выкупались и возвращались на родину на казённый счёт...

Прошло почти 2500 лет. При раскопках в окрестностях Афин было найдено надгробие. На крышке яркими красками художественно изображён мужественный пожилой греческий воин в вооружении, а под изображением стоит подпись: «Аристион».

Так похоронили крестьяне одного из своих товарищей.

РЕФОРМЫ СОЛОНА

В один прекрасный день жители Афин были удивлены необычным зрелищем. На центральную площадь города выбежал Солон, один из наиболее уважаемых афинских граждан, но про которого последнее время поговаривали, что он сошёл с ума, и, собрав вокруг себя большую толпу, стал читать стихи. Прислушиваясь к этим стихам, граждане начали понимать, что слухи о сумасшествии Солона едва ли правильны: о слишком важных и серьёзных вещах, касавшихся каждого афинянина, говорилось в них.

Дело в том, что незадолго до этого афиняне вели войну с другим греческим городом — Мегарами, который оказался сильнее Афин и сумел захватить находящийся близ Аттики остров Саламин. Благодаря этому, афиняне потеряли открытый выход в море, необходимый для ведения и развития торговли. Все попытки афинян отвоевать остров ни к чему не приводили, и Афиняне терпели поражение за поражением. Тогда богатые и знатные землевладельцы-*эвпатриды*, которых вообще мало интересовало развитие морской торговли, воспользовались тем, что власть находилась в их руках, и провели закон, по которому не только запрещалось настаивать на продолжении войны, но каждому, кто осмелится в народном собрании заговорить о возвращении Саламина, угрожала смертная казнь.

Вот почему Солон сам заранее распустил слухи о своём сумасшествии: он хотел избежать жестокого закона, если его выступление не будет иметь успеха. В стихах, с которыми Солон обратился к народу, говорилось, что скоро будет стыдно сознаться в том, что он — афинянин:

Скоро, глядите, про нас и молва разойдётся дурная:
Этот из тех, что из рук выпустили Саламин.

В заключение Солон горячо призывал: «Пойдёмте же на Саламин, сразимся за наш остров и сбросим с себя тягостный позор!»

Толпа, слушавшая выступление Солона, состояла из ремесленников, владельцев мастерских, торговцев, словом — из городских жителей, которых в Афинах называли *демосом*. Для них всех прекращение морской торговли означало разорение и нищету. Поэтому они были за продолжение войны и горячо поддерживали Солона.

Жестокий закон был отменён, война с Мегарами возобновлена, а Солон назначен главой афинского ополчения. На этот раз афиняне одержали полную победу, и она прославила имя Солона во всей Аттике.

Теперь городской демос видел в Солоне своего вождя и защитника. Но и крестьяне, находившиеся в полной зависимости, в долговой кабале у эвпатридов, тоже надеялись на его защиту.

В Аттике началось большое восстание против родовой знати, против эвпатридов, и власть оказалась в руках Солона.

Из-за чего началось это восстание?

Аттика была страной сельского хозяйства, и главными занятиями населения были земледелие и скотоводство, но наряду с ними ко времени Солона стала оживляться и городская жизнь. В главном городе Аттики, Афинах, жили знатные люди — эвпатриды, а под склонами афинского Акрополя наряду с земледельцами начали селиться различные ремесленники. Здесь можно было найти гончаров, ткачей, башмачников, красильщиков, печников, плотников, маляров, кузнецов, мукомолов, оружейников, кораблестроителей. Тут же селились люди, занимавшиеся торговлей. В Афины приезжало много людей из других греческих городов и чужеземцев, которые оставались здесь жить и занимались ремеслом или торговлей. Таких переселенцев афиняне называли *метэками*.

Но ещё больше в Аттике было рабов. Если раньше рабы выполняли у своих хозяев лишь различные домашние работы, трудились в поле и пасли стада, то теперь они стали нужны и в ремесле, и для работы в рудниках. Серебро, добываемое руками рабов в рудниках Аттики, Лаврионе, увеличивало богатства страны и способствовало развитию афинской торговли.

Число рабов всё время увеличивалось. Дети, рождённые от рабов, по обычаям того времени, сами тоже становились рабами. Но были и другие способы приобретения рабов. Это — война и морской разбой. Превращение военнопленных в рабов настолько вошло в обычай, что это считалось вполне нормальным явлением. Но войны были не всегда, а рабы становились нужны постоянно, особенно в связи с развитием хозяйства и торговли. Поэтому на Средиземном море издавна процветало пиратство, и морские разбойники приводили в ужас всё прибрежное население, совершая грабительские набеги и уводя жителей в рабство.

Жизнь рабов была очень тяжёлой. Ушли навсегда и остались лишь воспоминанием обычаи далёкого прошлого, когда раб считался почти членом семьи. На рабов смотрели теперь как на даровую и необходимую силу. Каждый более или менее зажиточный афинянин, будь то владелец ремесленной мастерской или владелец большого участка земли, эвпатрид, стремился вести своё хозяйство руками рабов.

В эти времена, как мы уже знаем, вся власть в Афинах принадлежала эвпатридам — самым знатым и богатым в стране землевладельцам, потомкам старинных и прославленных аристократических родов. Эвпатриды владели лучшими, наиболее плодородными землями Аттики. Из их числа избирались высшие должностные лица, *архонты*; ими пополнялся Ареопак — совет, состоявший из бывших архонтов. Они решали важнейшие госу-

дарственные вопросы, разбирали дела в судах, они же были полководцами и жрецами.

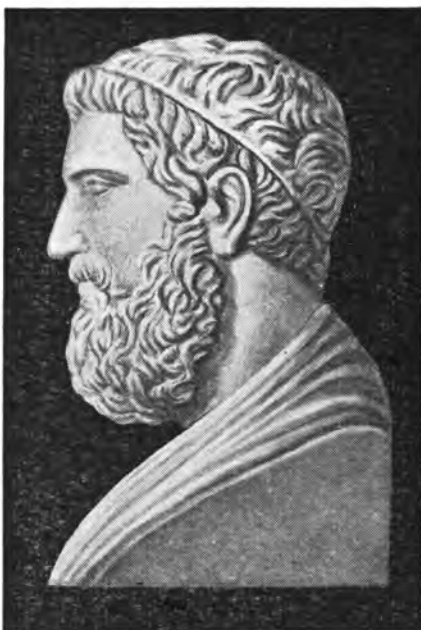
Некоторые эвпатриды занимались и торговлей, но таких было немного; большинство эвпатридов продолжало прочно сидеть на своих старинных родовых землях, получая с них доход и используя при этом труд рабов или крестьян.

Вся тяжесть власти эвпатридов ложилась на плечи крестьян Аттики. Крестьяне владели мелкими участками земли, которые назывались *клерами*. Крестьянские клеры, расположенные на каменистых, плохо орошаемых землях неплодородной Аттики, приносили незначительный урожай. Крестьянская семья далеко не всегда могла прокормиться урожаем ячменя или пшеницы со своего маленького участка.

Крестьяне часто были вынуждены обращаться за помощью к эвпатридам, прося у них в долг зерно, несложный инвентарь для обработки земли. Находясь в безвыходном положении, крестьяне поневоле соглашались на различные, даже самые тяжёлые условия выплаты этого долга, предлагая отработать за него на поле эвпатрида или вернуть долг в значительно увеличенном размере. Эвпатриды же охотно соглашались давать в долг на таких выгодных для себя условиях, умножая ещё и этим способом свои богатства.

В городах в это время появляются люди, которые специально занимались тем, что давали деньги в долг под проценты. Это были ростовщики, наживавшиеся за счёт разоряемых ими должников. Не в силах расплатиться с ростовщиками, крестьяне прибегали к единственному средству, которое было в их распоряжении: они отдавали в залог свои земельные участки, неизбежно переходившие затем в руки эвпатридов. Владельцы участков становились «шестидольниками»¹.

Оставалось ещё одно крайнее средство: крестьянин мог отдать в залог под долги самого себя или членов семьи. Так и происходило на самом деле. Эвпатриды брали за долги

Солон.

¹ О «шестидольниках» читайте в рассказе «Афинский земледелец» (стр. 34).

Старая крестьянка с ягнёнком.

Старый рыбак.

самого крестьянина, его дочь, жену или сына, продавали их на чужбину в качестве рабов или оставляли для работы в своём хозяйстве.

Так в Аттике возникло рабство-должничество.

В 594 г. Солон был избран правителем, архонтом. Он получил право «отменять или сохранять существующее и вводить новое». Свои реформы Солон начал с введения закона, отменившего все долги шестидольников эвпатридам. Этот закон не разрешал и в дальнейшем обращать в рабство крестьянина или членов его семьи за долги. Таким образом, закон Солона уничтожил долговое рабство в Афинах. Отмена долговых обязательств крестьян по-гречески называлась *сисахфия*, то-есть «стряхивание бремени».

Заложенные крестьянские земли были возвращены их владельцам, залоговые столбы, стоявшие на участках, сняты, выдача кредита под залог самого должника прекращена, а проданные в рабство за долги афиняне возвращены в свои семьи.

Это был переворот, от которого пострадали эвпатриды, старая родовая знать, имевшая до сих пор в Афинах всю полноту власти. До проведения сисахфии большая часть земель Аттики

находилась в руках эвпатридов: теперь в Аттике оказалось множество мелких крестьянских наделов.

Но Солон вовсе не хотел отменять рабство вообще. Он и сам был рабовладельцем. Его закон был направлен лишь против рабства соотечественников, рабства-должничества, которое только мешало развитию афинского хозяйства.

Возвращая шестидольникам землю, отнятую у них эвпатридами, Солон, однако, не трогал земель, которые издавна принадлежали эвпатридам. Несмотря на просьбы шестидольников, Солон не захотел увеличивать их наделы за счёт земель богачей. Будучи сам богатым человеком, он считал, что людям из народа нечего стремиться к богатству.

Законы Солона хоть и улучшали положение крестьян, но не избавляли их от бедности и тяжёлой жизни. Восставшие крестьяне не получили всего, чего хотели добиться, и попрежнему мечтали о переделе земли.

Важное значение имели те законы Солона, которые устанавливали новый государственный строй в Аттике.

По этим законам Солона всё население Аттики делилось на четыре разряда, в зависимости от получаемого дохода. Доходы измерялись медимнами — мерой сыпучих (зерно) и жидких (вино, оливковое масло) тел. Деньги не получили ещё тогда большого распространения.

По закону Солона люди, получавшие доход в количестве 500 мер продуктов сельского хозяйства, зачислялись в самый высший, первый разряд и назывались *пятисотмерники*; получавшие 300 мер дохода относились ко второму разряду, называясь *всадниками*; те, кто имел 200 мер дохода, составляли третий разряд и назывались *зевгитами*; наконец, — к четвёртому разряду относилось всё остальное малоимущее и неимущее население (*феты*), понятно, кроме рабов. Рабы не входили в состав народа (демоса) и никаких прав не имели.

Это деление афинских граждан по величине их имущества очень сильно подрывало значение родовых порядков. Знатность происхождения теперь уже не имела прежнего значения. Главную роль стала играть частная собственность; кто больше имел, тот и попадал в высший разряд. Права и участие граждан в управлении Афинами зависели теперь только от принадлежности к тому или иному имущественному разряду, установленному Солоном. Дела по управлению страной решало теперь народное собрание, затем специально созданный Солоном совет четырёхсот, а также различные должностные лица — казначеи и другие.

В народном собрании теперь принимали участие все граждане четырёх разрядов, включая малоимущих и неимущих фетов, но доступ в совет четырёхсот и к занятию государственных должностей был для фетов закрыт. Самые высшие должности — архонтов и казначеев — могли занимать только граждане пер-

вого разряда, в то время как на остальные должности могли избираться и всадники, и зевгиты.

Народное собрание не решало всех дел в государстве, но всё же его роль была велика, особенно при избрании должностных лиц. Однако вопросы, поступавшие на решение народного собрания, всегда предварительно обсуждались на совете четырёхсот.

Рабы, как класс угнетённый и не имевший прав афинского гражданства, никогда доступа в народное собрание не имели. Не имели права участия в народном собрании и афинские женщины.

Наиболее народный характер имел созданный Солоном суд — новая гелиэя, в которой могли участвовать все граждане и феты, в том числе, достигшие 30 лет. Избрание членов суда производилось по жребию. Поэтому не имело значения, к какому имущественному классу принадлежит человек. Гелиэя следила за деятельностью должностных лиц, охраняя интересы афинского народа. Но, понятно, рабов не защищала и гелиэя.

Войско в Аттике теперь строилось тоже не по родам, фратриям и филам, как было когда-то, а по имущественным признакам. Граждане первых двух разрядов служили в коннице, зевгиты составляли тяжеловооружённую пехоту, а феты — отряды легковооружённых или команды кораблей.

Изменения, произошедшие при Солоне, подорвали господство родовой знати. Но власть не перешла к народу. Власть оказалась в руках наиболее богатых рабовладельцев: кто имел больше рабов и больше дохода, те и правили страной.

Легенда рассказывает, что, установив свои законы, Солон потребовал от всех афинских граждан клятву, что они в течение десяти лет ничего не будут менять в этих законах, а сам уехал в далёкое путешествие.

Но вернувшись в Афины из путешествия, Солон должен был убедиться, что борьба в Аттике не прекратилась. Солону пришлось дожить до нового переворота в Афинах и захвата власти Писистратом.

ТИРАНИЯ ПИСИСТРАТА

Не было более ненавистного слова для знатного богатого грека, чем слово тиран. Писатели, ораторы, философы на все лады рассказывали, как жестоки бывают тираны, как губят они свободу граждан, как не терпят они никого, кто выделяется своим мужеством, добродетелью или талантами, как истребляют они «лучших» людей и ослабляют народ. Тираном называли всякого, кто захватывал власть путём политического переворота, и говорили, что он хуже волка и тот, кто убьёт его, совершит великое и прекрасное дело и заслужит того, чтобы память о нём жила в потомстве. Так говорили знатные и богатые, потому что

тираны обычно приходили к власти с помощью простого народа и старались хоть немного облегчить его тяжёлое положение за счёт тех, кого знать в своём высокомерии называла «лучшими», то-есть за счёт аристократов.

Ведь вот уж в продолжение нескольких десятилетий в различных греческих государствах появлялись тираны, заставлявшие трепетать знать. Покинув города, где власть перешла в руки тиранов, знатные люди взывали о помощи к аристократической Спарте, составляли заговоры или отводили душу в брани и насмешках по адресу тиранов. Когда умер тиран города Митилена Мирсил, аристократический поэт Алкей, бежавший из города и скитавшийся по чужим странам, написал: «Пить, пить давайте! Каждый напейся пьян! Хоть и не хочешь — пьянствуй! Издох Мирсил». А его преемника Питтака он называл пасынком родины и выродком. А чего только не рассказывали о тиране Коринфа Периандре! Говорили, что он убил жену, изгнал сына, который вынужден скитаться, как нищий, по городам Греции, что он проводит всё время в попойках, что он отрубает головы всем выдающимся людям и даже доходит до того, что в поле сбивает палкой колосья, выросшие выше других.

Но народ не верил всем этим злобным выдумкам. Питтака и Периандра он причислял к знаменитейшим мудрецам Греции, прославлял их справедливость и милосердие. Все знали, как расцвели при Периандре ремесло и торговля Коринфа, как украсил он родной город красивыми зданиями и гаванями, беря деньги с богатых и доставляя работу беднякам. Знали, что он ограничил число рабов, чтобы свободные могли получить работу.

И афинские крестьяне, лишённые земли и снова впавшие в долги, и бедные ремесленники, не находившие работы, потому что хозяева мастерских предпочитали покупать рабов, вместо того чтобы нанимать свободных, думали, что и им тиран помог бы улучшить жизнь. К ним примыкали и те, кого афинские граждане называли людьми «нечистого происхождения»: это были иноземцы или дети афинян и иноземных женщин. Все они считались неполноправными, не гражданами — метэками.

Вскоре после отъезда Солона афиняне разделились на три группы, или, можно сказать, партии. Партия аристократов, владевших обширными и плодородными землями в равнинной области Педиее, называлась *педиеи*. Жители берегового округа Аттики Паралии — судовладельцы, купцы, матросы, ремесленники, все, кто утратил связь с землёй и возлагал надежды на развитие мореплавания и торговли, назывались *паралиями*. Во главе их стоял Мегакл. Происходя из знатнейшего рода Алкмеонидов, он, однако, отошёл от аристократии и даже женился на сестре мегарского тирана. Крестьяне жили в горном округе — Диакрии. Там трудились они на своих крошечных каменистых участках и по имени своего района назывались *диакрии*.

В кузнечной мастерской (вазовая живопись).

Все три партии яростно враждовали между собой. Борьба обострилась до такой степени, что целый год в Афинах не могли выбрать архонта; другой раз архонт Дамасий захватил власть и оставался архонтом целых два года и два месяца, пока не был изгнан силой. После его изгнания была сделана попытка примирить враждующие стороны: на год избрали 10 архонтов, из которых 5 представляли аристократов, трое — крестьян, двое — ремесленников.

Но аристократы, имевшие большинство, не шли на уступки другим партиям, примирение не было достигнуто, и борьба всё разгоралась. Тогда-то диакрии нашли себе достойного вождя в лице Писистрата.

Хотя Писистрат и происходил из знатной семьи, но он не вёл себя так высокомерно и недоступно, как другие афинские аристократы. Писистрат был умным и хитрым человеком. Охотно беседовал он с бедняками, выслушивал их жалобы, а иногда даже старался им помочь. Народу нравилась простота его обращения, кроме того, его уважали за храбрость, которую он проявил в войне с Мегарами. Многие начинали думать, что если бы Писистрат пришёл к власти, он сделал бы для народа то же, что Питтак для митиленцев, а Периандр для коринфян. Но тем больше опасались его аристократы и богачи. Даже престарелый Солон, вернувшийся тем временем на родину, поговаривал, что хотя Писистрат его родственник и друг и вполне достойный человек, но всё-таки нельзя с уверенностью сказать, что он не собирается стать тираном.

Положение становилось всё более напряжённым.

И вот однажды Писистрат появился в народном собрании весь израненный. Изранены были и мулы, вёзшие повозку, на которой он въехал на площадь. Он заявил, что враги подстергали его по дороге в деревню, хотели убить, но не успели. Он просил у народа дать ему отряд телохранителей для защиты на будущее время от злоумышленников.

В собрании поднялся шум и разгорелись жаркие споры. Паралии и педиеи кричали, что всё это хитрость, что Писистрат сам себя поранил, чтобы иметь повод вооружить своих приверженцев и захватить власть. Сторонники Писистрата не уступали, говорили, что это ложь, что Писистрату действительно грозит опасность, и наконец, по предложению одного из них, собрание разрешило ему набрать отряд «дубинщиков». Они назывались так потому, что были вооружены деревянными дубинами. В то время граждане вооружались за собственный счёт. Дубинщики Писистрата — это были те, кто не был в состоянии приобрести себе вооружение, стоящее более дорого. Из бедных это были самые бедные.

С помощью своих дубинщиков Писистрат захватил афинский Акрополь и стал правителем Афин.

Солон, увидя, что его опасения оправдались, повесил своё оружие на дверях дома в знак того, что он сделал для родины всё, что мог, и отныне уходит на покой. Однако он не утерпел, чтобы ещё раз не обратиться к афинянам с язвительным стихотворным посланием: пусть не обвиняют богов, попав в беду по собственной постыдной слабости: они сами дали тирану защитников и вот теперь стали рабами, потому что соблазнились хитрыми речами и не понимали того, что происходит.

Однако Солон сильно преувеличивал. Ни в какое «рабство» афинский народ не попал. Собственные законы Солона не были отменены, даже политические противники Писистрата вначале не пострадали. Поэтому они сумели объединиться и на шестом году правления Писистрата добились его изгнания из Афин.

Но союз их не был прочен и развалился, как только исчез общий враг. Снова начались раздоры между аристократами и паралиями. Да и среди паралиев не было единодушия между богатыми купцами и судовладельцами с одной стороны и бедными ремесленниками и матросами с другой. Вождь паралиев Мегакл видел, что положение его становится безвыходным, и начал тайные переговоры с Писистратом. Он обещал устроить ему возвращение в Афины и выдать за него свою дочь с тем, чтобы и Писистрат поддержал его в свою очередь. Писистрат согласился.

Возвращение его было обставлено торжественно. Уже заранее среди горожан и крестьян стали распространяться слухи, что он вскоре прибудет в Афины и что сама богиня Афина удостоила его своего особого покровительства. Рослая и статная

продавщица венков, красавица Фия, была одета в полное вооружение, в котором обычно изображалась богиня, и поставлена на колеснице Писистрата. Впереди бежали глашатаи, выкликая: «Афиняне, примите с добрым чувством Писистрата,— его сама Афина почтила больше всех людей и вот теперь возвращает в свой Акрополь». Отовсюду сбегался народ посмотреть на это невиданное зрелище. Восторгались, что вернулся Писистрат, на которого простые афиняне возлагали столько надежд, готовы были поклоняться Фие, красота и осанка которой на радостях и впрямь казалась им божественной.

Но радость оказалась преждевременной, а союз Писистрата и Мегакла непрочным. Слишком различны были интересы их партий. Писистрат развёлся с дочерью Мегакла, и оскорблённый отец обратился к вождю педиеев Ликургу. С его помощью ему снова удалось изгнать своего бывшего зятя, всего лишь за год до этого с таким торжеством возвратившегося в Афины.

На этот раз Писистрат пробыл в изгнании не менее 10 лет, но он не потерял времени даром. Во Фракии, в районе богатой золотом горы Пангеи, в устье золотоносной реки Стримона, у него были золотые рудники, и теперь он стал усиленно разрабатывать их, чтобы запастись средствами для дальнейшей борьбы. Присылали ему деньги и многие греческие города, с которыми он успел завязать дружеские связи. Сыновья его, особенно Гиппий, настаивали на том, чтобы он не уступал врагам и не отказывался от мысли вернуться в Афины и стать их правителем.

Особенно деятельную помощь оказывали Писистрату фиванцы, которые издавна враждовали с афинянами. На собранные деньги он вербовал наёмников и приводил их в Эретрию, откуда должен был начаться поход.

Когда всё было готово, воины Писистрата переправились через узкий пролив, отделявший Эвбею от Аттики, и расположились лагерем в Марафоне. Как только весть о высадке Писистрата разнеслась по Аттике, со всех сторон к нему стали стекаться толпы его сторонников, крестьян и бедных ремесленников. Его противники, лишившись поддержки народа, ничего не предпринимали. Только когда он со всеми силами двинулся к Афинам, они вывели ему навстречу наскоро собранное ополчение. Оба войска встретились на полпути между Марафоном и Афинами и расположились друг против друга. Ополченцы-горожане вели себя беспечно. Они занялись завтраком, после которого одни из них стали развлекаться игрой в кости, другие легли поспать. Это время Писистрат выбрал для атаки и, конечно, легко обратил в бегство застигнутых врасплох ополченцев. По его приказу сыновья его поскакали на конях вслед за бегущими, уговаривали их сложить оружие и спокойно разойтись по домам.

У большинства афинян не было никакого желания жертвовать жизнью, защищая власть Ликурга и Мегакла, и они охотно последовали этому совету. Писистрат беспрепятственно вступил в Афины, в третий раз захватив власть, которую теперь и удержал до конца жизни.

Писистрат учёл опыт своих предшествующих неудач. Прежде всего он приступил к расправе со своими противниками. Многие из них были изгнаны, многие бежали сами. Земли и имущество изгнанников и беглецов были разделены между беднейшими крестьянами. Метэки и те, кого звать презрительно называла людьми «нечистого происхождения», стали обладать большими политическими правами. Чтобы заставить тех афинских богачей и аристократов, которые не покинули город, жить смирно и не устраивать мятежей и заговоров, Писистрат взял их детей и как заложников отправил на остров Наксос. Но он и теперь не отменил учреждений, установленных Солоном. Он только старался, чтобы все высшие должности занимали его сторонники, которые не стали бы ему мешать делать то, что он находил нужным.

Чтобы труд аттических крестьян мог принести больше доходов, им следовало вместо пшеницы разводить виноградники и оливки. Но для этого требовалось наладить торговлю с такими странами, где можно было бы покупать дешёвое зерно и куда можно было бы сбывать вино и оливковое масло. Расширить торговлю, развить мореплавание — этого хотели и купцы, и судовладельцы, и ремесленники. Теперь, когда власть аристократов была сломлена, они готовы были поддерживать Писистрата, но хотели, чтобы и он не забывал об их интересах.

И он не забывал о них. Самым плодородным краем и обширным рынком было богатое побережье Чёрного моря. Чтобы афинские корабли могли беспрепятственно провозить туда аттические товары, Афины должны были стать хозяевами Геллеспонта, пролива, через который можно было попасть из Средиземного моря в Мраморное и Чёрное. Писистрат разрешил эту задачу. Он овладел Сигеем, городом, расположенным у южного входа в Геллеспонт, на побережье Малой Азии, и поставил там правителем одного из своих сыновей.

Так Геллеспонт стал доступен афинским судам, и зерно из черноморских степей потекло в Афины, а афинские товары нашли широкий сбыт в богатых причерноморских колониях. Не только вино и масло вывозили Афины. Прекрасные вазы, расписанные искусными художниками, стали славиться повсюду, и до сих пор наши учёные-археологи находят их во множестве при раскопках на берегах Чёрного моря.

Афины богатели. Писистрат, а после его смерти — наследовавшие его власть сыновья, старались сделать город красивым и удобным. Узкие кривые улицы расширяли и выпрямляли. Чтобы заставить домовладельцев не портить вида улиц, они

обложили налогом балконы, барьеры и двери, выступавшие из общего ряда домов. Водопровод и фонтаны обеспечили город водой, сточные трубы избавили его от грязи и нечистот. Привлечённые из разных городов архитекторы, скульпторы и живописцы воздвигали и украшали храмы.

Новый храм Афины был окружён колоннадой из 34 колонн. Он был украшен великолепными скульптурами, изображавшими греческих богов и восставших против них сынов земли — гигантов. Были построены новые храмы Зевсу, Артемиде, Дионису. На агоре был воздвигнут алтарь 12 главным богам, от которого расходились во все стороны дороги Аттики. На углах улиц и перекрёстках дорог были расставлены *гермы* — прямоугольные каменные столбы, увенчанные бюстом бога и украшенные надписью, содержащей какое-нибудь поучительное изречение. При Писистрате празднества Дионисии¹ с их весёлыми процессиями, пирушками, состязанием хоров, а затем и театральными представлениями, стали государственными, всенародными праздниками, привлекавшими множество зрителей со всех концов Эллады. В Афинах поселились в это время знаменитые поэты — Анакреонт, Симонид. Писистрат приказал записать для Афин поэмы Гомера, чтобы все афиняне могли читать их и учиться по ним.

Афины становились всё богаче и прекраснее — но и при Писистрате далеко не всем афинянам жилось хорошо. Вместе с заморской пшеницей в Афины начали ввозить из-за моря всё большее число рабов — труд этих рабов постепенно вытеснял труд свободных афинян. Расправа Писистрата со знатью пошла на пользу только зажиточным земледельцам, покупавшим рабов и использовавшим их в своём хозяйстве. Крестьянам-беднякам, работавшим на бесплодных участках, попрежнему жить было очень тяжело. Писистрату были нужны деньги на государственные расходы, и он обложил земледельцев налогом в $\frac{1}{10}$ их урожая.

Разорение крестьян не прекратилось при Писистрате. По-прежнему то и дело в Афины приходили бедняки из деревни, надеясь найти работу и пропитание в городе. Эта всё растущая городская беднота, недовольная своим полунищенским существованием, становилась грозной опасностью для тирании.

При Писистрате недовольство не было ещё достаточно сильным. Вплоть до своей смерти в 527 году первый афинский тиран был полновластным господином в родном городе. Но детям его, Гиппию и Гиппарху, уже не удалось удержать власть над Афинами. Один из них был убит, а другой изгнан из родного города.

¹ В честь бога вина и виноделия Диониса (Вакха).

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ГРЕКИ

Наша страна была заселена с незапамятных времён. На территории Советского Союза учёными-археологами обнаружено немало памятников быта населявших её в древности племён: остатки жилищ, древние погребения, орудия труда и оружие из камня, бронзы и железа, глиняная посуда различных форм и назначения.

К началу первого тысячелетия до новой эры материальная и культурная жизнь местных племён была уже довольно высокой, но древние обитатели нашей страны долгое время не знали письменности. Поэтому нам неизвестны названия живших здесь племён и народностей. Первыми, кто дал нам о них письменные сведения, описал их быт и нравы, назвал их по именам, были древние греки.

Родина греков, Балканская Греция, в древности, как и теперь, не отличалась плодородием. Каменистая почва требовала большого труда для своей обработки, а засушливый климат и безводье губили посевы. Постепенно многие греки покинули свою родину и поселились на близлежащих островах и по берегам Средиземного моря.

Греческие колонисты проникли и на берега Чёрного моря. Некоторые сведения о Чёрном море, которое греки называли Понтом Эвксинским, имеются уже в древнейших греческих сказаниях.

Начиная с VIII века до новой эры, на черноморских берегах появляются постоянные греческие поселения — города-колоний. В первую очередь они возникают на южном и западном побережьях и лишь потом на северном и восточном.

Древние корабли, ходившие под парусами и на вёслах, в сущности представляли собой большие лодки. На таком корабле было рискованно выходить в открытое море. Плавали поэтому вдоль берегов. Когда греки на своих кораблях выходили через Боспорский пролив в Чёрное море, они поворачивали либо направо, чтобы следовать вдоль южного берега, либо налево, чтобы следовать вдоль западного. Только когда оба эти побережья были уже хорошо разведаны греческими моряками и обжиты колонистами, корабли стали подниматься и до северного побережья.

Первое северочерноморское поселение греческих колонистов возникло в VII веке до новой эры на острове Березани. Это небольшой островок, расположенный вблизи от берега на пути между тем местом, где Днепр и Буг, сливаясь, впадают в Чёрное море, и современной Одессой.

В VII веке морская торговля греков достигает большого развития. В связи с этим начинает изменяться характер греческих колоний. Если раньше колонисты покидали свою родину для того, чтобы, поселившись на новом месте, пахать и сеять, то те-

перь они всё больше и больше сами занимаются морской торговлей. Бросив якорь у незнакомого берега, греческие моряки выходили на сушу, знакомились с местными жителями и начинали торговать с ними.

Если такая поездка протекала удачно, то её повторяли на следующий год. Встречи между местным населением и греками учащались. На побережье стали появляться такие места, куда в известное время года приезжали местные жители со своими товарами для обмена и подплывали торговые корабли греческих купцов. На этих местах постоянных встреч, ставших уже привычными и для греков, и для местного населения, начинают строить складочные помещения для товаров и жилые помещения для высаживающихся на берег моряков. Так возникали посёлки.

Первоначально в них, очевидно, жили только во время обмена, а в остальное время года они пустовали. Но постепенно, по мере развития торговли, эти посёлки из временных превращаются в постоянные.

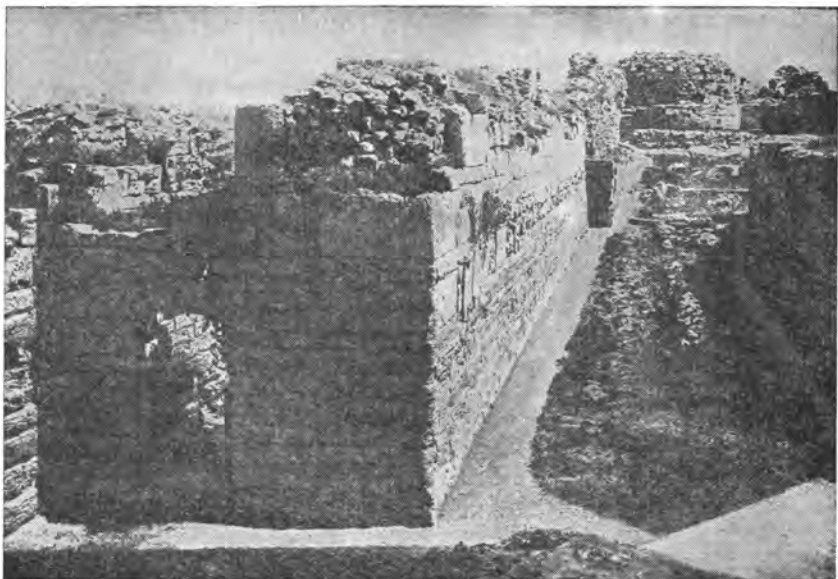
Посёлок на Березани по всем признакам и был именно таким торговым посёлком, причём расположен он был не на побережье материка, а на острове. Видимо, первые колонисты не решились сразу же поселиться в незнакомой им стране и предпочли остров, чтобы отсюда разведать побережье и завязать торговые сношения с местным населением.

Скоро торговля с местными племенами стала успешно развиваться. Греческим колонистам не было больше смысла жить на острове. Начиная с VI века до новой эры, уже на самом побережье возникает целый ряд греческих поселений.

В устье Буго-Днепровского лимана была основана Ольвия. Ряд других колоний был основан на обоих берегах Керченского пролива — древнего Боспора Киммерийского — и восточном побережье Крыма. Наибольшей известностью из этих колоний пользовались: Пантикапей, находившийся на месте нынешней Керчи; Фанагория, расположенная на противоположном берегу пролива, на побережье Таманского полуострова; Феодосия, до сих пор сохранившая своё древнее имя.

Позже других городов, именно уже в конце V века до новой эры, вблизи современного Севастополя возник Херсонес. В отличие от других колонистов жители древнего Херсонеса занимались не столько торговлей, сколько земледелием и виноградарством. Развалины херсонесских стен и башен до сих пор стоят на берегу Севастопольской бухты.

Все северочерноморские города-колонии поддерживали постоянную связь и друг с другом, и со своей средиземноморской родиной. Из центральной Греции они получали ремесленные изделия: ткани, художественную расписную посуду, изделия из металлов (в том числе из золота и серебра), а также вино и оливковое масло. Эти товары перепродавались и выменивались

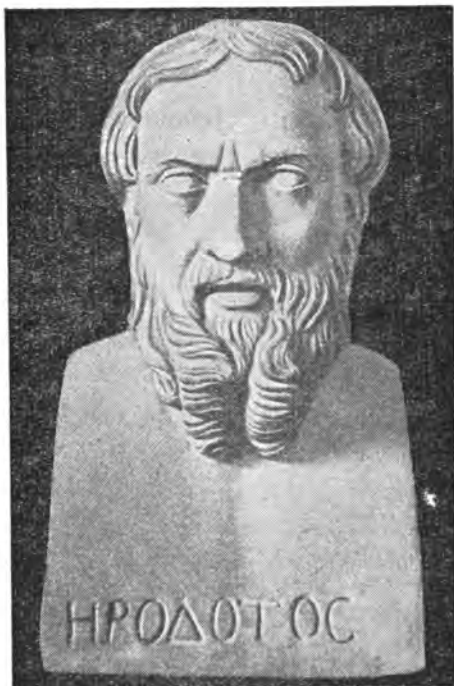
Оборонительная стена Херсонеса.

у местного населения на хлеб, солёную рыбу, мёд и воск. Из северного Причерноморья в Грецию вывозилось также много рабов.

Местное население Северного Причерноморья ещё до появления греков имело торговые сношения со странами древнего Востока. В торговле с греками оно тоже было заинтересовано. При таких условиях греческие города вскоре начали процветать. Вокруг многих из них стали появляться стены и башни, но за этими стенами большинство жителей ещё жило в небольших домах, крытых камышом и соломой. Большие здания были редкостью. По раскопкам мы знаем, что население этих городов пользовалось недорогой посудой и хоронило своих покойников в скромных могилах.

Греко-персидские войны, о которых речь впереди, на некоторое время задержали развитие северочерноморских колоний. Персы, захватив в свои руки проливы, соединяющие Средиземное море с Чёрным, прервали торговлю центральных областей Греции с Северным Причерноморьем.

Настоящий расцвет северочерноморских городов начинается после победы греков над персами. В эти годы Ольвия превращается в богатый, цветущий город. Города, расположенные на побережье восточного Крыма, объединяются вокруг Пантикапея и Фанагории. Это положило начало образованию Боспорского государства. В дальнейшем в состав Боспорского государства вошли земли, населённые местными племенами. Границы этого

Геродот.

государства простёрлись от Феодосии на юге до устья Дона на севере и Кавказского горного хребта на юго-востоке.

В V веке до новой эры, вскоре после греко-персидских войн, в Северном Причерноморье побывал известный греческий писатель, «отец истории» Геродот. Он посетил Ольвию. Геродота очень интересовала неведомая ему страна и её жители, которых греки называли скифами. Он начал собирать сведения о Скифии и скифах. Свои собственные наблюдения он дополнял расспросами местных жителей и слышанными им легендами.

Так было создано описание Скифии, дошедшее до наших дней. Это описание, несмотря на отдельные фантастические моменты, поражает нас своей правдивостью.

Геродот считал, что страна эта некогда была населена киммерийцами. Позднее появились скифы, которые вытеснили киммерийцев из Северного Причерноморья. Имя древних обитателей этой страны сохранилось лишь в некоторых географических названиях. Например, пролив, соединяющий Чёрное и Азовское море, назывался во времена Геродота Боспором Киммерийским. Поблизости от него располагалась Киммерийская область, Киммерийские переправы и Киммерийские стены.

Скифия охватывала далеко не всю территорию Северного Причерноморья. Племена скифов занимали лишь полосу между реками Истр (Дунай) и Танаис (Дон). За ними жили другие, не скифские племена. О многих из них греки имели лишь смутные представления.

Лучше других греки знали сарматов, или савроматов, как называл их Геродот. Он рассказывает, что сарматы говорили на языке, близком к тому, на котором говорили скифы. Среди греков ходила легенда, что сарматы произошли от брака скифов со сказочными воинственными женщинами — амазонками. Одержав над амазонками победу в длительной войне, скифы послали к побеждённым своих сыновей. Многие из них взяли себе амазонок в жёны. Амазонки уговорили своих скифских

мужей не возвращаться на родину, а поселиться за рекой Танаисом (Доном). Сарматские женщины славились своим мужеством. Подобно мужчинам они ездили верхом, принимали участие в войне и охоте. В общественной жизни сарматов они играли видную роль.

Лучше всего греки, конечно, знали своих ближайших соседей — скифов. Геродот называет окрестные Ольвии скифские племена по именам. Ближе всего к этому греческому городу жили каллипиды и алазоны. С течением времени каллипиды и алазоны смешались с греческим населением Ольвии и восприняли от него многие греческие обычаи. Поэтому Геродот называет их эллино-скифами. Эллино-скифы преимущественно занимались земледелием.

За эллино-скифами жили скифы-пахари и скифы-земледельцы. Они сеяли хлеб не только для собственных нужд, но и для продажи греческим купцам. Земледельческие племена скифов занимали пространство между Бугом и Днепром.

К востоку от этих племён в степях обитали воинственные племена скифов-кочевников. Они разводили скот и в поисках новых пастбищ непрерывно кочевали на всём степном пространстве между Днепром и Доном. Кибитки, крытые войлоком, служили им жилищем. На быстрых конях, окружённые многочисленными стадами, они постоянно передвигались по бескрайней равнине. Эти воинственные кочевники часто нападали на своих оседлых соседей.

Греки называли их «царскими» скифами, очевидно, потому, что во главе кочевых племён стояли «цари», то-есть племенные вожди.

Геродот подробно рассказывает о быте и нравах «царских» скифов. Пишу их составляли главным образом молоко и мясо. Найденные в скифских курганах художественные вазы греческой работы запечатлели внешний вид скифов. Мужчины одевались в короткий кафтан, широкие шаровары и кожаные сапоги с короткими голенищами. Остроконечный башлык плотно охватывал голову и завязывался под подбородком. На поясе у скифа сбоку висело оружие. Женщины носили более длинные платья с поясом, а на голове остроконечные шапки с покрывалом, ниспадающим на плечи и спину. Богатые скифы носили многочисленные золотые украшения: серьги в ушах, ожерелья на шею, браслеты и кольца на руках.

В скифских курганах при раскопках находили и многие другие вещи: массивные золотые украшения, отделанное золотом оружие и конскую сбрую, дорогую посуду и т. д. Существование таких богатых погребений показывает, что ко времени Геродота в скифском обществе уже исчезло прежнее равенство. Племенные вожди и их дружина образовали родовую знать, которой принадлежали многочисленные стада и табуны. Во время войны львиная доля добычи доставалась этой знати. В состав добычи

Серебряная ваза из Чертомлыцкого кургана.

входили и пленники. Пленников обращали в рабство и либо продавали греческим купцам, либо пользовались их трудом сами.

Скифские племена во времена Геродота жили ещё родами, и большое значение имело кровное родство. Одним из примеров может служить описанный Геродотом обычай побратимства. Когда два скифа, не бывшие родственниками, хотели закрепить между собой союз и дружбу, они надрезали себе кожу на теле и выдавливали несколько капель крови в общую чашу с вином. Осушив потом совместно эту чашу и обменявшись клятвами взаимной верности, они становились как бы кровными родственниками — побратимами.

Интересно у Геродота описан обряд царских похорон. Тело умершего царя скифы натирали воском и наполняли всякими ароматическими веществами. После объезда всех подвластных умершему царю племён его торжественно хоронили в большой четырёхугольной могиле. Скифы верили в загробную жизнь и считали, что покойнику в ней понадобится всё, что он имел при жизни. Поэтому скифы хоронили в той же могиле его жён и самых близких слуг, предварительно их задушив. Вместе с царём в могилу помещали коней, оружие, украшения и предметы обихода. С далёкого расстояния в степи были видны высокие насыпи — курганы, отмечавшие место царского погребения. Их окружали чучела всадников, сидящих на конях, — личная охрана умершего царя.

Обряд погребения незнатных скифов был проще. Ближайшие родственники умершего также возили его тело в повозке по степям, чтобы друзья покойного могли с ним попрощаться. Но в могилах незнатных скифов находят лишь простое оружие и дешёвые украшения.

Особенное внимание Геродот уделяет военным обычаям скифов. По свидетельству не только одного Геродота, но и всех древних писателей, скифы были воинственны и храбры. Скиф никогда не расставался со своим оружием — лёгким деревянным луком со стрелами, коротким мечом и дротиком.

Они были прирождёнными наездниками и меткими стрелками. Стремительно налетев на врагов, скифские всадники осыпали их стрелами и дротиками, а затем завершали бой мечами.

За скифами в древности утвердилась прочная репутация непобедимости. Этому немало способствовал неудачный поход персидского царя Дария I против скифов в 512 году до новой эры.

У Геродота есть ещё один интересный рассказ, ярко рисующий, как воинственные скифы относились к тому, кто пренебре-

Деталь Чертомлыцкой вазы: скиф, стреноживающий коня.

гал обычаями родной страны. Это рассказ о скифском царе Скиле.

...Мать Скила была гречанкой. С детства она научила его греческому языку и грамоте. Когда Скил после смерти своего отца получил власть, он, видимо, вследствие своего воспитания, продолжал предпочитать всё греческое и пренебрегал скифскими обычаями и образом жизни.

Когда ему случалось бывать в греческой Ольвии, а бывал он там часто и жил в ней подолгу, он оставлял свою скифскую дружину в предместье, а сам входил в город, сбрасывал с себя скифское платье, надевал греческое и жил в своём доме, устроенном на греческий лад. По словам Геродота, это был большой и дорогой дом, украшенный мраморными изображениями греческой работы.

В своём преклонении перед всем греческим Скил дошёл до того, что стал принимать участие в греческих религиозных обрядах. Как-то раз во время одного из своих посещений Ольвии он принял участие в греческом празднике в честь бога Диониса-Вакха, сопровождавшегося доходящими до исступления плясками. Религии древних скифов такие празднования были совершенно чужды. «Вы смеётесь над нами, что мы устраиваем вакхические праздники,— сказал одному из скифских спутников Скила ольвийский грек,— а вот теперь ваш собственный царь принимает участие в нашем празднике и плясках». Он провёл нескольких скифов на башню, и те собственными глазами увидели Скила, принимающего участие в праздничной процессии. Видевшие это скифы пришли в негодование и поспешили за город, где находились остальные скифские воины Скила. Приверженность Скила к греческим обычаям и религии стоила ему жизни. Он был убит своими воинами.

«Так оберегают скифы свои обычаи и так сурово карают тех, кто заимствует чужие»,— этими словами заканчивает Геродот свой рассказ о Скиле.

СКИФСКИЙ ПОХОД ДАРИЯ

В древности рассказывали, что причиной похода персидского царя Дария в Скифию было его желание отомстить скифам за их смелые вторжения в Азию. Действительно, и киммерийцы, и скифы не раз вторгались на её территорию. Сильнейшие государства Древнего Востока — Урарту и Ассирия — были бессильны преградить им дорогу. Греческий историк Геродот рассказывает, что во время одного из таких вторжений скифы дошли до Египта, опустошили огромную территорию, обложили население данью и 28 лет господствовали над ним.

Всё это, однако, произошло больше чем за сто лет до Дария. Поэтому истинной причиной похода было не столько стремление

персов отомстить скифам и обезопасить себя от их вторжений, сколько стремление расширить границы своей державы новыми завоеваниями.

Государство персов сложилось при предшественниках Дария как государство завоевателей. Каждый новый военный успех давал персам богатую добычу и военнопленных, которых они обращали в рабов. Население побеждённых областей облагалось налогами и обязывалось участвовать во всех походах, какие предпринимались персами. Поэтому персидские рабовладельцы стремились к новым завоеваниям. Поход через Фракию и Западное Причерноморье в богатую хлебом страну скифов в случае успеха сулил им огромные выгоды. В успехе же они не сомневались: до этого времени персы не знали ещё ни одной военной неудачи.

К походу в Скифию персы готовились как обычно. Дарий разослал по всем подвластным ему областям гонцов с требованием, кому прислать пехоту, кому флот, кому приступить к постройке моста через Боспорский пролив, по которому собранные Дарием войска должны были перейти из Малой Азии в Европу и через Фракию двинуться на скифов. Такого рода приказания получили и греческие города западного побережья Малой Азии, незадолго перед тем вынужденные признать свою зависимость от персидского царя. Им было предписано доставить Дарию корабли и принять непосредственное участие в походе.

Когда войска и флот были собраны и все приготовления к походу закончены, Дарий направился в город Калхедон. Этот город был расположен на берегу пролива, у того места, где спешно достраивался пловучий мост. Здесь Дарий сел на корабль и через пролив вышел в Чёрное море. Перед его глазами развернулась черноморская ширь. Высадившись на ближайшем побережье, он сел на косе и оттуда смотрел на морской горизонт, скрывавший от него далёкие берега неведомой Скифии. Дарий мечтал о подчинении этой страны. Налюбовавшись морем, Дарий отплыл обратно к мосту. Мост был уже готов. Строился он под руководством опытного грека с острова Самоса — Мандрокла. Дарий был доволен его работой. Щедро одарив Мандрокла, он велел поставить на берегу пролива два столба из белого мрамора и начертать на одном из них по-персидски, а на другом по-гречески имена всех подвластных ему племён и народностей, принявших участие в этом походе. Войско его и флот по тому времени были огромны.

Вскоре началась переправа. Пехота и конница Дария двинулись через мост и перешли на европейский берег пролива. Все находившиеся здесь греческие города изъявили Дарию покорность.

Соппротивление его войскам казалось им безнадёжным.

Среди покорившихся был и афинянин Мильтиад — правитель на полуострове Херсонесе Фракийском — будущий герой Мара-

фона. Вместе со всеми остальными греками он получил приказание двинуться на кораблях вдоль западного берега Чёрного моря к устью Дуная. Затем греки должны были подняться вверх по течению этой реки до того места, где она разветвляется, и здесь построить мост для перехода сухопутных войск Дария на левый берег Дуная, в скифские степи.

Войска персов во главе с Дарием двинулись на север, через Фракию к Дунаю. Через некоторое время они достигли реки Теара (Днестра) и расположились здесь лагерем. Река, вкус её воды и окружающая местность понравились Дарию. Когда пришло время сниматься с лагеря и отправляться в дальнейший путь, Дарий велел, в память своего пребывания у полюбившегося ему Теара, воздвигнуть на берегу столб со следующей надписью: «Вода Теара самая приятная и полезная для здоровья; сюда пришёл во главе войска самый доблестный и самый прекрасный из всех людей, Дарий, сын Гистаспа, повелитель персов и всего материка».

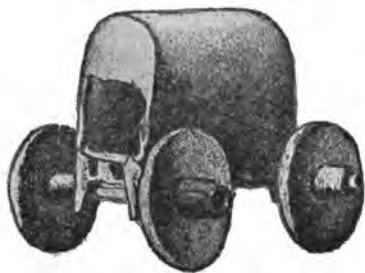
Войска Дария стали подходить к Дунаю — древнему Истру, к тому месту, где грекам было поручено построить через него мост. Греки были поражены шириной и многоводием Дуная, который резко отличался от маловодных и высыхающих в летнее время речек их родины. Всё же мост они построили к сроку. Войска Дария перешли без всяких затруднений на левый берег. Перед ними расстилались бескрайние скифские степи.

Дарию предстояло встретиться с грозным и боеспособным противником. Скифы были смелыми и предприимчивыми воинами, отличными стрелками, лихими наездниками. На своих выносливых степных конях они могли быстро передвигаться на большие расстояния, неожиданно и стремительно атаковать неприятеля. Трусость считалась у скифов величайшим позором. На ежегодном собрании скифских воинов только тот из них, кто одержал победу над врагом, мог получить чашу вина из рук вождя. Те, кто не имели за собой воинских подвигов, должны были садиться в стороне. Это переживалось скифами, как самое тяжёлое унижение.

Но перейдя через Дунай, персы не увидели ни одного скифского воина. Степь вокруг них была пустынна. В войске Дария был грек по имени Коес, родом из Митилены на острове Лесбосе. Как островитянин, он, очевидно, был связан с черноморскими колониями греков, а может быть, и сам побывал в Скифии. Во всяком случае он хорошо знал скифов и их военные повадки. Коес сказал Дарию: «Ты готовишься, царь, вторгнуться в такую страну, где не найдёшь ни вспаханного поля, ни населённого города, в блужданиях по этой стране нас ждут невзгоды». Поэтому он советовал Дарию хорошенько подумать об обратном пути из скифских степей и обязательно сохранить мост через Дунай. Дарию этот совет показался благоразумным. Милостиво выслушав Коеса, он обещал щедро одарить его по возвращении домой. Потом он призвал военачальников греческих

отрядов и поручил им стеречь мост. При этом Дарий вручил им ремень с шестьюдесятью завязанными узлами и сказал: «Начиная с того времени, когда я пойду на скифов, развязывайте на ремне каждый день по одному узлу; если минует число дней, обозначенных узлами, и я не вернусь, плывите обратно на родину; до той поры берегите и охраняйте мост».

Тем временем отдельные скифские племена объединились для защиты своей страны. На совете скифских вождей было решено не давать Дарию открытого большого сражения, но, отступая, заманить противника вглубь страны. Для осуществления этого плана скифы разделили свои силы на два больших отряда. Один из этих отрядов под главенством Скопасиса, к которому присоединились и племена савроматов, должен был находиться вдали от противника и напасть на него, как только истомлённые лишениями персы повернут назад. Второй большой отряд под командованием Идантирса и Таксакиса следовал непосредственно впереди персов, поддерживая расстояние между собой и противником в один день

Скифская повозка. Глиняная игрушка из скифского кургана.

пути. Повозки со скифскими женщинами и детьми и весь скот были отправлены далеко вперёд. При себе скифы оставили лишь столько скота, сколько им требовалось для прокормления. По дороге воины Идантирса и Таксакиса засыпали все попадавшиеся им по пути колодцы и источники, поджигали степь, истребляли растительность.

Войска Дария начали поход в восточном направлении от Дуная. На третий день пути на горизонте показались и быстро приблизились к персам скифские всадники. Дарий немедленно вывел вперёд и бросил на них в атаку свою конницу. Но большого сражения не состоялось. При виде неприятеля, скифы повернули назад, а конница персов устремилась их преследовать. Всё войско Дария вновь двинулось вперёд. День за днём шли они по опустошённой пожарами степи. Скифы больше не показывались. Ещё через некоторое время персы набрели на покинутые деревянные укрепления и сожгли их. По мере дальнейшего продвижения вперёд местность становилась всё более и более пустынной.

В то далёкое время наступающие войска обычно снабжались за счёт населения тех районов, через которые они проходили. Но здесь не было населения. В армии Дария уже во всём ощущался недостаток. Утомление от продолжительного похода давало себя чувствовать, а враг продолжал оставаться неуловимым. Дойдя до большой степной реки (Геродот называет её

Оаром), Дарий расположился на берегу лагерем. Здесь он решил устроить свой лагерь. Персы принялись за возведение восьми громадных стен, замыкавших большое пространство. Потом, когда этот поход Дария стал уже далёким прошлым, на берегу реки всё ещё продолжали возвышаться обломки так и не доведённых до конца персидских укреплений.

Дело в том, что до Дария дошли новые вести о скифах: они обошли его с севера и теперь находились в уже пройденных его войсками степях. Дарий немедленно покинул наполовину построенные стены и со всем войском повернул назад на запад. Быстрыми маршами он вернулся в скифские степи и здесь, наконец, повстречался с двумя большими отрядами скифов. Но повторилась уже знакомая картина. Войска Дария устремились на скифов, те немедленно ступили. Персы погнались за ними, но скифы были попрежнему неуловимы: попрежнему они находились впереди, поддерживая расстояние между собой и противником в один день пути.

Между тем время шло и не предвиделось конца странствованиям войск Дария. Тогда Дарий послал к Идантирсу всадника с поручением произнести перед ним речь следующего содержания: «Зачем ты, чудак, всё время убегаешь? Тебе следует выбрать одно из двух: или остановись, не блуждай больше и сражайся; или же, если ты чувствуешь себя слабее меня, то так же приостанови своё бегство и вступай со мной в переговоры, как со своим повелителем». В ответ на эту речь Идантирс отвечал: «Никогда прежде я не убегал из страха ни от кого, не убегаю и сейчас от тебя; я не сделал ничего нового по сравнению с тем, что делаю обыкновенно в мирное время; у нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены; нечего поэтому мне торопиться вступить с тобой в сражение».

В войске Дария ходила молва, что скифы послали Дарию странные подарки: птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Смысл этих подарков раскрывался так: «если вы, персы, не улетите, как птицы, в небеса или не скроетесь в землю, как мыши, или, как лягушки, не ускачете в озеро, то не вернётесь назад и погибнете от этих стрел».

Положение войск Дария становилось всё более тяжёлым. Теперь скифы изменили тактику. Каждый раз, когда отряды персов отправлялись добывать продовольствие, скифы нападали на них. Нередко вступали они в сражение и с персидской конницей, часто обращая её в бегство и преследуя до самого лагеря. Потом они поворачивали назад и снова уходили в свои степи. Подобные нападения скифы часто совершали под покровом ночной темноты. Чтобы внушить противнику ложные надежды, дольше задержать его в своей стране и тем самым ещё больше измотать его силы, скифы время от времени оставляли вблизи персов небольшие стада скота. Каждый раз, когда

истощённым голодом воинам Дария попадали в руки такие по-
дачки, они ликовали, точно после большой победы. Силы персов
продолжали неуклонно истощаться.

Наконец наступил столь долго ожидаемый Дарием момент.
В непосредственной близости от его лагеря пешие и конные
скифы стали выстраиваться в боевой порядок. Казалось, настал
час решающего сражения. В это время через ряды скифов про-
нёсся заяц. Тотчас скифы нарушили свой строй и с громкими
криками и шумом понеслись за зайцем. Недоумевающий Дарий
спросил окружающих о причинах тревоги и шума в рядах не-
приятеля. Когда ему донесли, что виновником всего явился заяц,
он задумался, а потом сказал: «Эти люди смотрят на нас с пол-
ным пренебрежением; наше положение представляется мне сей-
час таким, что следует серьёзно обдумать, каким образом обес-
печить возвращение на родину».

Находившийся при Дарии его советник Гобрия, считавшийся
мудрецом, полностью с ним согласился и посоветовал, когда
стемнеет, разжечь в лагере костры и со всеми воинами, способ-
ными к передвижению, уйти к Дунаю, пока скифы не разрушили
наведённый через него мост.

Так Дарий и поступил. Костры были разложены. Раненым,
больным, истощённым походом воинам было объявлено, что
царь уходит из лагеря с отборной частью войска, чтобы совер-
шить ночное нападение на скифов. Кроме того, были оставлены
все ослы и мулы. Своим криком они должны были вызвать у
неприятеля впечатление, что никаких перемен в персидском ла-
гере не произошло. Затем Дарий форсированным маршем высту-
пил к Дунаю. На следующий день утром лагерь огласился воп-
лями и стонами брошенных на произвол судьбы воинов.

Узнав о поспешном ночном отступлении Дария, скифы решили
его преследовать. Догадавшись, что он следует к Дунаю, они
устремилась туда же. Отступающие войска Дария большей
частью состояли из пехоты, кроме того, персы вообще плохо
знали дороги в степи. Скифы же двинулись кратчайшим путём.
Поэтому они первыми достигли Дуная.

На Дунае скифы увидели корабли греков. Хотя все узлы на
ремне были уже развязаны, греки ещё продолжали охранять
мост. Вступив с ними в переговоры, скифы сообщили о бегстве
Дария и потребовали, чтобы они разрушили мост. Грекам же
они посоветовали поскорее возвращаться на родину и там на-
слаждаться свободой. За эту свободу, сказали они, вы должны
быть благодарны нам, потому что мы нанесли вашему предше-
стwu владыке такой удар, что он уже ни на кого не пойдёт войной.

Вожди греческих отрядов собрались на совет. Военная мощь
персов казалась им раньше несокрушимой. Но теперь было ясно,
что это заблуждение. Предпринятый Дарием поход закончился
полной неудачей: скифы заманили громадное войско персов
вглубь своей страны, истощили его силы и обратили в бегство.

Выступил афинянин Мильтиад. Он настойчиво советовал разрушить мост и поднять восстание против персов на берегах Геллеспонта и на всём ионийском побережье Малой Азии, чтобы вернуть греческим городам, поработённым персами, свободу. Предложение Мильтиада, однако, было отвергнуто. С возражениями выступил правитель города Милета — Гестией. Как и многие другие правители, посаженные персами в подвластных им греческих городах, он получил свою власть над Милетом из рук Дария. «Если могущество Дария будет сокрушено,— говорил Гестией,— то в наших городах поднимется народ и лишит нас власти». Слова Гестиея показали участникам совета убедительными. Все они хорошо знали настроение большинства своих граждан, мечтавших не только об освобождении от власти персидского царя, но и о ниспровержении своей собственной аристократии. Когда началось голосование, большая часть голосов была подана против предложения Мильтиада.

Но греки не рискнули отклонить требование скифов о разрушении моста, так как было ясно, что скифы не остановятся перед тем, чтобы силой заставить их выполнить своё требование, или разрушат мост сами. Поэтому для вида они разобрали часть моста, прилежавшую к скифскому берегу, на протяжении полёта стрелы и заверили скифов, что разберут и остальную часть.

Так как Дария с его войсками всё ещё не было, скифы снялись с места и отправились его разыскивать дальше. Дария спасло то, что скифы искали его преимущественно по таким дорогам, по которым были хорошие пастбища для их лошадей. Они были уверены, что и Дарий выберет именно этот путь для возвращения к Дунаю. В действительности же персы шли обратно по своим прежде проложенным следам, через выжженные степи. Ночью подошли они к Дунаю. Когда выяснилось, что прилегающая к берегу часть моста разобрана, в войске распространилась паника. Каждую минуту можно было ожидать нападения скифов.

В свите Дария находился один египтянин, обладавший исключительно громким голосом. По приказанию Дария он, выйдя к реке, позвал Гестиея. Греки, услышав его голос, подплыли на кораблях к берегу и быстро навели мост. Персы успокоились лишь тогда, когда снова очутились на правом фракийском берегу Дуная. Отсюда Дарий с остатками войска дошёл до Геллеспонта и переправился в Малую Азию.

Поход Дария против скифов был первой крупной военной неудачей персов, до того времени не знавших поражений. Слава о их военной мощи была сильно поколеблена. У многих народов, покорённых персами, проснулась надежда сбросить ненавистное ярмо чужеземной власти.

Через некоторое время скифы произвели опустошительный набег на побережья Геллеспонта, а в греческих малоазийских городах вспыхнуло восстание против персов,

МАРАФОН

В 491 году до новой эры персидский царь Дарий I разослал по городам Балканской Греции своих послов. Они потребовали от греков «земли и воды» — символов покорности персидскому царю. Города, соглашавшиеся удовлетворить это требование, тем самым признавали себя подданными великой персидской державы.

Посланцы Дария почти повсюду достигали своей цели. В памяти всех греков были события недавнего прошлого: жестокая расправа Дария над городами побережья Малой Азии, восставшими против тяготевшей над ними власти персов. Многие из этих прежде цветущих городов подверглись такому страшному опустошению, что уже никогда потом не смогли восстановить своего прежнего положения. Борьба отдельных городов-государств маленькой Греции против сильнейшей и обширнейшей державы того времени казалась безнадёжным делом.

Только в двух греческих городах с посланцами Дария обошлись иначе. Спартанцы бросили их в колодец со словами: «Возьмите себе сами земли и воды, сколько хотите». В Афинах персидские послы тоже были убиты. Это и было ответом персидскому царю.

Оставить безнаказанным убийство своих послов персы, конечно, не захотели. Особенно они были раздражены афинянами. Когда Дарий приступил к подавлению восстания на побережье Малой Азии, афиняне послали на помощь восставшим 20 кораблей. Разгневанный Дарий велел своему рабу, каждый раз когда он будет садиться за стол, троекратно повторять: «Царь, помни об афинянах!»

Первый поход, предпринятый персами против Греции, окончился для них неудачно. Огибая Афонский мыс, персидский флот попал в сильную бурю. От разбушевавшейся стихии погибло много персидских кораблей с находившимися на них людьми. Уцелевшие суда повернули обратно.

Тогда Дарий задумал новый поход на Грецию. Два его полководца — Датис и Артаферн — получили приказание завоевать Афины и Эретрию и обратить в рабство их жителей. Датис и Артаферн с большим сухопутным войском расположились лагерем на побережье Малой Азии.

Персидское государство, несмотря на свои огромные размеры, не представляло единого целого. Отдельные области с различными населяющими их народностями жили своей жизнью. Но все они были подвластны персидскому царю и, когда тот начинал большую войну, должны были поставлять ему свои вооружённые отряды и боевые корабли. Собственно персидские воины составляли только ядро вооружённых сил персидской державы. В этот раз подданные Дария получили приказание доставить корабли, необходимые для перевозки войск в Грецию, в том

Персидские воины из личной стражи
Дария I.

числе и суда, приспособленные для перевозки персидской конницы.

Когда все приготовления были закончены, Датис и Артаферн погрузили свои войска на корабли и поплыли через Эгейское море к балканскому побережью Греции. По пути Датис и Артаферн останавливались у отдельных островов и подчиняли их жителей власти персидского царя. Так, например, они высадились на острове Накосе. Не дожидаясь неприятеля, жители этого острова бежали в горы. Персы сожгли город наксосцев и тех из них, кто попался им в плен, обратили в рабство.

Переплыв Эгейское море, Датис и Артаферн подошли к острову Эвбея, высадились у Эретрии и осадили этот город. Шесть дней жители отчаянно защищались, но в городе нашлись пре-

датели, и на седьмой день осады Эретрия пала. Ворвавшись в город, персы разграбили его, сожгли храмы, а уцелевших жителей также обратили в рабство.

Между прочим, Датис и Артаферн захватили с собой в этот поход Гиппия, старшего сына Писистрата; тираническая власть Гиппия была свергнута афинянами. Гиппий был уже глубоким старцем, но он надеялся восстановить свою власть над Афинами при помощи персов.

После взятия Эретрии Датис и Артаферн вновь погрузили свои войска на корабли и переплыли узкий пролив, отделяющий остров Эвбею от побережья Аттики. По совету Гиппия персы высадились в Марафонской долине. В марафонском округе отец Гиппия Писистрат некогда имел много сторонников. Видимо, Гиппий надеялся, что и сейчас он найдёт среди них поддержку и, подобно тому как его отец 48 лет назад, быстро и победоносно пройдёт из Марафона в Афины. Датис и Артаферн разделяли эти надежды, но действительность их не оправдала.

Никто из местных жителей не сочувствовал персам и их ставленнику Гиппию. Все они бежали от захватчиков. Гиппий тогда же понял, что никакой надежды утвердиться в Афинах

Марафонская долина.

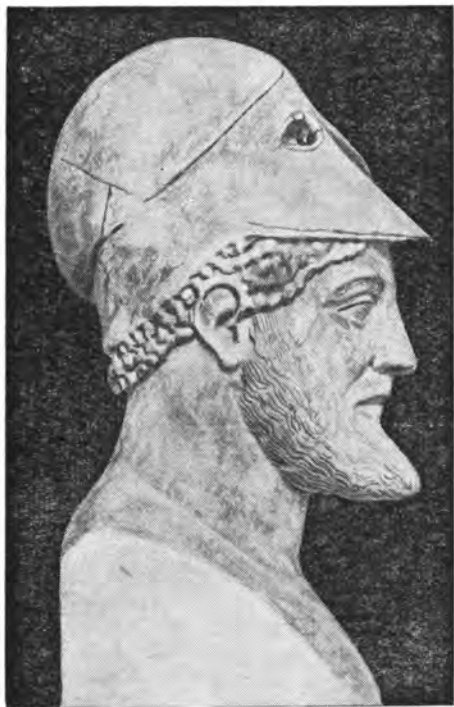
у него нет. Геродот рассказывает, что когда Гиппий помогал персам своими советами при высадке на побережье Марафона, он сильно закашлялся. При этом у него выпал один зуб. Тщетно стал его разыскивать Гиппий в песке, когда же убедился, что ему его не найти, вздохнул и сказал: «Если мне и принадлежит на этой земле что-либо, то это только один мой зуб».

Марафонская долина оказалась удобным местом для персидского лагеря. Суда были вытасканы из воды, разбиты палатки. Палатка Артаферна была поставлена на возвышенном месте у самого берега. Отсюда он мог обозревать всю долину.

Сразу же после высадки и разбивки лагеря персы принялись грабить и опустошать занятый ими берег. Над Аттикой и Афинами нависла смертельная опасность. Но подавляющее большинство афинян не думало о переговорах с врагом и сдаче. Напротив, граждане полны были решимости с оружием в руках защищать свою свободу и независимость.

Ополчение афинских граждан возглавлялось десятью стратегами, каждый из которых командовал войсками своей филы. Кроме того, существовал ещё особый — архонт-полемарх, голос которого имел большое значение в военном совете.

Одним из архонтов в этом году был избран Мильтиад — человек опытный, хорошо знавший персов. В своё время, когда Мильтиад был правителем на полуострове Херсонесе Фракийском, ему пришлось наряду с многими другими греками участвовать в скифском походе Дария. Это именно он, оставшись сторожить

Мильтиад.

мост через Дунай, предложил его разрушить, чтобы затруднить возвращение Дария из скифских степей и поднять в тылу у персов восстание. После подавления восстания малоазийских греческих городов, когда персы утвердились на обоих берегах пролива, Мильтиад нагрузил своими сокровищами пять кораблей и бежал в Афины. Ко времени битвы при Маратоне Мильтиаду было уже больше 60 лет, но он был ещё крепок, смел и предприимчив.

На совете афинских стратегов было решено прежде всего обратиться за помощью к Спарте. Туда был послан афинский гонец по имени Фидиппид. С необыкновенной скоростью (в два дня) Фидиппид дошёл до Спарты. «Афиняне просят вас им помочь, чтобы старейший эллинский

город не впал в рабство», — сказал он спартанцам. Но спартанцы решили воздержаться от немедленного выступления. Их область отстояла далеко от места высадки персов. Будущее должно было им показать, следует ли вступить с персами в борьбу или переговоры. Поэтому, сославшись на древний обычай, они обещали выступить на помощь афинянам не раньше, чем наступит полнолуние. В лучшем случае они могли явиться в Аттику только через 10 дней. Эту безрадостную весть и принёс Фидиппид на пятый день в Афины. Афинянам, таким образом, предстояло один на один встретиться с врагом, превосходящим их своими силами. Весь вопрос теперь состоял в том, оставаться ли им в городе, защищаясь за его стенами и башнями, или выйти в открытое поле и дать персам решительное сражение? Мнения стратегов разделились.

Мильтиад стоял за решительное сражение. Он опасался, что в случае осады, особенно если она затянется, в Афинах могут найтись изменники. Немало афинских аристократов мечтало об уничтожении существующего в Афинах государственного строя любой ценой. Всем им была известна политика персов в зависимых от них греческих городах — они всюду поддерживали аристократов против остальной массы граждан.

В Афинах, несомненно, продолжали существовать и сторонники Писистратидов, также готовые перейти на сторону врага. Кто мог поручиться, что эти люди в трудный момент изменнически не откроют перед врагом городские ворота? При таких условиях лучше было отважиться на риск большого сражения за пределами города. Мнение Мильтиада разделяли ещё четыре стратега, но пять других были против него. Голоса в военном совете, следовательно, разделились пополам. Теперь всё зависело от того, к какому из этих мнений присоединится архонт-полемарх, председательствующий в военном совете. Эту должность занимал Каллимах.

Перед началом голосования Мильтиад отвёл Каллимаха в сторону и сказал ему: «От тебя, Каллимах, зависит теперь, будут ли Афины в рабстве или останутся свободными... С самого своего основания Афины никогда ещё не подвергались такой опасности. Если мы не дадим сражения, то я опасюсь восстания; афиняне его поднимут при одной мысли, что мы хотим сдаться персам. Если же мы дадим сражение, прежде чем некоторые афиняне успеют изменить, то у нас есть надежда его выиграть. Решение этого вопроса теперь в твоих руках». Когда началось голосование, Каллимах присоединил свой голос к предложению Мильтиада. После этого старики и плохо вооружённые остались в городе для защиты его стен, а всех боеспособных афинян Мильтиад повёл к Марафонской долине. Всего набралось 10 тысяч тяжеловооружённых воинов.

По афинским обычаям, главное командование над ополчением граждан ежедневно переходило по очереди от одного стратега к другому. На этот раз все стратеги единодушно отказались от своего права в пользу Мильтиада. Мильтиаду была предоставлена единоличная власть главнокомандующего.

Через несколько часов по выходе из города афинское войско остановилось на склоне горы. Отсюда открывался широкий вид на спускающуюся к морю замкнутую горами полукруглую долину и огромный, расположенный на самом берегу моря персидский лагерь. Афинские воины разбили свой лагерь на возвышенности у роши. Позади их лагеря находилось селение Марафон, впереди простиралась долина.

Первый день после прибытия прошёл спокойно. На второй день утром афиняне построились в боевой порядок, рассчитывая, что персы нападут на них первыми. Но нападения персов не последовало. В этот же день к афинянам пришла неожиданная помощь из Платеи. Жители этого небольшого беотийского городка, расположенного в непосредственной близости от границы Аттики, явились помогать афинянам. Всего их было тысяча тяжеловооружённых воинов.

Таким образом, перед сражением силы противников были следующие: афинян вместе с платейцами — 11 тысяч воинов, персов, по свидетельству древних авторов, 100 тысяч. Если даже

заподозрить их в преувеличении, всё же численный перевес персидских сил над греческими не может вызывать сомнений.

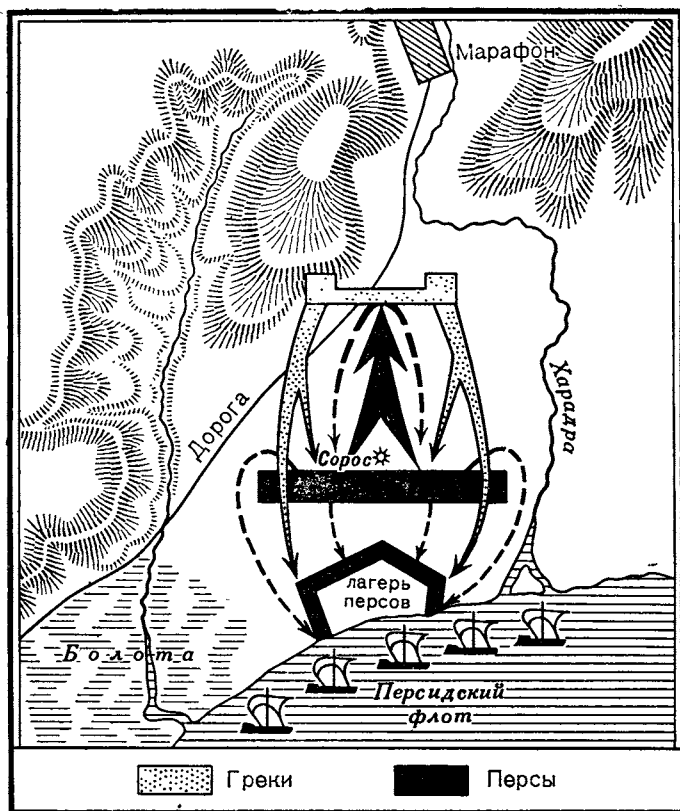
Между греками и персами было различие и в вооружении, и в приёмах ведения боя. Греческие тяжеловооружённые воины носили на голове медные шлемы, тело их защищали панцыри и большие щиты. Главным их оружием было длинное копье. В атаку они шли плотно сомкнутыми рядами, глубиной в 4—6 и больше рядов, стараясь опрокинуть противника и не разорвать собственный фронт. Персы были сильны своими стрелками из луков и конницей, вооружённой саблями. Тяжёлые шлемы и панцыри не были у них в ходу. Защищались они при помощи лёгких плетёных щитов. Сражение обычно начинали стрелки, засыпавшие противника градом стрел. Потом в решающую атаку шла конница.

Но самое существенное различие между персами и греками заключалось не в вооружении и приёмах ведения боя. Персидские воины смотрели на своё пребывание в Греции как на очерединую завоевательный поход. Успех должен был принести им богатую военную добычу. Греки же явились защищать свою родину, свой дом и родных, независимость своего города, свою свободу. Поражение означало для них рабство. Поэтому они готовы были стоять против врага не на жизнь, а на смерть.

Сражение произошло 12 сентября 490 года до новой эры. Утром Мильтиад расположил своё войско на обращённом к персам склоне горы перед рощей. Опасаясь, чтобы враг не использовал своего численного перевеса и не обошёл его, он растянул свою боевую линию как можно шире и по возможности укрепил фланги. Правым флангом командовал Каллимах, на левом находились платейцы. На обоих этих флангах воины были построены в 5—6 рядов, следующих один за другим, тогда как в центре — только в 2—3 ряда. В силу растянутости боевой линии поставить здесь большее число рядов Мильтиад не мог.

Сражение начали греки. Чтобы не дать персидским стрелкам времени их обстрелять, а персидской коннице атаковать, они первыми, по команде Мильтиада, сначала быстрым шагом, а потом бегом, бросились по склону в атаку на неприятеля. Для персов эта атака была неожиданной. Они не предполагали, что греки при своей малочисленности первыми решатся на такое безрассудно смелое нападение.

Закипел жаркий рукопашный бой. После напряжённой борьбы персы прорвали слабый центр афинян и стали преследовать отступающих. Им удалось уже захватить вооружённых пращами афинских рабов, выносивших из строя раненых, но в это время на помощь своему центру устремились афинские и платейские воины с флангов. Дело в том, что и на правом, и на левом фланге афинянам удалось обратить своих противников в бегство. Но они не стали преследовать бегущих, а повернули свои сом-

Марафонское сражение. (Схема.)

кнутые ряды против неприятеля, сражающегося в центре, и ударили по нему и справа, и слева одновременно. Теперь персы оказались окружёнными сразу с трёх сторон. Скоро они обратились в беспорядочное бегство.

Афиняне гнали врага к морю, опрокидывая на своём пути всё, что им встречалось. Сражение продолжалось у самых кораблей. Афиняне стремились захватить их и поджечь. Персы спустили корабли на воду, быстро селились на них, чтобы отчалить от берега. Потом рассказывали, что одному из участников этой схватки у кораблей, брату афинского поэта Эсхила, Кинагоиру, отрубили топором руку, которой он схватился за неприятельский корабль. Тогда он схватился за этот корабль другой рукой. В конце концов корабль был отбит афинянами.

По данным Геродота, на поле сражения осталось 6400 персов. У афинян было 192 убитых, в их числе Каллимах, стратег Стесилай и много других видных афинских граждан.

Торжество афинян по случаю победы было безмерно. В Афины с радостной вестью был послан гонец. Покрытый кровью и пылью, он прибежал в город и объявил своим согражданам: «Радуйтесь, мы победили!»

Однако с врагом ещё не было покончено. Отдалившись от берега и подсчитав свои силы, Датис и Артаферн решили, что не всё для них потеряно. Они стали на своих кораблях огигать Аттику, чтобы напасть на самый город Афины, пока афинские воины не вернулись ещё с поля сражения. Но этот манёвр противника был разгадан Мильтиадом. Поняв замысел персов, он оставил небольшой отряд для охраны военной добычи, главные же свои силы быстро повёл к городу. Когда на другой день вражеские корабли подошли к афинскому берегу, персы увидели выстроившихся в боевой порядок афинян, вполне готовых к новому сражению.

Поэтому персы не решились на новую высадку и повернули свои корабли назад в открытое море.

Значение марафонской победы было очень велико. Афиняне показали всем греческим городам, что сплочённые ряды граждан, одушевлённых любовью к своему родному городу и стремлением отстоять свою свободу и независимость, могут побеждать численно превосходящего противника. Многие из тех греческих городов, которые совсем ещё недавно согласились стать подданными персидского царя, после марафонской победы объявили себя независимыми.

Вся Греция теперь вновь обрела веру в свои силы и уверенность в конечной победе.

Павшие в сражении воины были погребены на самом поле боя. Память о них высоко чтилась всеми греками.

ФЕРМОПИЛЫ

Не было пределов гордости персидского царя. Не только вся Азия покорила^{сь} ему, но и мятежный Египет, и далёкие эфиопы признали его власть. По первому же слову его наместники — сатрапы — могли привести персидскому царю огромное войско из всех подвластных племён и народов. Несметные сокровища, добытые трудом его подданных, стекались в казну. Жестокая казнь ожидала каждого смельчака, решившегося оказать неповиновение. Только два тёмных пятна омрачали блеск величия персидского царя: неудача скифского похода и поражение при Марафоне. Только два народа, скифы и греки, не подчинились могуществу персов, сумели отстоять свою независимость.

Когда умер царь Дарий, на персидский престол вступил его сын Ксеркс. Он начал готовиться к новому походу для покорения Греции. Ксеркс приказал своим сатрапам собирать войско и флот.

Четыре года продолжалась подготовка к походу. В первом походе персидский флот потерпел крушение у горы Афон, которая находится на полуострове Халкидика, поэтому Ксеркс приказал перекопать гору и вырыть пролив такой ширины, чтобы две триеры¹ могли рядом проплыть по нему. Три года воины различных народностей перекапывали гору под ударами бичей персидских надсмотрщиков. Наконец всё было готово—перешеек прорыт, войско и флот собраны, продовольствие заготовлено и размещено по пути следования войска. Выступив из своей столицы Сузы, Ксеркс привёл армию в главный город Лидии — Сарды.

Царь был уверен в своей непобедимости. Афиняне, узнав, что персы готовят поход, послали троих лазутчиков, чтобы они разузнали о силах Ксеркса. Лазутчики были пойманы и приговорены к казни. Однако царь, узнав об этом, приказал немедленно освободить их, показал своё войско и флот, а затем отпустил домой. Он надеялся, что афиняне, услышав о том, как велики его силы, сами откажутся от сопротивления.

Но он ошибся. Афиняне были полны решимости бороться до конца. Глава афинской народной партии Фемистокл провёл в народном собрании решение о постройке нового сильного флота. Афинам принадлежали богатые серебряные рудники в Лаврионе, на юго-востоке Аттики. Обычно доходы от этих рудников делились между гражданами, по 10 драм в год на человека. Теперь, по предложению Фемистокла, было решено на эти средства выстроить 200 превосходных триер.

Между тем, Ксеркс, расположившись в Сардах, послал, как некогда Дарий, глашатаев по греческим городам с требованием признать его власть и в знак подчинения прислать ему «земли и воды». Одновременно он приказал перекинуть мост через Геллеспонт, от малоазийского города Абидоса к мысу у Херсонеса Фракийского, где пролив Геллеспонт имел ширину в 7 стадий (1,3 км). Мост сооружали финикияне и египтяне на папирусных и льняных канатах. Когда он был наведён, поднялась сильная буря и разорвала канаты. Царь пришёл в ярость и велел отрубить головы тем, кто строил мост.

Другие мастера предложили новый способ устройства моста, который и был осуществлён: 360 судов было поставлено на якорь вплотную друг к другу. Затем с суши были протянуты толстые канаты, на них положены брусья и доски, на которых была насыпана плотно утрамбованная земля. По этому-то мосту с наступлением весны Ксеркс начал переправлять своё войско на европейский берег. Семь дней длилась переправа, а царские надсмотрщики бичами подгоняли тех, кто отставал или шёл недостаточно охотно. Во время переправы началось солнечное затмение, но жрецы объяснили царю, что это добрый знак: так

¹ *Триера* — военный корабль с тремя рядами вёсел, расположенных друг над другом.

закатится солнце эллинов и восторжествует луна, которой поклоняются персы.

Пройдя некоторое расстояние по фракийскому побережью, Ксеркс решил устроить генеральный смотр и подсчитать свои силы. На обширной равнине расположилось огромное войско, построенное по входившим в его состав народам.

Тут стояли персы и мидяне в войлочных шапках — тиарах, пёстрых хитонах и чешуйчатых панцирях, вооружённые короткими мечами, копьями, луками; ассирийцы в медных шлемах, с льняными щитами и дубинами, с торчащими железными гвоздями; парфяне, согдийцы, хорезмийцы, бактрийцы и саки с луками и секирами; индусы в длинных одеждах; арабы в подпоясанных плащах, с длинными луками, висящими на правом плече; эфиопы в барсовых и львиных шкурах, с раскрашенными белой и красной краской телами, с луками из пальмового дерева и кремнёвыми стрелами и копьями с наконечниками из рога антилопы; фракийцы в лисьих шкурах на головах и длинных пёстрых плащах, с дротиками и маленькими щитами; кавказские народы в шлемах, украшенных бычьими ушами, с кожаными щитами и короткими копьями.

Отдельно стоял отряд из 10 тысяч отборных персидских воинов, называвшихся «бессмертные», так как каждого выбывшего из строя сейчас же замещали другим, не менее достойным, так что число их всегда оставалось неизменным. Копья и вся их одежда сверкали золотом. Отдельно выстроилась и конница персов, мидян, бактрийцев и арабов. А на море виднелось 1207 триер, доставленных искусными мореплавателями — финикийцами, египтянами и греками — с островов, покорившихся Персии.

Чтобы сосчитать всё войско, придумали следующий способ: 10 тысяч воинов было поставлено вплотную друг к другу, тесной толпой. Затем снаружи очертили их линией и построили по ней стену. Получилось огороженное пространство, вмещающее ровно 10 тысяч человек. Затем в это пространство стали вводить всех остальных воинов, каждый раз по десятку тысяч, и так определили их общее число.

Греки впоследствии передавали, что всего оказалось 1 миллион 700 тысяч пехотинцев и 80 тысяч конницы. Прибавляли ещё матросов, слуг царя и знати, обозную прислугу и получалось свыше 5 миллионов человек. Конечно, греки значительно преувеличивали, но всё же войско Ксеркса было очень велико, и такой вражеской армии ещё не было никогда на земле эллинов.

Постепенно Ксеркс дошёл до Фессалии, которая находилась в северо-восточной части Балканского полуострова, разоряя жителей встречающихся городов, чтобы добыть средства на пропитание своим войскам и на пиры для себя. Греки тогда говорили, что следует возблагодарить богов за то, что царь обедает лишь раз в день, иначе все они погибли бы голодной смертью.

Один за другим возвращались глашатаи, посланные требовать у городов «земли и воды». Многие приносили «землю и воду», особенно из тех городов, где была сильна аристократия, предпочитавшая персидское иго власти народа.

Во главе решивших сопротивляться стали Афины. Только у них был флот, способный померяться силами с персидским. Спартанцы предлагали перегородить стенами истмийский перешийек, в надежде остановить таким образом наступление Ксеркса. Но, господствуя на море, он мог легко взять прибрежные города, и грекам всё равно пришлось бы покориться. Это отлично понимали в Афинах, где старались усилить флот и привлечь как можно больше городов к союзу против персидского царя.

Чтобы не оттолкнуть от союза надменных спартанцев, которые всё ещё хранили надежду отсидеться за истмийскими стенами и не спешили выступать, афиняне согласились предоставить им командование не только в армии, но и во флоте. После долгих совещаний собравшиеся на Истме члены союза решили послать флот примерно из 300 судов, под командой спартанца Еврибиада, к мысу Артемисию, на побережье Эвбеи, а войско — к Фермопилам, горному проходу, через который шёл путь из Фессалии в Среднюю Грецию. Проход этот был так узок, что по нему могла проехать только одна повозка. С запада тянулась неприступная отвесная гора, а на востоке до самого моря простирались непроходимые болота. Некогда жители Фокиды, обороняясь против соседних фессалийцев, перегородили этот проход

Фермопильский проход.

Спартанский царь Леонид.

стеной; около этой стены протекали тёплые источники, от которых и самый проход получил своё имя Фермопилы — «тёплые ворота». Здесь маленькое войско, решившееся твёрдо выполнить свой долг, могло надолго задержать самого сильного врага.

Невелики были силы греков, расположившихся у Фермопил: 300 спартанцев, 1000 аркадийцев, 400 коринфян и ещё тысячи полторы из других городов Пелопоннеса да несколько тысяч воинов из Средней Греции. Неохотно и со страхом пришли они сюда, хотя афиняне уверяли их, что защитят их земли своим флотом, и призывали не бояться Ксеркса, который ведь простой смертный, а значит, как и всякий человек, может быть побеж-

дён, как бы высоко ни вознесла его удача. Остальные силы союзников должны были прибыть позже, когда кончатся происходившие как раз в это время олимпийские игры.

Отрядом у Фермопил командовал спартанский царь Леонид, человек твёрдый и мужественный, опытный в военном деле и любящий свою родину.

Ещё не успело подойти к Фермопилам ожидаемое подкрепление, как стало известно, что приближается войско Ксеркса. Пелопоннесцы предлагали отступить и сосредоточить все силы на защите Истма. Но жители Средней Греции горько упрекали своих союзников, которые готовы выдать их беззащитными разгневанному персидскому царю. Леонид, признав их правоту, решил остаться; он только послал гонца в Спарту, чтобы поторопить подкрепление. Несмотря на отчаянное положение, греки не теряли мужества. Когда один из местных жителей прибежал с известием: персов идёт такое множество, что они своими стрелами заслонят солнце,— один спартанец ответил: «Это известие очень нам по сердцу, ведь мы, значит, будем сражаться в тени».

Ксеркс, расположившись со своим войском к северу от Фермопил, послал разведчика посмотреть, что делают греки. Вер-

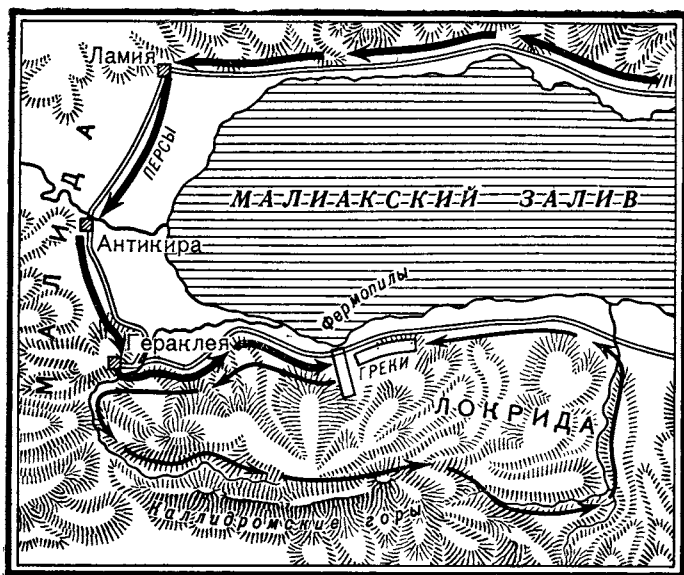
нувшись к царю, посланный донёс, что видел спартанцев, которые вели себя совершенно спокойно: одни из них занимались гимнастикой, другие расчёсывали волосы. Ксеркс надеялся, что греки без боя уйдут от Фермопил. Но дни шли, а греки не уходили.

На пятый день Ксеркс послал мидян с приказанием захватить и доставить к нему живыми этих безумцев. Целый день нападали мидяне на греков, но все их атаки были отбиты с большими потерями. Наконец мидяне отступили, и Ксеркс послал на их место своих «бессмертных». Сидя на возвышении в кресле, царь надеялся очень скоро насладиться зрелищем победы, но оказалось, что «бессмертные» имели не больше успеха, чем мидяне. Сражаясь в узкой теснине, они не могли воспользоваться своим численным превосходством, а в единоборстве спартанцы оказывались сильнее. Несколько раз спартанцы делали вид, что отступают, а когда персы с громкими криками бросались за ними, вдруг оборачивались лицом к своим преследователям и истребляли их. Трижды в страхе за свой отборный отряд вскакивал Ксеркс с кресла, неоднократно пытались персы перестроиться и изменить тактику, но так и не продвинулись ни на шаг.

Царь не знал, что предпринять, как вдруг вечером явился к нему греческий перебежчик, местный житель Эфиальт, и сообщил важную новость. Оказывается, через горы шла обходная тропа, ведущая к Фермопилам, о которой почти никто не знал. Предатель брался провести по ней войско персов в тыл защитникам Фермопил. Ксеркс с радостью принял это предложение и тотчас же снарядил большой отряд под командой начальника «бессмертных».

К ночи отряд выступил. Сначала персы шли вдоль протекающей через ущелье горной речки, потом, переправившись через неё, по краю горы, поднимаясь всё выше и выше. На заре они достигли вершины горы, покрытой дубовым лесом. Здесь находился греческий сторожевой отряд в тысячу человек. Услышав шелест листьев под ногами неприятельских воинов, греки бросились к оружию. В этот момент перед ними появились персы, которые тоже не ожидали встретить здесь неприятеля. У них возникло опасение, не спартанцы ли это, но Эфиальт их успокоил: это не спартанцы, это воины из Фокиды, их нечего бояться. Построившись в боевой порядок, персы открыли стрельбу из луков. Поражаемые множеством стрел, фокяне бежали. Тогда, не обращая на них больше внимания, персы стали спускаться с горы к главному лагерю греков.

Здесь уже знали от перебежчиков и лазутчиков, что персы обходят гору. Леонид решил отослать союзников — он хотел спасти, по возможности, больше воинов для будущих битв, а возможно, не очень полагался на их храбрость. Сам он решил оставаться на месте и как можно дольше задержать

Фермопильское сражение. (Схема.)

персов. С ним остались его спартанцы и воины города Феспии. Спартанцы считали позорным покинуть доверенную их защите позицию, а феспийцы не хотели оставлять в беде друзей. Всего у Леонида осталось 1200 тяжеловооружённых; они приготовились к смерти, но решили продать свою жизнь как можно дороже.

Спустя немного времени после восхода солнца персы начали наступление. Эллы встретили их у выхода из теснины, с ожесточением отражая натиск многочисленных персидских отрядов. Ударами бичей гнали начальники всё новые толпы царских подданных в атаку. Когда у эллинов ломались копы, они рубили мечами, если ломались мечи, они с отчаянной храбростью действовали кулаками и зубами. Вот уже пал сам Леонид, и над его трупом завязалась жестокая схватка. Четыре раза обращали спартанцы в бегство персов, старавшихся завладеть телом доблестного вождя. Всё меньше и меньше оставалось в живых греков, но зато и множество персов погибло под Фермопилами. Два брата Ксеркса также пали в этом знаменитом сражении.

Но вот в тыл грекам ударили персы, приведённые предателем Эфиальтом. Тогда греки отступили за теснину и ограждавшую её стену. Здесь, после последней отчаянной схватки, они все до одного были перебиты. Ксеркс приказал отыскать труп Леонида, обезглавить и насадить его голову на копьё.

Известие о славной гибели защитников Фермопил всколыхнуло всю Грецию. Двух спартанцев, которые остались живыми

после сражения, потому что один был болен и не пошёл в бой, а другой был послан вестником в Фессалию и задержался в дороге, спартанцы объявили лишёнными чести. Никто не говорил с ними, и их называли трусами. Один не выдержал всеобщего презрения и покончил с собой, другой остался жить и в новой битве с персами, при Платеях, смыл с себя позор мужественной смертью в бою. Однако и тогда спартанцы отказали ему в почётном погребении, которого обычно удостоивались все погибшие за родину.

Над павшими греками, погребёнными здесь же у Фермопил, была поставлена плита со стихами знаменитого поэта Симонида:

Некогда против трёхсот мириад здесь сражалось четыре
Тысячи ратных мужей пелопоннесской земли.

При входе в Фермопилы была воздвигнута статуя льва в память Леонида.

На статуе были высечены стихи Симонида:

Тот, кого я теперь, лёжа на камне, храню.
Если бы, Львом именуясь, он не был мне равен и духом,
Я над могилой его лап не простёр бы своих.

И рядом была им же сочинённая надпись в честь воинов, павших при Фермопилах:

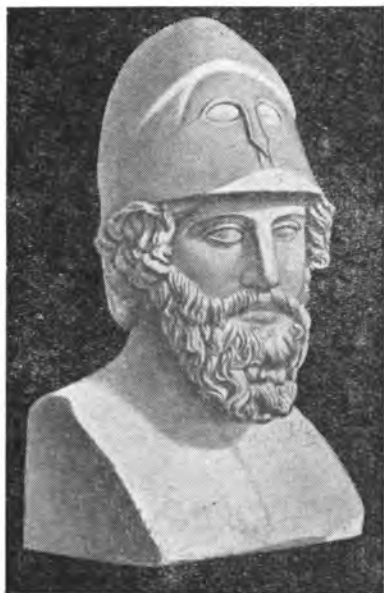
Славных покрыла земля — тех, которые вместе с тобою
Умерли здесь, Леонид, мощной Лаконики царь!
Множество стрел и коней быстроногих стремительный натиск
В этом сраженьи пришлось выдержать им от мидян.

Сражение при Фермопилах показало персидским захватчикам, на что способен народ, защищающий свою независимость.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

— Итак, Фемистокл, что же говорили на военном совете? — спросил Мнесифил, когда начальник афинского флота Фемистокл возвратился на свой корабль после совещания командиров союзного греческого флота, собравшегося при острове Саламине. По мрачному и задумчивому виду Фемистокла его собеседник уже догадался, что решение принято неблагоприятное для Афин.

Действительно, положение было очень тяжёлым. Подвиг героев, павших при Фермопилах, не остановил персидские полчища. Всё уничтожая на своём пути, вступили они в пределы Атики. Пелопоннесские союзники продолжали носиться с мыслью перегородить стеной истмийский перешеек и, отсиживаясь за ней, оборонять свой полуостров. Афины, оставшись одни, не могли защищаться на суше. Что оставалось делать? Фемистокл утверждал, что выход один: отправить женщин, детей и стариков в безопасное место, а всем боеспособным мужчинам сесть на корабли, отплыть к острову Саламину и там дать решительный бой

Фемистокл.

персидскому флоту. «Будущее Афин на море», — твердил он с самого начала своей политической деятельности. Это он настоял на том, чтобы Афины построили 200 кораблей на доходы с Лаврийских серебряных рудников, это он требовал, чтобы афиняне соорудили стены, которые свяжут город с гаванью Пиреем и сделают его неприступной крепостью.

Тяжёлую борьбу приходилось ему выдерживать, следуя по этому пути. Аристократы оказывали ожесточённое сопротивление. Богатые землевладельцы отлично понимали, что вопрос о флоте — это не только вопрос о военной тактике, но и о будущем политическом устройстве Афин. Матросы, кормчие, рулевые — всё это были бедные люди, не то что сухопутные тяжелово-

оружённые пехотинцы, которые должны были иметь приличный доход, чтобы купить дорогое вооружение. Если главными защитниками родины станут бедняки, они потребуют себе главной роли и в государстве. Тогда уже не древний ареопаг, оплот аристократии, будет вершить все дела, а народное собрание, где бедных и простых людей всегда будет больше, чем богатых и знатных. И они не хотели сдаваться без борьбы.

Во главе аристократов встал Аристид, вечный соперник Фемистокла. Только добившись в народном собрании изгнания Аристида, смог Фемистокл осуществить свой план увеличения флота.

Фемистокл не мог похвастать своим происхождением. Отец его был незнатным человеком, а мать даже не афинянкой, а уроженкой Фракии. Поэтому его считали человеком с «нечистой кровью» и не допускали в школу, где учились сыновья полноправных граждан. Да он и не слишком старался получить поверхностное образование, которое считалось обязательным для знатного молодого человека. Способный, горячий, честолюбивый, он больше всего любил сочинять речи, знакомиться с государственным устройством и окружающей его действительностью.

Тридцати с небольшим лет он был избран архонтом и в этой должности с большой энергией заботился о сооружении Пирея, а через три года мужественно сражался при Марафоне во главе своей филы. Но всего этого казалось ему мало. Рас-

сказывали, что после марафонской битвы его часто видели бродящим по ночам без сна в грустной задумчивости. «Лавры Мильтиада не дают мне спать», — говорил он будто бы друзьям. Но у него были и более серьёзные причины для беспокойных размышлений: один из немногих в Греции он сознавал, что победа при Марафоне не конец, а лишь начало войн с Персией и что Греции потребуются напрячь все силы в предстоящей борьбе. Упорно добиваясь создания сильного флота, Фемистокл вместе с тем понимал, что необходимо подавить сопротивление аристократов, среди которых было немало людей, готовых ослабить оборону родного города и даже подчиниться персам, лишь бы не дать усилиться народу.

Когда Ксеркс со своими полчищами явился в Грецию, Фемистокл был назначен начальником афинского флота, посланного к мысу Артемисию. Всем флотом командовал спартаец Еврибиад, хотя большинство судов, составлявших этот флот, принадлежало Афинам. Флот Ксеркса во много раз превосходил греческий, но страшная трёхдневная буря сильно потрепала его, пока он находился в открытом море. Когда было получено известие об исходе битвы при Фермопилах, Фемистокл согласился с союзными командирами, что дальнейшее пребывание греческого флота у Артемисия бесцельно. Надо было отплыть на юг, к Аттике, куда двигалась персидская армия. Наиболее подходящим местом для новой битвы он считал остров Саламин. Это была земля афинян, и именно здесь предстояло им отстоять родной город. Но чтобы спасти Афины от персидского ига, приходилось идти на тяжёлую жертву — оставить страну на разграбление врага и сосредоточить все свои силы на море. Чтобы убедить сограждан решиться на этот шаг, Фемистокл сам отправился в Афины.

Перед отплытием от Артемисия Фемистокл принял меры к тому, чтобы по возможности внести раскол в лагерь врага. Он рассчитывал, что если ему удастся оторвать от персов ионийцев — малоазийских греков, подпавших под власть Персии, то флот Ксеркса будет значительно ослаблен. Во всех удобных для стоянки местах, которые мог выбрать для себя персидский флот, он оставил надписи: «Несправедливо поступаете, ионяне, воюя для порабощения Эллады, лучше переходите к нам или, по крайней мере, держитесь в стороне. Если же вы не можете сделать ни того, ни другого, то помните, что вы происходите от нас и в случае столкновения будьте нерадивы в бою». Он твёрдо надеялся, что или ионийцы последуют его призыву, или Ксеркс, прочтя эти надписи, заподозрит их в измене и сам устранил их от участия в морском сражении.

В Афинах Фемистокл застал растерянность и смятение. Знать не желала покидать свои земли и богатства. «Как оставить врагу отеческие могилы и храмы богов!» — восклицали многие. Но так как сопротивляться персам на суше было невозможно, они

тем самым признавали себя готовыми подчиниться Ксерксу. Но не так думал народ. Не отдаст он без боя своей свободы, не падут они на колени перед персидским царём. Никому не кланялись в землю эллины, и скорее погибнут они, чем унизятся перед человеком, который ничем не лучше других смертных! И народное собрание приняло предложение Фемистокла.

Из средств ареопага всем савившимся на суда было выдано по восемь драхм. Женщины, дети и старики должны быть отправлены в арголидский город Трезену. Жители Трезены решили оказать им самое радушное гостеприимство, содержать их, разрешить афинским детям рвать плоды в любом саду и даже нанять для них на свой счёт учителей. Стонами и рыданием наполнились Афины, когда стали прощаться старики-родители с сыновьями, маленькие дети с отцами, жёны с мужьями, а все они вместе с родной землёй. Придётся ли ещё увидеть своих близких и свою родину? Но вот тяжёлое прощание окончилось, и жители стали покидать город. Только немного самых упорных афинян осталось в Акрополе. Когда пришли персы, они отказались сдаться, забрасывая наступавших огромными камнями. Однако горсточка храбрецов не могла долго выдержать неравный бой. Персы овладели Акрополем и перебили его защитников. В далёкую столицу Персии, Сузы, поскакал гонец с радостным известием от Ксеркса: непокорный город наконец в его руках, он отомстил за поражение при Марафоне.

Ужас напал на эллинов, собравшихся у Саламина при этих известиях.

Нашлись малодушные, утверждавшие, что сопротивление бесполезно. Жители Пелопоннеса во главе с Еврибиадом настаивали на том, чтобы флот оставил Саламин и перешёл к Истму. Им хотелось быть ближе к своей земле, куда они могли спастись в случае поражения. Они боялись, что Саламин будет окружён персидским флотом и они окажутся запертыми на острове, а главное — незачем уже тратить силы на защиту Аттики, попавшей в руки врагов.

Об этом-то и рассказал теперь Фемистокл своему товарищу Мнесифилу, поджидавшему его возвращения с совета командиров флота. Сам он был чрезвычайно недоволен настроением союзников и Мнесифил только укрепил его точку зрения: ведь стоит только дать знак к отплытию, как союзные корабли разбредутся по своим гаваням и Ксеркс без труда захватит всю Элладу. К тому же несправедливо заставлять афинян, которым принадлежит больше половины всех судов, драться вдали от своей земли.

Обдумав все эти вопросы ещё раз, Фемистокл решил вернуться на корабль Еврибиада и заставить его снова созвать военный совет. Не слишком довольный, Еврибиад, однако, выполнил его требование. Когда начальники собрались, Фемистокл

начал говорить, не дождавшись пока Еврибиад объявит цель нового совещания. Начальник коринфского флота Айдамант, угадывая, о чём будет речь, сказал ему насмешливо: «На состязаниях, Фемистокл, бьют палками тех, которые поднимаются преждевременно». — «Да, — ответил Фемистокл, — но оставшиеся позади не получают венка». Вспыливший Еврибиад замахнулся было на Фемистокла палкой. «Бей, но выслушай», — спокойно возразил тот. Обескураженный таким хладнокровием, Еврибиад позволил ему спокойно привести все доводы.

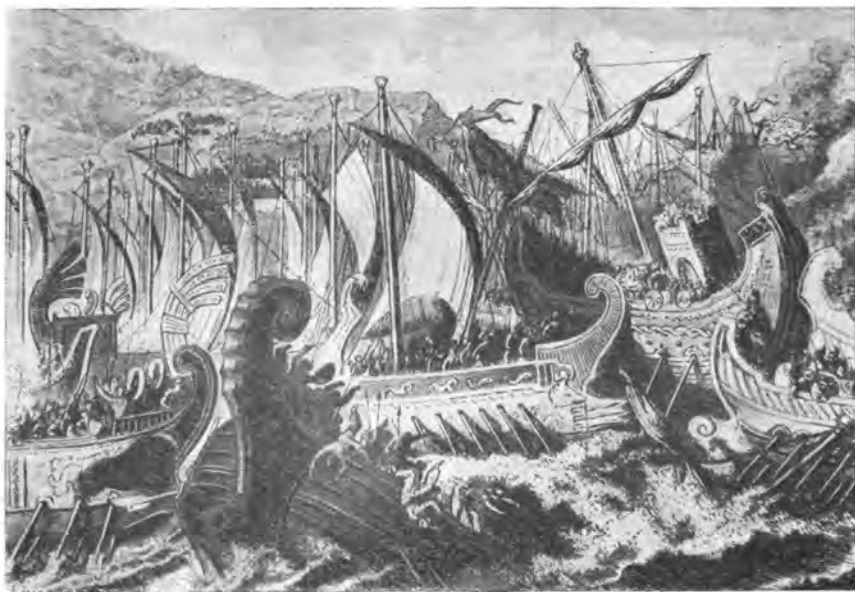
Не желая обижать союзников, Фемистокл скрыл свои предположения о том, что они могут разбежаться. Он говорил лишь об удобстве позиции для боя при Саламине и напомнил о некогда полученном предсказании, что именно здесь греков ожидает победа. Айдамант попробовал было снова уязвить Фемистокла, сказав, что не тому выступать с речами, кто не имеет теперь родного города, такому, мол, легко и другим посоветовать бросить на произвол судьбы свои земли. Тогда Фемистокл впервые вспылил: «Да, негодяй, — вскричал он, — мы бросили наши дома, потому что не пожелали стать рабами. Но у нас есть город, равного которому по силе и величине нет в целой Греции — это наши 200 триер, а если вы уйдёте, если вы измените нам, то и мы не станем защищать вас: возьмём своих домашних на корабли и найдём новую землю в Италии. Вы вспомните мои слова, когда лишитесь таких союзников». Эта угроза подействовала, и было решено остаться у Саламина.

Но когда подошёл огромный персидский флот, союзники снова заколебались. Они знали, что уже со времени гибели Леонида при Фермопилах пелопоннесцы строят стену через Истм, что многие тысячи людей днём и ночью сносят к ней песок, кирпичи и брёвна, что стена быстро вырастает, и возлагали на неё большие надежды. На новых совещаниях они требовали, чтобы Еврибиад пренебрёг безрассудными, по их мнению, советами Фемистокла и приказал уходить. Ксеркс, догадываясь о положении во флоте противника, не начинал сражения, ожидая, что греки вскоре покинут Саламин и разбредутся по своим городам, которыми он без труда овладеет с помощью войск или с помощью золота, на которое так падки были многие аристократы.

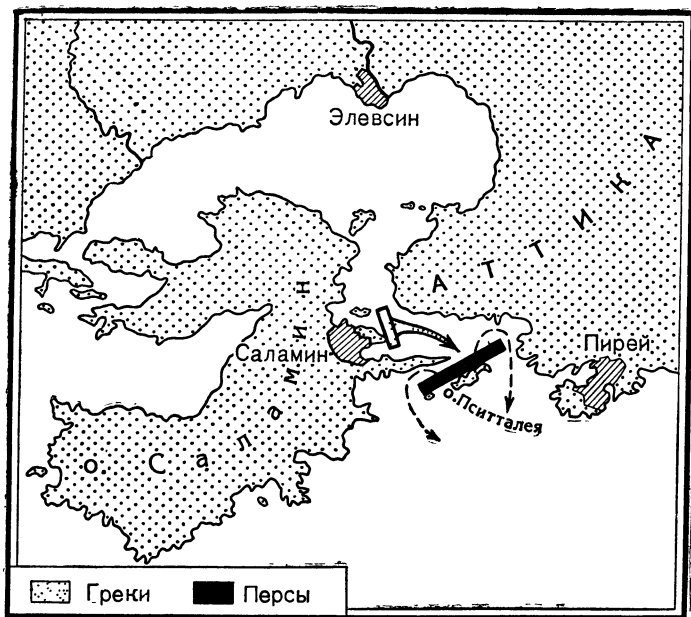
Взвесив и оценив все обстоятельства, Фемистокл решил пойти на хитрость. Позвав своего раба, преданного ему перса Сикинна, он приказал ему плыть в лодке к персидскому флоту и передать его командирам или самому царю, что Фемистокл втайне желает ему победы и советует немедленно напасть на греков. Вследствие их раздоров Ксерксу будет легко разбить их, причём вполне возможно, что часть греков тут же во время сражения перейдёт на его сторону. Хитрость удалась. Поверив известию, Ксеркс приказал своим кораблям ночью окружить греческий флот, чтобы ни один их корабль не мог спастись.

Ничего не подозревавшие начальники греческого флота в то время спорили между собой на обычную тему. Вдруг Фемистоклу доложили, что с ним спешно желает говорить какой-то человек. Выйдя из собрания, он увидел перед собой своего недруга Аристидида. Аристидид рассказал ему, что, увидев, как персидский флот окружает Саламин, он поспешил переплыть сюда из близлежащей Эгины, чтобы не дать грекам застать себя врасплох. «Теперь твой спор с спартанцами и коринфянами не имеет смысла,— сказал он,— даже если бы они хотели, они уже не могут увести отсюда свои корабли. А нам с тобой, Фемистокл,— продолжал он,— пора прекратить нашу ссору и соперничать только в служении благу Греции, потому что я признаю, что твой совет дать сражение на море был самый умный и спасительный. Теперь я готов помогать тебе во всём».

Фемистокл обрадовался и принесённому Аристидом известию, и ему самому. Он попросил Аристидида войти в собрание и сообщить там свою новость. С удивлением и даже недоверием слушали собравшиеся рассказ Аристидида о том, с каким трудом ему удалось на своей лодке проскользнуть, переправляясь из Эгины, между персидских кораблей, окружавших Саламин. Но вот прибыла триера жителей с острова Теноса, перебежавших от Ксеркса к грекам, и все сомнения рассеялись. Перебежчики подтвердили известие Аристидида. Теперь выхода не было, оставалось готовиться к сражению.

Саламинский бой.

Саламинский бой. (Схема.)

С первыми лучами солнца Ксеркс приказал поставить свой золотой трон на возвышение на берегу, с которого он мог наблюдать за битвой. Вокруг него разместились писцы; они должны были записывать все подробности сражения.

И вот начался бой. «Вперёд, сыны Эллады,— призывали афиняне,— за могилы прадедов, за алтари родных богов!» Сильный ветер, гнавший волны в пролив, не вредил небольшим, глубоко сидевшим в воде греческим кораблям, но высокопалубные персидские суда сильно накренились. Греческие суда, воспользовавшись этим, таранили их. Персы не могли маневрировать в узком проливе, не могли ввести в бой все свои суда, которые беспорядочно толпились, не соблюдая единого плана. Между тем греки ни на шаг не отступали и топили один корабль за другим. Смятение в стане персов повлияло на ионийцев: многие из них вняли призывам Фемистокла, написанным на Артемисии, и сражались только для вида. А персидские корабли всё гибли и гибли под ударами греческих. Большинство персов, не умевших плавать, тонуло в море. Успевших доплыть до берега добивал Аристид, стоявший там с отрядом пехоты. Наконец, персы обратились в бегство. По пути их ждали в засаде жители Эгины, топившие проплывавшие мимо корабли. Потери персов были ужасны, лучшие воины и командиры пали в бою; флот был разгромлен. По словам прославлявшего в стихах греческих героев

поэта Симонида, эллины одержали самую блистательную из всех побед, когда-либо бывших до того в мире.

Героем саламинской битвы был, бесспорно, Фемистокл. Когда через некоторое время было решено увенчать главного героя Эллады, то большинством голосов было названо его имя, а когда он затем посетил Спарту, его при отъезде провожал до границ почётный конвой из 300 спартиатов — честь, которую в Спарте ещё никогда и никому не оказывали.

Однако, как ни великолепно была саламинская победа, с персами далеко ещё не было покончено.

Ксеркс вернулся в Персию, но в Греции остался родственник царя Мардоний с отобранной им многотысячной армией. Приходилось вновь готовиться к войне на суше.

Начальником афинской пехоты теперь был избран Аристид. Командование всей союзной армией опять досталось спартанцу Павсанию.

Греки встретились с армией Мардония возле беотийского города Платеи. Пять дней стояли при Платеях греческие и персидские войска, не вступая в бой. Каждая из сторон опасалась напасть первой.

Грекам особенно выгодно было медлить: к ним всё время прибывали новые подкрепления, а у Мардония, наоборот, начали истощаться запасы продовольствия. Наконец Мардоний решил наступать.

Поздней ночью подскакал какой-то человек к греческому лагерю и вызвал Аристида. «Я царь Македонии,— сказал он ему,— и хоть связан с персами, но в душе я эллин и мне невыносима мысль о порабощении Эллады. Знай, что назавтра Мардоний назначил бой, пусть же он не застанет вас неподготовленными». Сказав это, македонский царь ускакал обратно в персидский лагерь.

Битву начала персидская конница, обстрелявшая греков тучей стрел.

Мардоний смотрел, как наступает его конница, и был преисполнен самодовольства. «Не говорил ли я,— обращался он к окружающим,— что на суше греки не устоят против нас, лучших бойцов в мире». Но радость его была преждевременна.

Преодолев первое замешательство, греки сомкнулись щитом к щиту, твёрдо решив не сдвинуться живыми с места. Летели стрелы, сверкали мечи, падали люди, и павших бойцов сменяли новые. Сам Мардоний пал в битве. Наконец, персы побежали. Греки бросились в погоню, убивая беглецов.

Лишь немногие спаслись из полчищ, год тому назад приведённых персидским царём. Огромная добыча — золото, скот, рабы — досталась победителям. И главное, Греция была, наконец, свободна; народ, сражавшийся за свою свободу и независимость, победил захватчиков.

СУД ЧЕРЕПКОВ

В это безоблачное летнее утро Афины, и в особенности центр города — рыночная площадь, жили обычной шумной жизнью. Торговцы наперебой выкрикивали и расхваливали свой товар. Одни из них стояли прямо на открытом воздухе, держа в руках корзины или лотки, другие разбили небольшие полотняные палатки, а у некоторых товар был разложен в переносных лавочках, сплетённых из ветвей или камыша. Для каждого вида продуктов на рынке отведено особое место, например, есть рыбный ряд или мясные, винные, горшечные ряды.

От множества людей, которые толкуются между лотками и палатками торговцев, — шумно, тесно и, несмотря на ранний час, уже душно. Кое-где возникают споры и перебранка, тотчас же ссорящихся окружает плотная толпа зевак, которая своими возгласами подбодряет то одного, то другого из спорщиков. Вот спешит раб-повар, с бритой головой, в одной руке он держит молодого кролика, а в другой корзину, полную винограда. И то и другое предназначено сегодня на обед его хозяину. А вот важно выступает воин в полном вооружении, он снял с головы свой шлем и несёт в нём, как в корзине, варёные овощи. Прямо на земле, усевшись в кружок, несколько молодых людей с азартом играют в «пять камешков». Игра состоит в том, чтобы, подбросив камешки в воздух, поймать их на ладонь. Игроки настолько увлечены, что не замечают, как к ним приближается рыночный надсмотрщик, который сейчас разгонит их или даже оштрафует, потому что играть на деньги строго запрещено.

Вокруг рыночной площади расположены различные мастерские, а также лавочки торговцев благовониями и парикмахерские. Здесь же стоят столики менял, которые не только принимают в размен любую иностранную монету, но и дают деньги в долг, помогают писать различные деловые бумаги. Здесь тоже полно народу: в парикмахерских и лавочках обсуждают городские новости, иногда семейные дела, иногда подробности последнего праздника или театральной постановки, а иногда даже новости политического характера: ход военных действий, прибытие спартанского посольства, новое постановление народного собрания.

Рыночная площадь — *агора* — не только место, предназначенное для торговли. На этой площади находятся прекраснейшие здания: храмы, государственные учреждения; здесь насажены величественные аллеи платанов и тополей, виднеются статуи богов и героев. Здесь же возвышается трибуна, с которой глашатаи объявляют важнейшие распоряжения и судебные приговоры.

Агора — центр Афин, здесь проходит вся общественная жизнь города. Вот и сейчас на трибуну взойшёл глашатай и, стараясь перекрыть своим мощным голосом царящий на площади шум, сообщает какое-то важное известие. «Слушайте,

слушайте!» — раздаётся вокруг. Выкрики торговцев замолкают, постепенно шум толпы улёгся, и все внимательно слушают сообщение, которое передаёт глашатай. Сегодня — день народного собрания. Значит, торговля должна быть прекращена, городские ворота закрыты, а все афинские граждане обязаны присутствовать на собрании. Вот о чём сообщает глашатай.

На площади снова возникает шум: запираются лавки и мастерские, торговцы собирают свои товары, погонщики понукают ослов. Народ начинает расходиться, и площадь пустеет. Афинские граждане спешат на Пникс — холм, на котором обычно происходят собрания и где полукругом расположены скамьи для его участников. А по улицам ещё ходят глашатаи, созывая граждан.

Сегодняшнее собрание особенное. Совсем недавно собиралось другое народное собрание, на котором был поставлен всего лишь один вопрос: можно ли кого-нибудь из афинских граждан заподозрить в стремлении к тирании? Если у собрания есть кто-нибудь на таком подозрении, то его следует немедленно изгнать из Афинского государства.

Так как народное собрание в прошлый раз утвердительно ответило на этот вопрос, то сегодня граждане были созваны для того, чтобы решить, кого же именно следует подвергнуть изгнанию. Это делалось так. Каждому участнику собрания давали глиняный черепок. На этом черепке можно было писать любое имя. И вот каждый участник собрания писал на черепке имя того человека, которого он считал опасным для государства, стремящимся к тирании. Это было своеобразное голосование, причём оно было тайным.

Затем черепки собирали и подсчитывали. Если число всех писавших оказывалось менее шести тысяч, то голосование считалось недействительным. Если голосовало больше, то черепки раскладывались по именам, и тот, чьё имя было написано большинством, считался осуждённым и должен был отправиться в изгнание на десять лет. Так происходил в народном собрании суд при помощи черепков, который назывался *остракизмом* (от греческого слова «остракон», что значит черепок).

Остракизм был введён впервые крупным афинским государственным деятелем Клизфеном. Клизфен встал во главе афинской демократии вскоре после изгнания тирана Гиппия, сына Писистрата, и поэтому он прежде всего хотел обезопасить Афинское государство от новых попыток захватить власть.

Но Клизфен знаменит не только тем, что ввёл остракизм. Он укрепил и развил афинскую демократию. Он упорно боролся с родовой знатью, с афинскими аристократами. Взамен старых четырёх родовых фил он ввёл 10 новых фил и распределил по ним всех граждан так, что знатные были перемешаны с незнатными, богатые — с бедняками. От каждой филы выбиралось теперь по 50 человек в высший государственный орган —

совет пятисот. Был создан народный суд — гелиэя — из 6 тысяч человек. Все государственные должности стали выборными, а народное собрание собиралось чаще, чем прежде, и значение его сильно увеличилось. При Клизфене были приняты в состав афинских граждан многие метэки, то-есть переселенцы из других греческих городов и иностранцы, жившие иногда в Афинах долгие годы, но не имевшие гражданских прав...

Имя Клизфена почитается и ныне: многие из пожилых граждан, спешащих сейчас на собрание, хорошо помнят самого Клизфена, а также его борьбу с вождём аристократов Исагором, который даже обращался за помощью к спартамцам.

Площадь, на которой происходит голосование, огорожена забором с десятью воротами: каждая фила имеет свой вход. Через эти ворота проходят граждане и подают должностному лицу черепки, поворачивая книзу написанное.

После подсчёта черепков один из членов совета пятисот объявляет результаты голосования. На сей раз большинством голосов присуждён к изгнанию Аристид, сын Лисимаха.

Народ расходится с собрания, оживлённо беседуя. Изгнание Аристида вызвало много споров. Некоторые находят это решение собрания неправильным, вспоминают заслуги Аристида перед государством, его мужественное поведение во время Марафонской битвы, его прозвище «Справедливый». Какой-то аристократ и богач, сторонник Аристида, с возмущением говорит окружившим его друзьям, что всё это — дело рук личного врага Аристида, Фемистокла. Другой из этой же группы, желая поиздеваться над невежеством простого народа, рассказывает, что он стоял в толпе недалеко от самого Аристида и видел, как к тому подошёл какой-то крестьянин. Он, конечно, не знал Аристида в лицо и подошёл именно к нему случайно, чтобы только попросить написать на черепке имя, так как сам был неграмотным. «Чьё же имя написать тебе?» — сказал Аристид. «Аристида», — ответил крестьянин. Тот удивился и спросил, уж не причинил ли ему Аристид какого-нибудь зла. «Ровно никакого», — отвечал крестьянин, — я даже никогда не видал этого человека, но мне надоело слушать, что всюду его называют справедливым».

Однако большинство народа, расходящегося с собрания, — крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы — одобряют изгнание Аристида. «Недаром, — говорят они, — Аристид всегда выступал против постройки военного флота. Все знают, что его не так беспокоит защита родины, как то, что бедняки, поступив гребцами на корабли, перестанут нуждаться в куске хлеба и не будут уже подчиняться богатым и знатым. Недаром Аристид всегда так восхищается аристократической Спартой и её союзниками. Ему бы хотелось, чтобы и в Афинах народ навсегда остался в подчинении у аристократов. Вот пускай и едет к своим друзьям — вон из Афин!»

АФИНЫ ПРИ ПЕРИКЛЕ

— Напрасно полагаешь, Перикл, что, подлаживаясь к народу, ты можешь подорвать влияние Кимона! Нужно быть последним глупцом, чтобы надеяться на это!

Так кричал аристократ Кинофил, неотступно следуя за Периклом, шедшим своей обычной дорогой из совета пятисот домой.

— Стыдись, безумец! Ты человек знатного рода, твой отец разбил персов, а ты, забыв своих друзей, кривляешься на потеху подлой черни!

Перикл не отвечал. Он молчал всю дорогу, слушая визгливые крики Кинофила, а когда они дошли до дома, спокойно позвал раба и приказал ему, взяв факел, проводить грубияна домой.

Не было в те времена человека более известного, чем Перикл. Его противники говорили, что в Афинах демократия существует только по имени, на самом же деле там правит «первый из граждан» — Перикл. Многих удивляло, что он примкнул к народной партии. Происхождения он был самого аристократического; отец его Ксантипп прославился как победитель персов в морском сражении при мысе Микале, совпавшем с знаменитой победой при Платеях.

Всем было известно, что Перикл знал в Афинах только одну дорогу — ту, которая вела на площадь, к зданию, где заседал совет пятисот. Он редко ходил на пиры и на обеды, и только один раз за тридцать лет принял приглашение на свадьбу своего родственника, да и то ушёл перед тем как гости начали пить вино. Он не часто выступал перед народом, чтобы каждое его выступление было важным событием, которое надолго бы оставалось в памяти слушателей. Перикл гордился тем, что никогда не терял самообладания, не поддавался чувству гнева. Вот почему он и не ответил ни одним словом на оскорбления Кинофила.

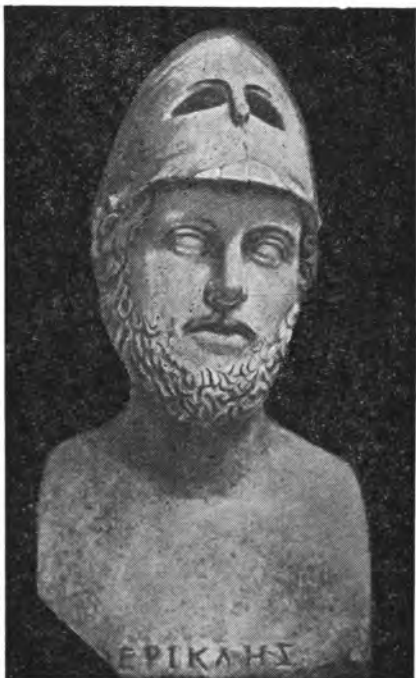
Аристократы терпеть не могли Перикла. Смеялись над его головой, похожей на луковичу; говорили, что лицом он вылитый тиран Писистрат, возмущались, что народ наделил его прозвищем «Олимпиец» за те громы и молнии, которые он умел метать в своих речах. Ненавидели они и его жену, уроженку Милета Аспасию, женщину умную и образованную, собиравшую около себя самых выдающихся учёных и философов того времени. По афинским законам, брак с гражданкой другого города не признавался законным. И сам же Перикл предложил некогда не считать полноправными гражданами детей, родившихся от такого брака. Впоследствии он сам стал жертвой этого закона, так как его сыновья от первого брака с афиняжкой умерли, а оставшийся в живых сын Аспасии не считался гражданином Афин. Только ввиду особых заслуг отца народ принял его, наконец, в число граждан.

Когда Перикл начинал свою деятельность в Афинах, во главе государства стоял аристократ Кимон, сын Мильтиада, известный полководец, одержавший много побед над персами. Но преклонение перед аристократической Спартой сделало его ненавистным народу, хотя он и тратил огромные средства на угощения бедняков, стараясь привлечь их на свою сторону.

Однажды в Спарте произошло сильное землетрясение. Город был почти полностью разрушен, многие спартанцы погибли. Воспользовавшись слабостью своих угнетателей, восстали илоты. Со всех полей сбегались они толпами, избивая уцелевших спартанцев. С трудом царь Архидам собрал войско, чтобы отразить нападение илотов. Тогда илоты также организовали своё войско и начали упорную войну. К илотам примкнули периеки — жившие вокруг Спарты ремесленники и торговцы.

Спартанцы оказались в отчаянном положении и обратились за помощью в Афины. Спартанский посланец сидел бледный, в позе молящего у алтарей афинских богов, и просил оказать Спарте военную поддержку. Бурным было народное собрание, на котором обсуждался этот вопрос. Ближайший соратник Перикла Эфиальт резко выступил против посылки войск в Спарту: «С какой стати должны Афины помогать своему извечному врагу, пусть лежит раздавленный во прахе, тем лучше для афинского народа». Но Кимон горячо поддержал просьбу спартанского посла: «Надо помочь второму крупнейшему государству Эллады, ведь если оно погибнет, Греция останется как бы одноногую, потому что единственной её опорой будут Афины».

В конце концов мнение Кимона взяло верх. Как ни гордились афиняне своей демократией, но народом они ведь считали только свободнорождённых граждан. Рабы должны были трудиться и повиноваться, и если спартанские илоты окажутся победителями в этой борьбе, то как бы афинские рабы тоже не надумали взяться за оружие. И афиняне постановили послать на помощь спартанским рабовладельцам отряд своих гоплитов. К тому времени, как отряд прибыл в Спарту, повстанцы укрепились в крепости на горе Итоме, а спартанцы были заняты

Перикл.

осадой. Сперва они радостно встретили афинян, но так как осада не имела успеха, стали вскоре относиться к ним недоверчиво. Они знали, что афиняне гораздо лучше их умеют брать укрепленные города, и теперь думали, что те просто не хотят показать всё своё умение и помочь им по-настоящему. «Да и чего ждать от этих демократов,— говорили спартанцы,— конечно, они не хотят ничего для нас сделать. Того и гляди они перейдут на сторону мятежников, ведь для них простой человек лучше знатного». Дело кончилось тем, что спартанцы предложили афинянам удалиться к себе домой.

В Афинах были страшно оскорблены таким недоверием. Это привело к окончательному разрыву между Афинами и Спартой. Кимон, сторонник Спарты, был изгнан остракизмом.

В то же время Перикл и Эфиальт делали всё возможное, чтобы окончательно сломить влияние аристократов в Афинах. Главным оплотом знати оставался ареопаг. И вот, чтобы подорвать его влияние, они начали возбуждать обвинения против членов ареопага. Они доказывали, что ареопагиты злоупотребляют своей властью и злоумышляют против народа. В конце концов они добились того, что основные права ареопага были переданы народному собранию, совету пятисот и суду присяжных. Собрание афинских граждан становится теперь верховным органом государства.

Вскоре после того как были проведены эти постановления, Эфиальта нашли убитым в его доме. Его смерть вызвала страшное возбуждение в народе. Враги Перикла пытались бросить на него тень подозрения. «Это он,— говорили они,— тщеславный, не терпящий соперников, расправился со своим другом, завидуя его популярности». Но эта злобная клевета никого не убедила. Вскоре стало известно, что Эфиальт пал жертвой мстительных аристократов, и народная ненависть к ним ещё больше усилилась.

Их новый глава Фукидид, которым они пытались заменить Кимона, также не смог добиться успеха. Он нападал на Перикла за то, что тот расходует деньги союзников на великолепные постройки. Но Перикл доказывал, что Афины достаточно сильны и богаты и могут себе позволить украшать свой город и давать работу ремесленникам. Народ поддержал Перикла, и Фукидид был также подвергнут остракизму.

С тех пор Перикл стал самым влиятельным политическим деятелем в Афинах. Ежегодно он избирался в стратеги и руководил важнейшими делами государства. Деятельность Перикла отражала интересы большинства афинских граждан. Этим и объясняется доверие к нему граждан и успехи его политики.

При Перикле Афины достигли наибольшей мощи и расцвета. Лучшие скульпторы и художники украшали их, самые знаменитые учёные и философы вели здесь свои беседы и открывали свои школы. Афинский театр стал лучшим в Элладе, и на теат-

Афина Паллада. (Скульптура Фидия. V век до н. э.)

ральные представления стекались зрители из самых отдалённых городов. Народ, чувствуя свою силу и гордясь своей родиной, создавал произведения, прославившие Афины в веках.

Центр Афин — Акрополь — превратился в своего рода замечательный музей, в котором были собраны лучшие произведения греческого искусства. Вход в Акрополь шёл через Пропилеи. Это была мраморная колоннада, по обеим её сторонам находились крытые галереи, стены которых были украшены произведениями знаменитых художников. К Пропилеям вела широкая мраморная лестница.

Гордостью афинян был знаменитый храм на Акрополе — Парфенон. Он был посвящён богине Афине, защитнице и покровительнице города. Здание Парфенона, стоявшего на самом высоком месте холма, было построено лучшими архитекторами — Иктином и Калликратом. Внутри храма стояла огромная статуя богини Афины, изваянная величайшим скульптором древности Фидием, вся из слоновой кости и золота, в золотом шлеме.

Снаружи храм был украшен скульптурными группами и барельефами, исполненными тем же Фидием и его учениками.

Другим замечательным сооружением, воздвигнутым в Афинах при Перикле, был Одеон — здание, предназначенное для поэтических и музыкальных состязаний. В отличие от других зданий, зал Одеона для лучшего резонанса был крытым. Его покатая крыша подпиралась колоннами.

Древнегреческая архитектура к этому времени уже выработала основные стили, которыми архитекторы пользуются до сих пор. Наиболее простым и древним был *дорический* стиль. В этом стиле, например, построены Пропилеи. Дорические колонны Пропилей очень просты, не имеют никаких украшений. Парфенон уже представлял собой образец сочетания дорического стиля с *ионийским*. Ионийская колонна выглядит стройнее и наряднее, её верхняя часть (*капитель*) украшена изящным завитком. Самым пышным и нарядным был *коринфский* стиль, возникший позднее, в IV веке. Колонны коринфского стиля заканчиваются капителью, похожей на распустившийся цветок.

Развитие архитектуры и искусства, литературы и философии говорит о том, что Афины во времена Перикла переживали свой расцвет. И это было действительно так, но процветание Афин не могло быть длительным и прочным. Ведь всё их могущество, вся жизнь афинского общества, а значит и вся его культура и искусство покоились на использовании труда бесправных рабов.

Число полноправных афинских граждан, как уже говорилось, было сравнительно невелико, так что на каждого гражданина приходилось три-четыре раба, жизнь которых была невыносимо тяжёлой. Раб считался как бы домашним скотом и, по тогдашним представлениям, не мог не иметь хозяина, так же, как лошадь или корова. Его сейчас же захватил бы какой-нибудь новый хозяин. Поэтому даже если за какие-либо заслуги афинянин хотел освободить раба, он обычно должен был заявить, что «дарит его богу», о чём составлялся специальный документ. Только в таком исключительном случае бывший раб отпускался и становился так называемым *вольноотпущенником*.

Но не только рабов угнетали Афины. Откуда брались деньги на жалование многочисленным судьям, плату за посещение народного собрания и даже на бесплатную раздачу театральных билетов? Деньги эти доставляли афинянам их так называемые «союзники».

После блестящих побед над персами Афины стали во главе обширного морского союза, провозгласив себя защитниками свободных эллинов от персидских варваров. Но прошло немного лет, и члены союза почувствовали, что эта защита обходится им недёшево. За свою помощь афиняне требовали денег, и немалых. Казна союзников, прежде хранившаяся на острове Делосе, была переведена в Афины, которые распоряжались ею, не желая признавать никакого контроля. Но дело не ограничилось деньгами. Афиняне поставили союзные города под постоянное на-

блюдение, требовали, чтобы граждане этих городов приезжали судиться в афинский суд, чтобы они уступали им богатые рудники и прииски.

Попытки отдельных городов избавиться от афинской опеки и выйти из состава союза немедленно же Афинами пресекались. В таких случаях афиняне действовали, не останавливаясь перед самыми решительными мерами. Их флот направлялся к берегам непокорного союзника, афиняне высаживались, ставили в союзные города свои гарнизоны, часто отбирали у союзников их земли и селили на них своих вооружённых колонистов. Нередко дело доходило до военных столкновений. Так, например, когда из состава союза попытался выйти остров Наксос, афиняне открыли против него военные действия, вынудили наксосцев сдаться, заставили их выдать свой флот и уплатить им большую сумму денег. То же произошло и с островом Фасосом, у которого афиняне отобрали золотые прииски и ряд торговых пунктов на фракийском побережье. Когда фасосцы восстали, афиняне направили против них крупные военные силы и заставили их сложить оружие. После этого в главном городе фасосцев были скрыты стены и башни и афиняне заставили Фасос выдать им все оставшиеся военные корабли.

Также сурово расправились афиняне и с некоторыми другими городами, пытавшимися от них отложиться. Свои собственные военные силы в союзе в дальнейшем продолжали сохранять только острова Лесбос, Хиос и Самос, все остальные союзные города лишились их. Из союзников они фактически превратились в афинских подданных.

С отдельными городами решено было заключить особые договоры. Что это были за «договоры», лучше всего видно из дошедшего до нас соглашения Афин с эвбейским городом Халкидой. Халкидяне поклялись не изменять афинянам ни словом, ни делом, доносить на тех, кто задумает изменить, быть верными союзниками, во всём повиноваться и вносить установленную подать. Такую клятву должны были дать все совершеннолетние халкидяне специально посланному из Афин посольству. Отказавшиеся присягать лишались гражданского звания и имущества. По всем важнейшим делам халкидяне должны были судиться в афинском суде. Чтобы Халкида не вздумала нарушить договор, заложники халкидян должны были остаться в Афинах.

Что же обещали афиняне в свою очередь? Они «обязались» не изгонять, не разорять, не арестовывать и не казнить халкидян... без разрешения своего же афинского народного собрания. Союзники горько шутили, что это получается вроде договора хозяина с лошадью: «Сперва ты меня повози, а потом я на тебе поезжу».

Поэтому, когда наступило время тяжёлого испытания — война со Спартой, афинский морской союз в ходе этой войны распался.

АНТИФОНТ — ВРАГ РАБСТВА

В доме Андокида ежегодно в день его спасения от смерти в одной из битв устраивался пышный пир. Его старший сын Леагор, лучший в Афинах знаток вин и кушаний, не пожалел денег для того, чтобы пир удался на славу. Были приглашены актёры и танцовщицы. Ручные павлины важно расхаживали между гостей. В числе этих гостей был сам Перикл, в то время — первый человек в Афинах. Старик-хозяин жаловался Периклу на своего младшего сына Антифонта: мальчик очень способный, но не хочет учиться. Старик решил учить мальчика судебному делу, пригласил лучшего в Афинах учителя, но Антифонт не хочет заниматься, постоянно огорчает учителя и задаёт ему нелепые вопросы. А мальчик талантлив и пишет стихи немногим хуже самого Эврипида.

Перикл заинтересовался и пожелал услышать стихи, сочинённые мальчиком. Юный Антифонт вышел на середину комнаты и стал декламировать стихи собственного сочинения. В них говорилось о том, что вместо изучения судебного дела для Антифонта было бы гораздо полезнее научиться переносить голод и жажду, зной и холод и таким образом закалить свой дух и тело.

— Стихи звучны, — сказал Перикл. — Но откуда у тебя такие мысли? Твои родители настолько богаты, что тебе никогда не придётся переносить того, о чём ты говорил. И почему ты не хочешь изучать законы нашей страны?

— Если отцовское богатство сохранится и я получу свою долю, то я буду богат и без изучения законов. Но если случится беда и я стану бедным, то знание законов мне не поможет.

— Каждый порядочный гражданин, как бы он ни был беден, должен знать законы своей страны.

— Но я не понимаю, что такое закон. Не можешь ли ты объяснить мне, что это значит?

— Конечно, могу, — ответил Перикл. — Это совсем просто. Закон — это всё то, что народ, собравшись вместе, постановляет и записывает относительно того, что следует и чего не следует делать.

— Но не потому ли хорош закон, — спросил Антифонт, — и не потому ли мы подчиняемся ему, что он учит нас делать хорошее, а не плохое?

— Клянусь Зевсом, юноша, только поэтому!

— Ну, а если сходятся на собрание для вынесения письменных постановлений не народ, а немногие богатые люди, как это бывает в тех местах, где у власти не демократия, а власть немногих — олигархия?

— Всё то, — ответил Перикл, — что постановит и письменно изложит высшая власть в государстве, называется законом.

— Значит, и в том случае, если тиран захватит власть в государстве и станет предписывать гражданам, что им делать, это тоже есть закон?

— Да, если это предпишет тиран, пока он у власти, это тоже закон,— отвечал Перикл.

— Ну, а что же такое насилие и беззаконие, Перикл? Не будет ли беззаконием такое положение, когда сильнейший притесняет слабейших, заставляя их не путём убеждения, а путём насилия делать, что ему угодно?

— Именно так,— сказал Перикл.— Я беру обратно свои слова относительно тирана. Издаваемые тираном приказы не законы, а беззаконие.

— Но почему же? — сказал Антифонт.— Ведь те люди, которые имеют власть при тиране, одобряют его приказы, а до остальных ему нет дела.

— Как это нет дела? — вспыхнул Перикл.— Всё то, к чему небольшая кучка людей вынуждает народ против его воли,— насилие, а не закон!

— Но ведь у нас в Афинах,— возразил Антифонт,— большая часть населения — это рабы и метэки. А разве их приглашают на народное собрание, разве, когда народное собрание издаёт законы, оно спрашивает у рабов и метэков, одобряют ли они эти законы? Значит, ваши постановления, согласно твоим же словам, не законы, а беззаконие и насилие!

— Ловко сказано,— недовольно сказал Перикл.— Ты искусный спорщик, но какие же уважающие себя граждане станут спрашивать мнения рабов? Когда я был молод, я тоже был силен в подобных спорах; я также умствовал, как ты это делаешь теперь.

— Как жаль, что я беседую с тобой теперь, а не тогда, когда ты был молод! — скромно сказал мальчик.

Старик Андокид, желая перевести неприятный для Перикла разговор на другую тему, сказал Антифонту:

— Обычно на пирах мальчики не философствуют, а, взяв в руки ветку лавра, поют что-нибудь поучительное из трагедии. Спой хотя бы из трагедии любимого тобой поэта Эврипида песнь о том, что надо «читать богов бессмертных, родителям почтенье воздавать», — ну, дальше ты сам знаешь.

— Хорошо, я спою из Эврипида, но не эту, а другую песню.

И, взяв лавровую ветвь в правую руку, мальчик стал петь:

На небе боги есть... Так говорят!
Нет, нет! Их нет! И у кого крупица
Хотя бы есть ума, не станет верить...
Тиран людей без счёта убивает
И грабит их пожизненно; ростовщик
Нередко разоряет целый город
Процентами и всё ж живёт спокойней,
Чем честные, и счастлив весь свой век.
Известных справедливостью, хоть слабых,
Немало существует городов:
Они дрожат, подавленные силой
Других держав — могучих, но бесчестных!

Еврипид, сочинивший эту песню, имел здесь в виду афинян и их вождя Перикла, притесняющих города-колонии. Возмущённый Перикл поднялся и, распрощавшись, ушёл.

После этого случая Андокид понял, что из занятий мальчика ничего не выйдет, и с болью в сердце отпустил учителя. Но мальчик не бездельничал и не сидел сложа руки; он либо куда-то уходил, либо сидел дома над книгами, которые он доставал неизвестно откуда. Андокиду сообщали, что его младшего сына нередко встречали в обществе рабов. Он беседовал не только с рабами Андокида, но часто проводил время с Кефисофонтom, рабом поэта Еврипида. Андокид был всем этим очень огорчён, но это было правдой. Кефисофонт был очень образованным человеком. Говорили, что он даже помогает Еврипиду писать его пьесы. Он следил за образованием Антифонта, и именно от него мальчик усвоил мысли о несправедливости рабства. Кефисофонт рассказал ему, что всё то, что в трагедиях Еврипида говорится о несправедливости рабства, вставлено в эти трагедии им, Кефисофонтom, но Еврипид переделывает всё по-своему: у него всегда оказывается, что умные и благородные рабы — это бывшие царские дети, попавшие случайно в рабство, а люди, родившиеся от рабов, всегда оказываются плохими.

Другое сообщение об Антифонте огорчило старика до слёз и вывело его совсем из себя. Мальчика видели в мастерской резных камней, принадлежащей метэку Хараксу. Он часами сидел среди рабов и терпеливо вырезал *гемму* — камень с резным изображением совы. Отец позвал мальчика и возмущённо сказал ему:

— Как тебе не стыдно позорить мою старость? Где это ты слышал, чтобы знатные люди сидели среди грязных рабов и занимались низкими ремёслами, недостойными свободного человека? Разве у тебя нехватит денег на жизнь?

— Отец,— ответил мальчик,— сейчас я ни в чём не нуждаюсь, но мало ли что может случиться! Я должен быть уверен, что всегда смогу сам заработать себе на жизнь.

— Но где ты это слышал, чтобы порядочные люди занимались трудом, позорящим человека?

— Как где слышал? А вот каков самый знаменитый из мудрецов нашего времени, Гиппий из Элиды. Придя на Олимпийские состязания, он гордился тем, что всё то, что на нём, сделано его собственными руками: он сам себе вырезал камень на перстне, так как он искусный резчик; сам стачал сандалии, так как он искусный сапожник; сам спрял и соткал материю на плащ, так как он искусный ткач. Я хочу быть таким, как Гиппий, и научиться всё делать сам.

Старик действительно слышал, что Гиппия очень уважают не только в Афинах, но даже и в Спарте, и, не зная, что возразить мальчику, сказал только:

— Не быть тому, чтобы сын Андокида занимался рабским

делом! Если так будет продолжаться, я объявлю, что ты мне больше не сын, и лишу тебя наследства!

По достижении восемнадцати лет Антифонт поступил в *эфебы* для подготовки к будущей военной службе в походах за пределами государства. Мальчик сразу же обратил на себя внимание командиров своей исключительной выносливостью, силой, ловкостью, точностью прицела при стрельбе из лука. Услышав об этом, Андокид — человек старого закала, считавший, что самая высокая доблесть аристократа — военное искусство, чрезвычайно обрадовался и решил простить мальчику его прежние грехи. Окончание эфебии он решил по обычаю отпраздновать пышным пиром и ценным подарком по собственному выбору юноши.

Вернувшись домой из гарнизонного укрепления, где он отбывал эфебию, Антифонт узнал, что его брат Леагор собирается продать своему товарищу недавно купленную Андокидом рабыню Тиру, которая Антифонту очень нравилась своим благородным и кротким нравом и которая сама очень любила Антифонта. Антифонт пожалел Тиру и, когда отец по обычаю спросил его во время пира, какой подарок был бы ему всего приятнее, сын, совершенно неожиданно для отца, попросил подарить ему Тиру. Отца очень огорчила эта просьба, — он думал, что его храбрый сын попросит, как это было принято, какое-нибудь ценное оружие; но, следуя обычаю, Андокид исполнил просьбу сына.

Через некоторое время старику Андокиду сообщили о новом поступке Антифонта: подаренную ему рабыню он отпустил на волю, а затем женился на ней, категорически отказавшись от той невесты, которую сватал за него отец. Андокид пришёл в совершенную ярость, зато Леагор, старший брат Антифонта, обрадовался. Леагор хотел получить один после смерти отца всё родовое имущество, чтобы вести ещё более роскошную и расточительную жизнь. Он подговаривал отца всенародно отречься от Антифонта. Старик, находившийся под влиянием старшего сына, пошёл на это.

У Антифонта был только один путь отстоять свои права — доказать судьям, что отец выжил из ума и что, отрекаясь от младшего сына, он разоряет родовое имущество. Доказать это было нетрудно: о слабоумии старика знал весь город, на суде выступили и врач, лечивший старика, и его управляющий, и приказчики, и члены рода; эти же сородичи показали, что Леагор — злостный расточитель и что он погубит родовое имущество. Но Леагор нанял за огромные деньги известного болтуна Кефисодема, постоянно торчавшего в суде. Тот заранее написал речь для старика. Вместо того чтобы опровергать то, что говорил Антифонт, Андокид прочитал эту речь, в которой он в ярких красках рассказал судьям о поведении сына: юноша проводит время в компании грязных рабов, занимается рабскими ремёслами, женат на бывшей рабыне, не верит в богов, считает, что между свобод-

ными и рабами нет разницы, и подговаривает рабов к бунту против хозяев. Всё это так возмутило судей-рабовладельцев, что суд отказал Антифону в его деле и признал отца вполне здоровым и нормальным человеком.

Это дало право Андокиду выступить в народном собрании с торжественным заявлением перед всеми гражданами, что он отрекается от сына и лишает его наследства. Общественный глашатай громко повторил его слова. По афинским законам, сын, проклятый отцом, лишался также права посещать народное собрание и права служить в войске.

Антифонт остался вдвоём с женой без всяких средств к существованию. В это время началась война со Спартой, но на войну его тоже не взяли, как «отречённого». Первое время Антифонт очень бедствовал, но ремесло, которое он изучил в совершенстве, спасло его от голодной смерти. С другой стороны, его судебное дело сделало его известным среди всех афинян; сначала метэки и отпущенные на волю рабы, а затем и свободные граждане стали обращаться к нему за помощью и советами. Вскоре он стал известным *софистом* и стал давать «уроки мудрости». Люди старых взглядов, презиравшие рабов и считавшие всякую работу за плату унижительной для свободного человека, ненавидели его, как разрушителя общества. Но Антифонт понимал, что правда на его стороне. Он решил написать книгу и изложить в ней всё то, что он пережил и передумал. Книгу эту он назвал «Правдой». В этой книге он объяснял, как он понимает справедливость: не обижать других, но и не допускать, чтобы другие тебя обижали. Он убедился, что суд того времени решал дела в пользу богатых и сильных и что слабые и бедные всегда на суде проигрывают. Поэтому участвовать в таком суде несправедливо: честный человек не должен быть в таком суде ни судьёй, ни обвинителем, ни даже свидетелем.

Но особенно резко выступал Антифонт против рабства. В своей «Правде» он писал:

«Мы делим людей на варваров и греков, на знатных и простых; знатных мы уважаем, простой народ презираем. Но при этом мы сами поступаем как варвары, так как нигде не презирают так простой народ, как у варваров: вот, например, египтяне считают только египтян людьми, а всех прочих людей — варварами, в том числе и греков. А в действительности между людьми нет никакой разницы: все рождаются голыми, все дышат воздухом, едят руками».

У греков отец имел полную власть в семье. Дети должны были исполнять любой приказ отца, даже если он был несправедлив. Отец, например, мог женить сына или выдать замуж дочь, не считаясь с тем, хотят они этого или нет, а за непослушание объявить о своём отказе от сына, и тогда сын лишался наследства и важнейших гражданских прав. Антифонт испытал это на себе. В своей книге он заявляет, что сын не должен слушать отца и

помогать ему в старости, если отец был несправедлив к сыну и причинял ему горе.

В этой же книге Антифонт написал о природе, впервые познакомив афинян с учением знаменитого философа Демокрита из Абдер. Он учил, что никаких богов нет, а всё происходит по законам природы.

Книга Антифонта вызывала ярость и возмущение богатых рабовладельцев. Его ругали философы в своих трудах, авторы комедий выводили его в карикатурном виде в своих пьесах. Но это не остановило Антифонта, и он бесстрашно продолжал свою деятельность.

Но после смерти Антифонта враги его постарались уничтожить самую память о нём. Сочинение Антифонта было забыто, мало кто читал его или переписывал.

Прошло две с половиной тысячи лет. Никто не знал и не мог подумать, что в Греции, все хозяйство которой было построено на тяжёлом труде рабов, могли быть люди, открыто выступавшие против рабства и считавшие рабов такими же людьми, как и свободных. Но вот в начале XX века, при раскопках в египетском городе Оксирихе, в верхнем течении Нила, был найден в бывшей мусорной яме обрывок сочинения Антифонта «Правда», откуда нам стало известно, что думал и за что боролся замечательный мыслитель древности Антифонт. Но, конечно, таких людей в то время было очень мало, а если они и были, то их преследовали и травили, как Антифонта.

НА ПНИКСЕ

По улицам Афин ходили глашатаи, созывая граждан на народное собрание. Далеко разносились их громкие призывы. Недаром желавших поступить на должность глашатая подвергали особому испытанию — заставляли показать, достаточно ли силен и благозвучен их голос. Только выдержавшим это испытание вручали знак их достоинства — лавровый жезл с изображением двух обвивавших его змей. Теперь глашатая не смели обидеть ни сограждане, ни иноземцы, к которым его могли послать с поручением от государства. Насилие над таким посланцем считалось страшным преступлением, и виновные должны были искупить его жертвами богам и штрафами.

Заслышав голос глашатая, граждане выходили из своих жилищ, мастерских и лавок, чтобы узнать, о чём будут говорить на собрании.

Но на этот раз на собрании должны были происходить выборы должностных лиц на следующий год. Из всех собраний это было самое важное, и граждане устремились на Пникс, где собирался народ. Правда, не все шли туда охотно, и нередко

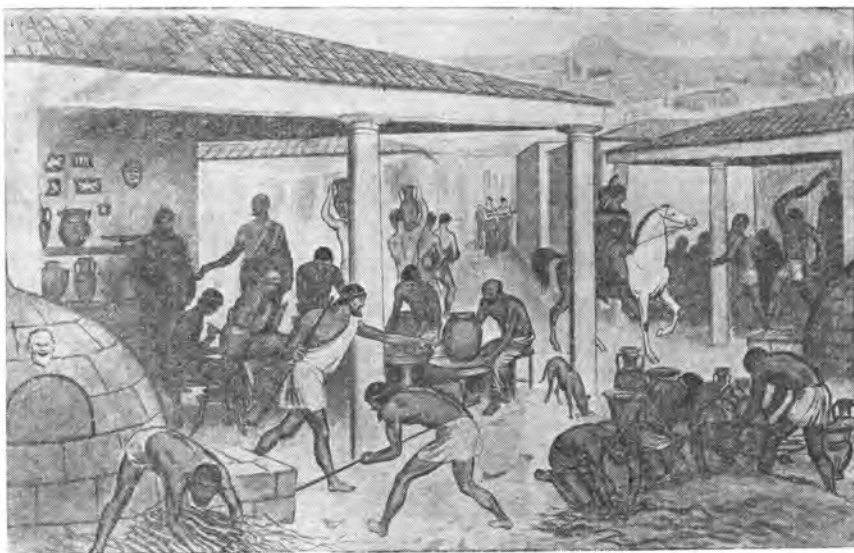

Народное собрание в Афинах.

скифам-стрелкам, составлявшим городскую стражу, приходилось подгонять опаздывающих, закрывать лавки и мастерские или оцеплять улицы, чтобы никто не повернул назад. Хотя за присутствие на собрании платили каждому по три обола, но всё-таки пропадал целый рабочий день, и хозяева мастерских и лавок терпели убыток, когда их работники убегали на Пникс. Поэтому не всегда легко было собрать те шесть тысяч граждан, без которых нельзя было от имени народа принимать важные решения. Если в собрании не набиралось этого числа, оно считалось неполным и его постановления можно было оспаривать.

А ведь именно ремесленники и составляли большинство в народном собрании. «Чего можно ждать, когда власть принадлежит кузнецам, мясникам, сапожникам и горшечникам», — с презрением говорили аристократы. Они с восторгом смотрели на Спарту, где свободный гражданин считал для себя унижительным заниматься ремеслом, а проводил время в военных упражнениях, пока илоты возделывали землю, или на аристократические Фивы, где ремесленник или лавочник допускался к общественным должностям только через десять лет после ухода от дел.

В демократических Афинах, напротив, существовал закон, каравший всякого, кто осмелится попрекнуть гражданина его ремеслом или профессией. Другой закон повелевал каждому бедному человеку научить сына ремеслу, если он желает, чтобы сын заботился о нём на старости лет. «У нас в Афинах,—

В гончарной мастерской в Афинах.

говорили с гордостью демократы,— позорна не бедность, а нежелание работать, чтобы из неё выбиться».

Правда, это легче было провозгласить, чем действительно выбиться из бедности. Чтобы завести свою мастерскую, надо было иметь деньги, чтобы купить помещение, материал и несколько рабов. Конечно, можно было нанять чужих рабов или свободных работников. Всегда находилось много хозяев, которые не могли использовать всех своих рабов у себя и охотно отдавали их в наём, чтобы не держать понапрасну лишние рты.

Много было и свободных, которых бедность вынуждала наниматься на работу. Но за чужого раба надо было платить его владельцу 100—120 драхм в год, а свободному — по одной драхме в день. Конечно, денег можно было занять у ростовщика, но он требовал 12, 18, а то и 36% и не давал своему должнику покоя, постоянно грозя подать на него в суд и продать за долги его мастерскую. Только немногим удавалось разбогатеть так, как, например, известному оратору Лисию, у которого в оружейной мастерской работало 120 рабов, или как отцу другого знаменитого оратора, Демосфена, который владел оружейной мастерской с тридцатью двумя рабами и мебельной — с двадцатью. И хотя в демократических Афинах все были «равны» и могли занимать любые должности, но, по правде говоря, только такие богачи и могли тягаться со знатью и играть видную роль в государственной жизни.

А большинство, если им и удавалось купить или нанять одного-двух рабов, целый день, от первого крика петухов до заката солнца, трудились вместе с ними в своих мастерских. Выучиться мастерству было не так легко. Много лет присматривался сын или ученик к работе отца или учителя, пока его самого допускали к гончарному кругу или кузнечному молоту. Да и не все свои секреты открывал молодёжи старый мастер, желая остаться единственным и непревзойдённым в своём искусстве. И действительно, многие афинские мастера были замечательными художниками в своём деле. Особенно славилась афинская глиняная посуда — чаши, блюда, кувшины, амфоры для хранения вина и масла. Изящно сделанные и хорошо обожжённые, они разрисовывались чёрной, красной, белой краской, а промежутки между рисунками покрывались красным или чёрным лаком. Целые сцены изображались на этих сосудах. Вот афинский герой Тесей сражается с амазонками, вот Одиссей убивает спящего одноглазого великана Полифема, а вот обратившийся в быка Зевс похищает красавицу Европу. Все герои, все боги, все мифы Греции изображались на этих сосудах.

Но не только из мифологии черпали художники темы для своих картин. Многие сцены были взяты из действительной жизни: дети, сидящие на уроке в школе; юноши, занятые гимнастическими упражнениями; купцы, грузящие товаром свои корабли; гончары, делающие посуду; мать, играющая с ребёнком; молодой воин, прощающийся с женой перед походом, и многое, многое другое. По всему миру расходились эти прославленные изделия, и до сих пор находят их археологи во множестве и в Италии, и в нашем Причерноморье, и в разных других местах.

Мастерам-гончарам было у кого учиться и за кем следовать в своём искусстве. Отовсюду стекались в Афины лучшие скульпторы и художники, украшавшие храмы и портики произведениями искусства. Недаром Афины назывались «школой Эллады». В Греции ходила пословица: «Если ты не видел Афины, то ты мул, а если видел и не был восхищён, то ты пень». Стоило только живописцу пойти в «пёстрый портик», чтобы набрать материала на целую массу рисунков на сосудах. Этот портик расписывал один из величайших греческих художников, уроженец острова Фасоса, Полигнот. За его талант афиняне почтили его дарованием афинского гражданства. Особенно поражали его картины, изображавшие разрушение Трои, путешествие Одиссея в подземное царство и марафонскую битву. До ста отдельных фигур было нарисовано на каждой из этих огромных картин. И хотя Полигнот, как и другие современные ему художники, употреблял только чёрную, белую, жёлтую и красную краски да иногда немного позолоты, никому не казалось, что картины его бедны и нежизненны — так

Типы греческой глиняной посуды.

выразительны были лица нарисованных на них людей, так стройны и полны движения их тела. Мастера, разрисовывающие вазы, вдохновлялись его живописью и старались следовать его примеру.

Условия работы в мастерских были очень тяжёлые. Ведь машин тогда никаких не было, и работники должны были всё делать своими руками. Полуголые, обливаясь потом, трудились они в душной и жаркой мастерской. А хозяин или надсмотрщик ходил между ними, подгоняя палкой замешкавшихся. Бить разрешалось даже свободных граждан, а уж рабов можно было наказывать, как угодно. В мастерских к потолку приделывались специальные верёвки с кольцами. В эти кольца продевали руки и ноги раба, а затем его стегали кнутом.

Да и вообще жизнь ремесленника, вынужденного наниматься на работу, была нелёгкой. В год он мог заработать 300—400 драхм. Из них 180 тратилось на скудную пищу, — овсяный хлеб, овощи, солёную или свежую рыбу, кислое, разбавленное водой вино; 30 драхм надо было платить за одежду — короткую, до колен, шерстяную тунику с поясом, козью шкуру, надевавшуюся в холодные дни, шапку из собачьей шкуры и грубые сандалии. Приходилось платить и за жалкую комнату, обычно сдававшуюся внаймы над какой-нибудь лавочкой. В та-

ких домишках из дерева и кирпича было обычно по 2—3 крохотных комнатки в 4—5 квадратных метров, выходивших прямо на улицу; в комнаты под крышей вела пристроенная снаружи грубая лестница... Так расходился почти весь заработок, а ведь у нанявшегося на работу была ещё семья.

Чтобы увеличить доход, жёны бедняков торговали на рынке лентами, нитками, зеленью и булками, плели венки, которые греки надевали за столом и на праздниках, нанимались на работу позолотчицами, красильщицами или ткачихами. Некоторые женщины помогали своим мужьям работать в мастерской. Детей тоже рано пристраивали на работу. И всё-таки трудно было сводить концы с концами. А иногда случалось и так, что хозяева отказывались выплатить то, что причиталось работникам по договору, и приходилось подавать на них в суд и тратиться на тяжбу.

Глубокая пропасть разделяла афинских бедняков и богатей. Но в народном собрании, в совете, в суде каждый гражданин считал себя равным любому другому. Он гордился тем, что вместе со своими товарищами может осудить или оправдать, наградить или покарать самого знатного человека, самого видного государственного деятеля. И вот, оставив свою работу, ремесленники, лавочники, матросы, грузчики идут на Пникс выбирать должностных лиц на следующий год.

Шесть специальных надзирателей с тридцатью помощниками проверяют по спискам явившихся. Ни один иноземец, метэк, тем более раб, не должен проникнуть на собрание. Хотя они и составляют большинство афинского населения и создают многие из тех прекрасных вещей, которыми славятся Афины, принимать участия в решении государственных дел они не имеют права.

Пропущенные на собрание толпятся и толкаются, стараясь пробиться в передний ряд. Иногда скифским стрелкам приходится удалять слишком буйных нарушителей тишины и порядка. Наконец все рассаживаются. Жрец приносит в жертву богам животных, глашатай читает молитву и призывает проклятие на тех, кто скажет что-либо во вред народу. После молитвы председатель собрания поднимается со своего места, читает списки желающих быть избранными на какую-нибудь должность и о каждом из них спрашивает мнение присутствующих. Всякий желающий может выступить и говорить, что ему угодно. Перед тем как начать речь, гражданин надевает на голову венок: венки носили и все должностные лица при выполнении своих обязанностей, и оратор в венке был так же неприкосновенен, как и должностные лица. Если во время его речи кто-нибудь осмеливался оскорбить его, председатель удалял с собрания обидчика или даже брал с него штраф в 50 драхм. Но и оратор должен был вести себя прилично, не оскорблять собравшихся, не браниться, а главное, не предлагать ничего противозаконного,

что могло принести вред народу. Если он будет уличён в таком проступке, ему больше не придётся выступать на собраниях, он будет объявлен лишённым чести и потеряет все права гражданина до тех пор, пока народ не простит его.

Итак, списки прочитаны. Кто хочет сказать что-нибудь о кандидатах? Может быть, среди них есть такие, которые ещё не достигли тридцати лет? Или такие, которые уже занимали эти должности? Таких выбирать не полагается. Только стратегов можно выбирать несколько раз подряд, а другие должны уступить своё место новым кандидатам, чтобы всякий гражданин успел побывать на разных должностях. Ведь того, кто не принимал никогда участия в управлении государством, считают плохим гражданином, ленивым, не радеющим о пользе народа. Да большинство афинян и не отказывались от общественных обязанностей. Ведь все должностные лица пользуются почётом и получают жалованье — судьи по 3 обола в день, а члены совета даже по целой драхме, и, кроме того, обедают на государственный счёт... А не пробрался ли обманом в число кандидатов какой-нибудь государственный должник, не выполнивший возложенных на него повинностей, не уплативший налогов, не сдавший работы по полученному им подряду? Если такой обнаружится в списках, его приговорят к суровому наказанию. Никто, обманув народ, не смеет занимать общественные должности.

Нет, всё в порядке, все кандидаты проверены, и можно приступать к выборам. Кое-кого народ выбирает голосованием. Это государственные казначеи, которые должны быть богатыми людьми, чтобы с них можно было взыскать убытки, если в казне, по их вине, обнаружится недостаток денег, а также полководцы-стратеги. Статегов выбирают 10, по одному от каждой филы, и они должны быть людьми опытными в военном деле. Им в помощь выбирают 10 командиров пехоты — *таксиархов*, и двух начальников конницы — *гиппархов*. Затем они уже сами, по своему усмотрению, назначают командиров сотни воинов — *лохагов*. Председатель называет имена кандидатов на должности казначеев,атегов, таксиархов и гиппархов. Собранный народ поднимает руки. Председатель объявляет, за кого подано большинство голосов. Секретарь записывает решение собрания, и избрание считается законченным.

Остальных должностных лиц избирают по жребию. Это — девять архонтов, которые ведают религиозными церемониями, делами об иностранцах, законами и выборами остальных должностных лиц. Один из них называется архонт-эпоним, его именем обозначается текущий год. «Это было при таком-то архонте», — так начинали свой рассказ историки, повествовавшие о событиях прошлого или настоящего. Если архонты хорошо исполняют свой долг и народ остаётся доволен их отчётом, собрание присуждает им золотой венок, и они становятся членами арео-

пага. По жребью же выбирают членов совета пятисот, судей, одиннадцать надзирателей над тюрьмами, десять *астимонов*, наблюдающих за чистотой и порядком в городе, десять *агораномов*, которые должны ведать рынками, отбирать испорченные товары, собирать пошлины, решать споры между покупателями и торговцами, хозяевами мастерских и наёмными работниками. Жеребьёвку производят архонты одновременно с выборами.

В храме Тесея ставятся две урны. В одной лежат таблички с именами кандидатов, в другой чёрные и белые бобы. Архонт вынимает одновременно табличку и боб. Если боб белый, кандидат считается избранным, если чёрный, ему приходится снова пытаться счастье на следующий год. Но вот, наконец, все должностные лица избраны, и председатель распускает собрание.

Через два месяца старые должностные лица сдадут свой отчёт, а новые вступят в должность.

Присутствовавшие на собрании получают свои три обола и расходятся по домам. Они идут по улицам Афин, эти полноправные граждане, составляющие незначительную часть населения города; а на улицах работают многочисленные рабы, снуют метэки, робко проходят женщины. Все они не имеют никаких политических прав — рабовладельческая демократия не для них.

АФИНСКИЙ РАБ

Вот уже три года, как лидиец Леодавл, отправившийся на корабле по торговым делам на остров Самос, пропал без вести. Три года семья его, жившая в Сардах, главном городе Лидии, ничего не слыхала о нём. Думали, что он потонул в море. Но затем прибыл плывший на этом корабле греческий купец Афинодор, сообщивший, что корабль захвачен пиратами. Ему удалось выкупиться за большие деньги, а все остальные обращены в рабство и проданы разным хозяевам на рабском рынке на острове Хиосе. Жена Леодавла пыталась узнать, где её муж, но из этого ничего не вышло. Да если бы она и узнала, то от этого было бы мало проку, так как таких денег, чтобы их хватило на выкуп здорового, сильного мужчины из рабства, у неё не было.

И вот в одну ночь, когда семья Леодавла уже потеряла всякую надежду когда-либо его увидеть, кто-то тихо постучался в дверь. Старший сын вышел в сопровождении собаки, открыл дверь и в ужасе отскочил назад. Перед ним стоял седой старик, одетый в лохмотья, с искалеченной левой рукой, с широким шрамом через всё лицо и гноящимися глазами. Но страшнее всего было огромное кроваво-красное клеймо через весь лоб, на котором было выжжено: «Возврати беглого Клидему». Сын Леодавла, испугавшись, хотел уже было снова закрыть калитку, но вдруг обратил внимание на то, что его злая

собака, всегда бросавшаяся на чужих, особенно на грязных и оборванных бродяг, не лает и не кусается, а дружески виляет хвостом и лижет руки оборванцу. И вдруг юноша понял: этот страшный старик — его отец, который только три года назад уехал здоровым, могучим мужчиной сорока двух лет, без единого седого волоса.

На крик юноши мигом выбежала вся семья. Отца ввели в комнату, вымыли, переодели и накормили, но все отворачивали глаза от него — настолько был ужасен его вид. Когда Леодавл немного пришёл в себя, он стал рассказывать о своих несчастьях.

«На рынке рабов в Хиосе всех покупателей привлекал только мой рост, здоровье и мышцы. Деньги отобрали пираты; я не мог обещать, что меня выкупят, так как знал, что у вас нет таких денег. А ремесла я никакого не знал. Богатый афинянин, заметив, что я не только силен и хорошо сложен, но ещё и грамотен, купил меня, чтобы поставить надсмотрщиком над рабами на руднике, который он взял в аренду у Афинского государства; здесь нередки были бунты рабов, и чтобы быть надсмотрщиком, надо иметь большую силу и ловкость. Я должен был бы радоваться, так как надсмотрщику живётся лучше, чем простому рабу, но я человек не злой и с ужасом думал о своих будущих обязанностях истязателя.

После недолгого пути мы с хозяином приплыли в афинскую гавань Пирей, а оттуда в сопровождении приказчиков и других рабов меня отправили на рудник хозяина. Я увидел несколько сот рабов, спавших в наскоро сколоченном бараке, открытом со всех сторон ветрам. Из досок были сколочены в два этажа нары; часть рабов спала вповалку, вплотную друг к другу, на полу; остальные, также вплотную друг к другу, на нарах. Стояла отвратительная вонь: многие из рабов были покрыты шрамами от ударов и гноящимися ранами, которые никто не перевязывал, никто не лечил. На лбу у многих были выжжены клейма. Спать рабам полагалось только пять часов; один раз в день им давали жидкую похлёбку из муки; работать же они должны были восемнадцать часов в сутки. И что это была за работа! При помощи небольших тупых лопаток они с величайшим трудом вкапывались в землю, проделывая такую узкую нору, что в ней нельзя было не только встать, но и сесть. Лежа на спине, они выбивали породу молотком; пыль и мелкие камни непрерывно сыпались им в глаза. Дышать было нечем: для выделяющихся из земли газов не было устроено никакого выхода; от времени до времени приходилось зажигать коптящую светильню — верёвочный фитиль, опущенный в масло, и от этого в шахте становилось ещё более душно. Я и другие надсмотрщики должны были следить, чтобы стук молотков раздавался непрерывно, всё время; как только стук молотка замолкал, я должен был вползать внутрь, отыскивать виновного, вытаскивать

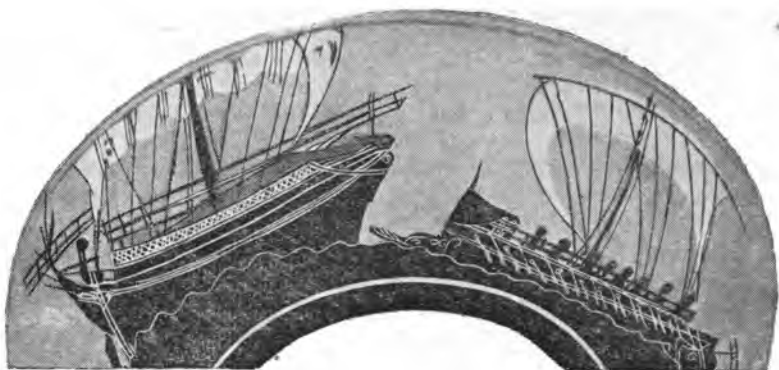
Гавань Пирей.

его наружу и беспощадно избивать бичом. Никаких жалоб и оправданий выслушивать не разрешалось; я должен был заранее считать, что всякая такая жалоба — притворство. Если поверить жалобе одного, то все начнут жаловаться, так как все были измучены до крайности и работали через силу. Ежедневно вывозили с рудника несколько трупов.

Однажды я позволил себе заметить хозяину, что такое ведение хозяйства очень убыточно: за раба платят большие деньги, а через короткое время он гибнет. На это хозяин мне сказал, что я ничего не понимаю в делах: уже больше двадцати лет, как непрерывно длятся войны, на море господствуют пираты, и рабов на рынке так много, что их можно купить за бесценок. В среднем каждый раб может прожить на рудниках 3—4 года, а своей работой за это время он втрое или вчетверо покрывает расходы на его покупку и жалкое пропитание. Я понял, что обращаться к совести этого человека было бы бесполезно, но я не мог дольше оставаться надсмотрщиком и решил на побег.

Хозяин неоднократно посылал меня в сопровождении своих приказчиков и других надсмотрщиков в Пирей для доставки вновь прибывших рабов, провианта и инструментов. Во время одного из таких путешествий я случайно встретил Гирандеса, сына моего приятеля Кройса, давно покинувшего Сарды и жившего метэком в Пирее. Так как никто из моих спутников не понимал по-лидийски, я вступил в разговор с Гирандесом и узнал, что Кройс на днях уехал навсегда назад на родину и что если мне удастся бежать, то Гирандес спрячет меня и поможет вернуться домой.

Впоследствии оказалось, что мои спутники догадались, о чём я беседую с земляком. Когда мы в следующий раз направились в Пирей, они взяли с собой собак и не спускали с меня глаз. Но по дороге, когда мы шли по берегу ручья, я сорвал пустой внутри стебель тростника, как бы для того, чтобы опираться на него, как на палку. Когда я отстал и попытался скрыться в одном из боковых переулков, они бросились за мной, спустили собак, успели забежать вперёд и отрезали мне путь по переулку. Я бежал быстрее их, но они гнали меня к берегу, к гавани, где было очень много народу и где беглому рабу невозможно было скрыться. Положение становилось безвыходным: мне не оставалось ничего другого, как нырнуть под воду. Благодаря тростинке я мог очень долго находиться под водой, так как, выставив наружу маленький кончик её, я мог дышать воздухом. Я пробрался под водой между судов и поплыл в открытое море. Я был физически крепок и прекрасно плавал, и мне удалось незамеченным отплыть довольно далеко от берега. Я увидел корабль, плывший на близлежащий остров Эвбею; подплывши к нему, я сказал, что моя лодка опрокинулась; мне поверили и отвезли на Эвбею, в город Карист.

Деталь греческой вазы: военное и торговое судно.

К сожалению, в Каристе я никого не знал. У меня было с собой несколько драхм хозяйских денег. Я пришёл к Евангелу, хозяину мастерской железных изделий. Имя этого хозяина было мне случайно известно. Я выдал себя за лидийца Кройса, ехавшего на родину, сказал, что потерпел кораблекрушение у берегов Аттики, и мне дали работу на кузнице, с которой я, благодаря моей силе, быстро освоился.

В мастерской кузнеца лучше всего жилось рабам, знавшим ремесло и имевшим собственный инструмент. Они жили отдельно, на своих квартирах, приходили на заре и, как только начинало темнеть, уходили. Хозяин платил им немного, но после ухода домой они прирабатывали у разных заказчиков. Некоторые из них копили деньги, чтобы выкупиться на волю. Хуже было положение свободных чернорабочих, не знавших ремесла, вроде меня. Мы работали с утра до глубокой ночи только за обед и помещение. Хозяин, правда, обещал нам впоследствии выдать жалованье, но опытные люди смеялись над этим обещанием.

Но совсем плохо приходилось в мастерской простым рабам, не знавшим ремесла. По большей части это были мальчишки. Спать они могли только 5 часов в сутки: весь день они ходили сонные, но только они нечаянно закрывали глаза во время работы, как получали оплеуху или удар тяжёлым инструментом; иногда хозяин и его помощники кололи их булавками или обжигали горячей лучиной. За всякую провинность они беспощадно избивались мастерами. Их заставляли делать однообразную, одуряющую работу; более тонкой работе мастера не обучали, боясь, чтобы мальчишки, научившись, не заняли их места. В *эргастерии* (так назывались ремесленные мастерские) было, конечно, не так душно, как в шахте; но рабы в мастерской месяцами находились в полутёмном помещении, не выходя на свежий воздух, и поэтому были бледны, как привидения.

Как вы знаете, я был очень силен; поэтому легко справлялся с работой и чувствовал себя неплохо. Больше всего ободряло меня то, что работал я подённо, ничем не был связан с хозяином и, как свободный человек, мог в любое время уйти, куда глаза глядят. Я уже успел сговориться с одним корабельщиком, что на следующий день отплыть с ним в Сарды; он назначил большие деньги за перевозку, но я поклялся выплатить эти деньги ему в течение полугода по приезде. Я вернулся в мастерскую, чтобы в последний раз переночевать здесь.

Но, очевидно, судьба меня ещё преследовала. Вернувшись в мастерскую, я неожиданно застал там брата моего афинского хозяина, пришедшего за железными цепями для рабов. Разумеется, я уже до того принял все меры, чтобы меня нельзя было узнать. Всю жизнь я носил длинные волосы и бороду; теперь наголо побрился, выбрил даже брови и стал походить на молодого египтянина. Заметив брата хозяина, я быстро прошмыгнул в эргастерий, где работали рабы, но на мою беду он сразу же узнал меня.

Мой новый хозяин, кузнец, больше всего боялся, чтобы его не сочли укрывателем беглых рабов, поэтому он и ещё несколько рабов окружили эргастерий. Несмотря на мою силу, мне не удалось вырваться из их рук; меня связали и отвезли назад в Афины.

Прежний хозяин, вопреки общим ожиданиям, отнёсся ко мне очень милостиво. Я получил только двадцать ударов *истрихидой*. Так назывался большой бич, в который были вплетены заострённые косточки. После этих ударов я несколько дней пролежал на земле, обливаясь кровью; раны в некоторых местах нагноились, но в общем я оправился и мог продолжать работу. Однако хозяин предупредил, что в случае нового побега он заклепмит меня и замучит до смерти.

Конечно, надсмотрщиком он меня уже не назначил. Я был поставлен носить тяжёлые мешки с породой. От этого к вечеру спина ныла, горела и болела, но зато я работал на свежем воздухе. Казалось бы, меня можно было только жалеть, но есть немало злых и завистливых людей. В числе рабов были такие, которые завидовали тому, что я не работал в шахтах и что хозяин наказал меня за побег сравнительно мягко. Один из них рассказал мне по секрету, что он решил бежать, для чего уже договорился с одним из окрестных жителей и с корабельщиком, и предложил мне и ещё нескольким рабам бежать вместе с ним. Я обрадовался, но оказалось, что всё это было только ловушкой. В том месте, куда я бежал по его указанию, подстерегала засада, посланная хозяином, и меня взяли голыми руками. Остальные рабы, к их счастью, не получили возможности уйти из шахты и не явились.

Нет сил описать всё, что со мной проделали после этого. Прежде всего меня пытали. Меня подвесили на верёвочную

лестницу и стали выкручивать руки и ноги, требуя, чтобы я назвал рабов, которые собирались бежать вместе со мной; при этом мне переломили левую руку. Когда от меня ничего не добились таким путём, мне положили в рот и в нос куски мела и стали поливать их уксусом; выделяющийся газ мучительно жёг внутренности. В конце концов я сказал, что назову своих сообщников, но назвал как раз наиболее преданных хозяину доносчиков и негодяев; не знаю, поверили ли они, но пытку, наконец, прекратили. Затем меня били без конца плетью. При этом сам хозяин ударом кнута рассек мне лицо, как ножом. Затем явился клеймовщик с краской и иглами и поставил мне это клеймо на лоб. Не выждав, пока я хоть сколько-нибудь оправлюсь от истязаний, мне дали молоток и отправили в забой. В шахте я в необыкновенных мучениях проработал полгода, почти не получая пищи; я сам не понимаю, как выжил.

Наконец, у меня созрел план нового побега,— всё равно терять было нечего. Когда я ещё был надсмотрщиком, то видел, как поступали с рабами, относительно которых уже не было сомнения, что они умирают: с ними никто не хотел возиться, кормить было тоже незачем, поэтому их сбрасывали живыми в ров за рудником, где массами лежали и гнили трупы умерших рабов. Я решил притвориться умирающим. Я расцарапал себе внутренность рта острым камнем; когда ко мне подошёл надсмотрщик, я открыл рот, и изо рта хлынула кровь, затем я упал на землю и, сколько он ни бил и ни топтал меня, я не вставал, а только сопел и бессмысленно ворочал глазами, как это наблюдал у других умирающих. Надсмотрщик доложил приказчику, они вдвоём подняли меня, понесли и швырнули с высоты в ров, на груды трупов. Упал я на мягкое и потому не очень разбился. Долго я лежал среди зловонных трупов, кишаших червями, чуть не задохнувшись от смрада. Ночью я пополз к противоположному краю рва; я был слаб и несколько раз срывался вниз, но, наконец, вылез на поверхность земли. На моё счастье, собаки не залаяли,— наверно, потому, что я пропитался запахом трупов. Только одна тявкнула, но сразу же замолчала. Я не мог не понимать, что моё положение безнадежно: всякий нашедший раба с клеймом на лбу, возвратит его немедленно же владельцу. Действительно, как ни тихо я пробирался, на полпути к Пирею мои движения услышал какой-то прохожий и нагнал меня. Я приготовился задушить его, зная, что, если даже добровольно сдамся, меня ждёт верная смерть.

Но, к счастью, я на мгновение взглянул на того, кого собрался задушить. Это оказался Гирандес, сын Кройса, тот самый человек, который обещал помочь мне бежать в первый раз. Он пришёл в ужас, увидев, каким я стал, но не испугался преследований и не забыл дружбы к старому приятелю и земляку его отца. Он завязал мне лоб платком, чтобы не видно было клейма,

в темноте отвёл меня в свой дом, а затем с верным человеком отправил в Сарды. И вот я перед вами. Три года провёл я в прекрасной Элладе, в знаменитых Афинах, о которых слышал столько хорошего. Да будут они прокляты!»

ЧУМА В АФИНАХ

Только что кончилось представление трагедии Софокла «Царь Эдип». Народ густой толпой выходил из театра на площадь. То там, то здесь завязывались споры, иногда переходив-

Эдип разгадывает загадку сфинкса.

шие в громкую перебранку. Трагедия произвела на зрителей глубокое впечатление.

...Миф о царе Фив Эдипе был хорошо известен каждому афинянину. Мудрый Эдип был найдёнышем; родители его, которым было предсказано, что сын их станет убийцей своего отца и женится на матери, хотели убить его ещё в детстве, и он спасся лишь благодаря случайности. Воспитанный чужими людьми, он не знал, кто его родители. Царём Фив Эдип был провозглашён за свои заслуги: его ум помог спасти город от чудовища — сфинкса; благодарные фиванцы дали ему в жёны царицу Иокасту, вдову прежнего царя. И вот Фивы постигло страшное несчастье — чума, ниспосланная богами за чьи-то неведомые преступления. Эдип, озабоченный страданиями своих сограждан,

решил разыскать виновника общих бед. Он и не подозревал, что виновник этот — он сам, убивший в случайной стычке своего отца — прежнего царя Фив, и женившийся на своей матери...

Софокл не случайно выбрал для сегодняшнего представления легенду об Эдипе. Вот уже третий год, как шла война между Афинами и Пелопоннесским союзом, возглавляемым Спартой, и Афины поразило такое же несчастье, как в своё время Фивы,— чума.

Недавно красивая и просторная площадь перед театром была теперь обезображена палатками и наспех сколоченными хижинами, оставлявшими лишь узкие проходы для выходявших из театра. Здесь жили крестьяне, выгнанные войной и укрывшиеся от врагов за надёжными стенами Афин. Разразившаяся чума особенно сильно свирепствовала среди этого скученного пришлого люда. Некому было принести больным воду, и они сами выползали из палаток и толпились у источников, мучимые непрерывной жаждой. Тут же валялись и трупы. У людей не было сил собрать дрова для погребального костра, и они ждали, когда будут сжигать какого-нибудь богатого покойника, чтобы бросить в огонь тело своего близкого.

Выходившие из театра давно уже привыкли к этой страшной картине.

Невысокий коренастый крестьянин, энергично прокладывавший себе дорогу локтями, продолжал ещё думать о том, что в виденном зрелище.

— Мышь рылась, рылась и дорылась до кошки,— воскликнул он.— Хотел, бедняга, узнать правду, вот и пришлось — выколоть себе глаза и пуститься по белу свету нищенствовать,— сказал он об Эдипе.— Да поделом ему. Навлѣк на город чуму. Сколько людей погибло из-за него одного... Так и у нас. Затеял Перикл войну со спартанцами, и вот поля наши в запустении: все крестьяне спрятались за стенами города, а спартанцы хозяйничают на нашей земле. А теперь в городе началась ещё эта чума.

Шедший неподалѣку молодой человек, одетый по спартанской моде в короткий военный плащ — *хламиду*, застѣгнутую красивой золотой застѣжкой, с сочувствием обернулся к крестьянину:

— Чума по заслугам ниспослана богами на наш город. Уж сколько времени терпим мы в Афинах отродье Алкмеонидов. Все потомки отвечают за преступления своих родичей. Ведь сын Алкмеона — предка Перикла — совершил страшное преступление: перебил людей, искавших защиты у священного алтаря богинь. С тех пор весь этот род проклят богами, а мы ещё поставили Перикла главой города. За это и чума!

— Замолчи, проклятый аристократ! — громко прикрикнул человек, шагавший рядом с крестьянином, судя по одежде — моряк с военного корабля.— Все аристократы ненавидят Перикла за то, что он верно служит народу. А ты тоже неправ,— уже

мягче обратился он к крестьянину.— Не Перикл затеял войну. Он даже противился вначале нашим требованиям расширить Афинский союз и завоевать новые земли. Но мы настояли на своём. Ведь слава и богатство Афин созданы на деньги от податей, собираемых с союзников. Аристократам не о чем было печалиться. Им хватало и земли, и денег. А взять, к примеру, моего отца. Он был ремесленником и продавал купцам расписные сосуды. Глины у нас на земле хоть отбавляй,— и наша семья жила когда-то безбедно. После войны с персами сосед завёл мастерскую, где такие же сосуды делали рабы. И он стал отдавать купцам свои изделия дешевле, чем мой отец. Ведь рабам не надо платить денег, их можно даже не одевать, лишь немного подкармливать, чтобы они не умерли с голоду. А отцу надо было воспитывать детей, и он не мог продавать свои изделия так же дёшево, как хозяин рабской мастерской. Ясно, что купцы перестали у него брать товар, и семья наша разорилась. Отец продал землю, но, к счастью, на него в этот год пал жребий, и он стал присяжным в народном суде — гелиэе. Целый год, по закону Перикла, получал он *диэту* — деньги на пропитание, и семья наша могла кое-как существовать. А потом началось украшение Акрополя, постройка храмов, и точные работы, которые нельзя доверить рабам, поручили отцу, и он продолжал получать деньги из афинской казны. А откуда берутся эти деньги, на которые живёт большая часть афинян? — С тех же союзников! А ведь спартанцы хотят разрушить наш союз. Им мозолит глаза наше господство на море.

— Да, да,— скороговоркой заговорил толстый, одетый с безвкусной роскошью купец.— Господство на море обеспечивает процветание Афин. Нам надо держать в руках все морские пути. Пора подумать о богатых городах Сицилии и Южной Италии. Недаром эту область называют Великой Грецией — жители там богаты, и торговать с ними выгодно. А всю эту торговлю держит в своих руках Коринф, находящийся в союзе со Спартой. Нам нужно сокрушить в этой войне торговую мощь Коринфа и других портовых городов Пелопоннеса. Всему народу наша победа сулит огромные выгоды. Вот и тебе,— сказал он, обращаясь к крестьянину,— выгоднее будет получить надел плодородной сицилийской земли, чем копать на своём каменистом участке.

— Ты не прав, почтеннейший,— снова вмешался в беседу молодой аристократ,— совсем не о народе заботились афинские правители. Просто они, используя афинских воинов, хотят увеличить свою власть над греками. Недаром о нас говорят, что афиняне сами не имеют покоя и другим его не дают. Ведь нет ни одного города в Греции, где бы мы ни поддерживали демократов против «лучших людей». А какое афинскому жителю дело,— продолжал он, обращаясь теперь уже не к торговцу, а к крестьянину, внимательно вслушивавшемуся в его слова,— какая партия стоит у власти на каком-нибудь острове, в пяти днях плавания

от нашего города. Вот это и испортило наши отношения со Спартой, которая всюду поддерживает «лучших людей».

Увлечённый своим красноречием, молодой аристократ, сам того не замечая, подошёл вплотную к лежащему на земле больному и толкнул его ногой. Больной только пробормотал что-то в беспамятстве, а молодой человек брезгливо отскочил в сторону.

Увидевший это моряк усмехнулся и нарочно громко, чтобы всем было слышно, сказал: — Вот что натворили спартанские собаки, аристократы! Ясно, что причина болезни — отравление водоёмов спартанскими шпионами. Откуда ещё могла взяться у нас эта болезнь?

Однако крестьянин отнёсся к этим словам без всякого сочувствия.

— А кто же виноват в том, что водоёмы не охранялись? — сказал он. — Всё наши стратеги, затеявшие эту несчастную войну. Хоть бы поскорей нашлись среди них умные люди, которые сумели бы заключить мир со спартанцами. Вернувшись из этой тесноты назад в деревню, я наверно сумею избежать заразы, а здесь все мы в конце концов перемрём. Не надо мне ни плодородных земель, ни дешёвых рабов, остаться бы только живым и вспахать спокойно свой маленький участок.

— Как ты не понимаешь? — горячился моряк, замедлив шаги, чтобы переубедить крестьянина. — Ведь болезнь постигла нас неожиданно! Она уже идёт к концу, она лишь ненадолго задержала нашу победу в этой войне. Вспомни план Перикла! Ведь он предвидел, что спартанцы вторгнутся в нашу страну, разорят наши поля и деревни; зная, что спартанская пехота сильнее нашей армии, и всё-таки, начиная войну, он обещал нам победу. Не на суше, говорил он, решится исход войны. Надо избегать столкновения со спартанской пехотой, даже если для этого придётся отдать всю Аттику на разграбление. Афины достаточно богаты, чтобы прокормить крестьян, которые сбегутся сюда под защиту городских стен. Ведь длинные стены идут до самого Пирея, а по морю от союзников мы получаем достаточно продовольствия, чтобы выдержать какую угодно осаду. Спартанцы побоятся долго оставаться в Аттике. У них в Лаконии неспокойно. Илоты только и ждут удобного случая, когда спартанская армия надолго удалится из Пелопоннеса, чтобы восстать. На это и рассчитывает Перикл. Как только немного утихнет чума, наш флот обогнёт Грецию и появится у берегов Мессении, населённой илотами. Не поздоровится спартанцам, когда наши воины появятся там. Каждый илот ненавидит своих угнетателей, и все они, как один, присоединятся к нашему войску. Тогда посмотрим, спасёт ли спартанцев их прославленное мужество, когда на каждого их бойца придётся по меньшей мере 20 человек врагов. Им негде даже будет укрыться. Ведь Спарта не имеет стен.

И с этими словами моряк, продолжая расталкивать прохожих, свернул в соседний переулок.

Крестьянин задумчиво покачал головой. На лице его было написано явное недоверие к бодрым речам матроса. Именно это и заставило молодого аристократа отозваться:

— Хорошо этому нищему болтать. Нет у него ни земли, ни дома. Живёт он на подачках Перикла. Вот эта голь и вредит Афинам. С тех пор как нищие стали участвовать в управлении городом, они только и делают, что толкают государство на новые войны. Демократия погубит Афины.

— Нечего говорить пустое, — резко повернулся к нему крестьянин. — Каждый честный человек должен защищать демократический строй. Демократия дала мне землю, орудия, чтобы её обрабатывать. Теперь у нас правый суд, и такие, как ты, не могут больше безнаказанно притеснять крестьянина. Нашему моряку тоже не сладко грести на корабле и рисковать жизнью вдали от родины. И он бы предпочёл сидеть дома и помогать отцу в горшечной мастерской. Богатый владелец рабской мастерской разорил его семью. Вот и на твоих землях уже работают рабы, и, может быть, скоро и мои оливки не захотят покупать. Таким же, как ты, место не здесь, а в Спарте, среди наших врагов.

Крестьянин повернулся и быстро пошёл в другую сторону.

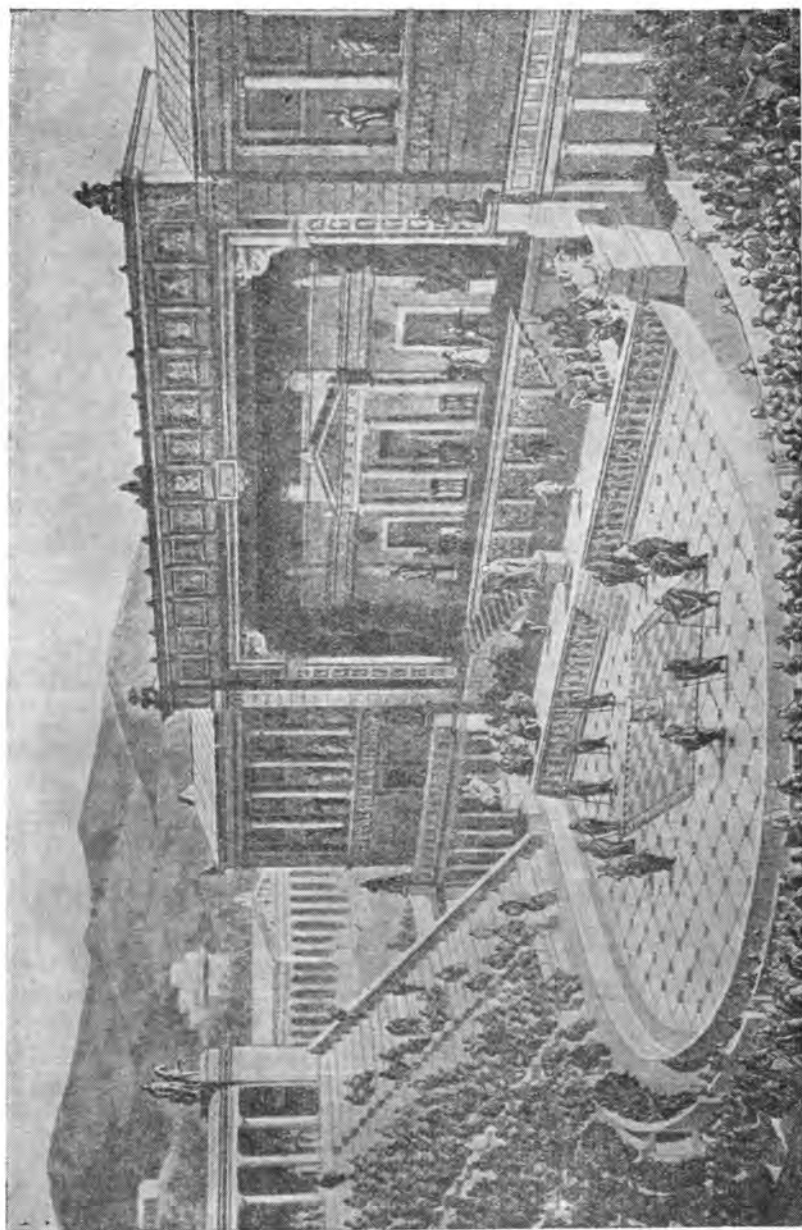
Аристократ огляделся. В переулке было пустынное, чем на площади, но и здесь лежало несколько чумных больных. Не обращая внимания на их тихие стоны, аристократ медленно продолжал идти, шепча себе под нос проклятия.

МЕЧТА О МИРЕ

Невесело справляли афиняне праздник Ленеев в январе 425 года. Зима в Греции не суровая: нет морозов, почти никогда не бывает снега, но афинянам, привыкшим к долгому лету и безоблачному небу, даже обычные в зимнее время холодные ветры с моря, дожди и туманы кажутся в этом году чересчур сильными. В афинских домах не бывает печей, жители греют руки над маленькими жаровнями с горящим углем; жаровни с углем стоят кое-где и на улицах.

В Афинах не по-праздничному пусто. Шестой год тянется опустошительная Пелопоннесская война. Многие из соседних земель, жители которых обычно посещали весёлые Афины по праздникам, — Беотия, Мегары — теперь воюют на стороне врага; из «союзных государств», в действительности афинских подданных, также мало кто приехал на праздники: большая часть земель союзников расположена далеко от Афин, а пускаться в далёкие путешествия не позволяют военные действия.

Огромный театр Диониса, вмещающий 17 тысяч зрителей, да-

Греческий театр.

леко не полон, но народу в нём всё-таки много. Это почти всё взрослое и свободное мужское население Афин (женщин, детей и рабов в театр не пускают). Вход — платный, но и бедняки из числа свободного населения Афин имеют возможность пройти в театр: по закону, принятому народным собранием, все они получают специальное денежное пособие на покупку театральных билетов.

Театр расположен на склоне большой горы, возвышающейся над Афинами, у афинской крепости — Акрополя. Представление происходит днём — театр не имеет крыши и расположен под открытым небом. По своему устройству он больше всего напоминает нынешний цирк: места для зрителей, *амфитеатр*, ступами спускаются к открытой круглой площадке посреди театра — *орхестре*. На орхестре выступает хор, участвующий во всех спектаклях — и в трагедиях, и в комедиях, и, по большей части, артисты, участники представления. За орхестрой маленькое помещение для переодевания актёров — *скене*; скене закрыта от взоров зрителей колоннами — *проскением*. На проскении выставлено несколько досок, на которых нарисованы стены домов. Это что-то вроде нынешних декораций.

Театр гудит — представление началось с утра, и зрители успе-ли устать. Они уже просмотрели две пьесы — грубую, но смешную комедию Кратина и остроумную комедию Эвполида. После окончания третьего и последнего представления специальная группа из десяти человек, выбранных по жребию из числа всех свободных жителей Аттики (по одному от каждой филы), будет присуждать награду за лучшую пьесу. Кто выйдет победителем? Наверное, один из прославленных авторов — Кратин или Эвполид; третий автор, Аристофан, пьеса которого будет идти последней, ещё молод, он даже не решается пока выступать под собственным именем. Пьесы его ставятся от имени почтенного актёра Каллистрата, но многие знают, что в действительности автор их — Аристофан. Несмотря на свои годы (ему всего 25 лет), писатель этот уже получил некоторую известность, благодаря своей смелости — уже в прошлом году он написал дерзкую комедию «Вавилоняне», в которой критиковал политику афинян, грабящих своих «союзников». «Союзников» он изображал в виде несчастных вавилонских рабов, а вождя демократической партии Клеона — в виде надсмотрщика над рабами. Всесильный Клеон легко узнал, кто настоящий автор пьесы, и Аристофан был вызван в суд. С большим трудом ему удалось избежать наказания.

Представление начинается. Выступив на середину орхестры, глашатай громким голосом возглашает: «Каллистрат! Введи свой хор!» На оркестру выходит Каллистрат, за ним хор из 24 человек. По амфитеатру пробегает смехок: на хористах зрители узнают знакомые одежды аттических крестьян, жителей одного из селений в Аттике — Ахарн. Когда-то ахарняне пользовались большим почётом в Афинах — они доставляли в город уголь,

необходимый в зимнее время. Теперь Ахарны выжжены и опустошены врагом — обездоленные жители переселились в Афины. Их хорошо знают в городе, этих крестьян, когда-то важных и зажиточных, теперь голодных и оборванных, вечно жалующихся на разорительную войну и всё же живущих ненавистью к пелопоннесцам и мечтами о победе. Их и сейчас много в театре. Хор новой пьесы будет изображать ахарнян — значит, и сама пьеса, по обычаю, будет называться по имени участников хора «Ахарняне».

Хор ахарнян проходит через оркестру, и снова она пуста. На пустой площадке в задумчивой позе сидит только один человек, в такой же крестьянской одежде, какая одета на хористах. Это главный герой комедии, старый крестьянин Дикеополь, а площадка, на которой он сидит, изображает Пникс, площадь, где собирается афинское народное собрание.

Дикеополь скучает. По своей деревенской аккуратности он пришёл на Пникс очень рано, а горожане ещё и не думают собираться: большинство из них ещё только встаёт. Старик ворчит, он недоволен городской жизнью, бранит проклятую войну, пригнавшую его в город. Но вот оркестра наполняется людьми, толкающими друг друга и дерущимися из-за лучших мест. Глашатаи созывают народ за верёвку, ограждающую площадь; собрание начинается. Дикеополь многого ждёт от этого собрания — может быть, он узнает там, когда, наконец, кончится война? Но нет! — собрание занимается не вопросами мира, а новыми военными союзами. На Пникс торжественно является посол персидского царя Лже-Артаб — «Царёв Глаз»; он должен принести ответ царя на просьбу афинян помочь им и прислать деньги для войны со Спартой.

Появление на оркестре «персидского посла» вызывает громкий смех зрителей в амфитеатре. «Царёв Глаз» пышно разодет в персидский костюм; на голове у него маска с огромным глазом. Вдобавок говорит он на каком-то непонятном языке, из которого с трудом можно разобрать только, что денег у персидского царя для Афин нет.

Один из зрителей, старик, в такой же, как у Дикеополя, деревенской одежде, вздыхает. Ему тоже не нравится, что афиняне обращаются за помощью к персам — к тем самым персам, с которыми он, старик, когда-то воевал, но что же делать, как одолеть Спарту, где найти средства окончить войну?

Но Дикеополь, оказывается, нашёл такое средство. Недовольный затянувшейся войной, он решает на неслыханное дело: он один, лично от себя, посылает посла к врагам Афин и предлагает им заключить мир. Спартанцы, оказывается, тоже хотят мира: посол приносит Дикеополю в трёх бутылках, точно вино, «три сорта» мира. В одной бутылке мир на пять лет, в другой — на десять, в третьей — долгий, тридцатилетний мир.

Первая бутылка не нравится Дикеополю — пятилетний мир,

по его словам, пахнет смолой: надо уже заранее готовиться к новой войне и смолить корабли. Вторая бутылка тоже недостаточно хороша; зато третья, в которой долгий, прочный мир, лучше всех. Он решается: пусть остальные афиняне воюют, он, Дикеополь, заключает мир.

На орхестре появляется хор. Это ахарняне, возмущённые предательством Дикеополя. Как смеет он заключать мир с врагом, разрушившим их дома и разорившим виноградники? Побить его, камнями его! Но Дикеополь оправдывается. Пусть только его выслушают, и он докажет, что не за что так ненавидеть спартанцев; что не они одни повинны в войне, что афиняне сами во многом виноваты перед Спартой, что всем им следует сделать то же самое: кончить войну, пойти на мир с пелопоннесцами.

Тут уже начинают возмущаться не только артисты в хоре, но и зрители в амфитеатре.

— Ишь ты! — кричит тот самый старик, который вздыхал, глядя на «персидского посла». — Мириться с ними хочет! А мои виноградники вытоптаны!

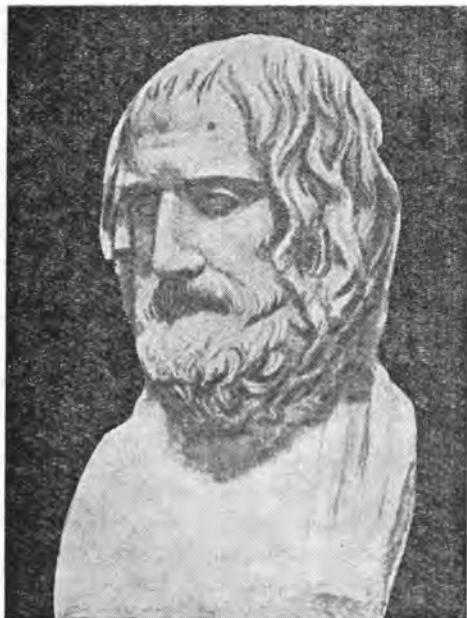
Восклицания раздаются с разных мест: возмущаются Дикеополем, возмущаются и автором пьесы — Аристофаном.

— Тише! — говорит зритель поспокойнее. — Дайте ему говорить. Пусть он объяснит, пусть защитит своих милых спартанцев.

Но Дикеополь не торопится. Чтобы говорить такую речь, чтобы убедить упорных ахарнян, грозящих ему смертью, а заодно и зрителей, ему надо как следует приготовиться и приодеться. Он решает пойти к Эврипиду, автору трагедий, занять у него подходящий наряд для выступления в защиту своих взглядов...

Трагический поэт Эврипид был уже достаточно знаменит в это время. Любимыми героями его трагедий («Медеея»; «Ипполит» и другие) были несчастные, одинокие люди, гибнущие под ударами судьбы, — таким же одиночкой, мрачно смотрящим на жизнь, был и сам Эврипид. Аристофан не любил Эврипида: крепко связанный со старым крестьянским бытом Аттики, Аристофан возмущался тем, что Эврипид не считается с этим бытом, не уважает его. Уже в первых своих комедиях Аристофан стал осмеивать вечные страдания героев Эврипида, их замысловатые учёные речи, всевозможные театральные машины, которые охотно использовал Эврипид, чтобы произвести большее впечатление на зрителей.

Дикеополь идёт к дому Эврипида. Уже у порога Эврипида, встречающий его на пороге, не похож на обыкновенных рабов: на вопрос, где Эврипид, он отвечает: «И дома, и не дома», — понимай, как знаешь! Оказывается, что Эврипид всё-таки дома, но слишком занят, чтобы выйти. Но Дикеополь умоляет, и Эврипид, наконец, соглашается «выкатиться» с помощью специальной машины. Проскений раскрывается, и на оркестру выкатывается целая платформа на колёсах. На ней, задрав ноги кверху, сочиняет свои трагедии Эврипид. Дикеополь умоляет дать ему лохмотья

Эврипид.

какого-нибудь из несчастных героев Эврипида: ему надо разжалобить хористов и зрителей, чтобы они его выслушали. «Какого же?» — спрашивает Эврипид. У него все герои несчастные и все в лохмотьях. Дикеополь берёт рваный плащ одного героя, нищенскую шапку другого, клюку третьего, дырявую корзину четвёртого и до тех пор кланчивается и пристаёт к Эврипиду, пока тот не прогоняет его.

Теперь все приготовления окончены. Одетый в лохмотья, готовый к смерти, если ему не удастся убедить слушателей, Дикеополь начинает защитительную речь. Он больше не шутит, он серьёзен. Он тоже пострадал от спартанцев не меньше,

чем остальные, ему не за что их любить. Но ведь здесь все свои, на праздник Ленея не приехал никто из чужих. Зачем же скрывать? — ведь в войне повинны не только одни пелопоннесцы. Не афиняне ли первые начали вражду, запретив торговлю с Мегарами и захватив мегарские товары? Что же было делать мегарцам, как не обратиться за помощью к спартанцам? Если бы кто-нибудь захватил афинские товары, разве афиняне не начали бы воевать? Да разве в Афинах нет людишек, которые рады раздуть войну, которым она приносит выгоды? Посмотрите на них, — раньше у них гроша за душой не было, а теперь они наживаются на войне, получают награды, должности...

— Но их выбрали! — кричит с места какой-то хорошо одетый зритель, видимо, один из тех, в кого метит Дикеополь.

— Три кукушки выбрали! — отвечает Дикеополь. — Почему это всегда выбирают тех, кто похитрей и половчее, а честных людей не выбирают? — И Дикеополь поднимает голову и начинает обращаться прямо к амфитеатру, к зрителям:

— Вот ты, например, Марилад, — кричит он старику, который протестовал против мира со Спартой, — ты честный человек, ты защищал родину под Марафоном, а тебя выбирали когда-нибудь в послы или на другую выгодную должность?

— Нет! — отвечает старик с места.

— А тебя, Дракил?

— Нет! — слышится с другой скамьи амфитеатра.

— А тебя, Евфорид? Тебя, Принид?

— Нет! Нет! — разносится по театру. Зрители волнуются, в разных концах театра начинаются споры и даже ссоры, потасовки. Комедия задела афинян за живое, заставила вспомнить о многих бедствиях и несправедливостях, которые им пришлось вытерпеть не от врага, а от своих же сограждан.

Представление продолжается. Покончив с войной, Дикеополь теперь начинает пользоваться всеми выгодами мира. К нему, единственному афинянину, который не воюет, приходят с товарами жители пелопоннесских городов. Вот они, эти «враги», «чужеземцы», такие же измученные войной, такие же изголодавшиеся, как и сами афиняне! Вот мегарец — ему нужна афинская соль, чеснок и смоквы (винные ягоды), но продать ему нечего; он решает продать Дикеополю вместо свинок собственных дочек. Девочки и сами мечтают о сытной кормёжке, о тёплом крове, — при виде смокв, маслин и других вкусных вещей они принимаются изо всех сил хрюкать. Вот беотиец, он принёс множество товаров и в том числе любимое лакомство афинян — маринованного угря, но взамен он требует того, чего «нет в Беотии, а есть в Афинах».

Что могут предложить беотийцу обедневшие Афины? Дикеополь догадывается: он продаёт беотийцу доносчика, всюду вынюхивающего измену и на всех ябедничающего, — этого добра в Афинах довольно и от него не жалко избавиться!

— Да на что он ему? — спрашивает один из участников хора.

— Ладно, — говорит беотиец. — Посажу в клетку вместо обезьяны.

Амфитеатр шумит, хохочет. Афиняне забыли, что они только что возмущались Дикеополем и автором пьесы, забыли усталость после целого дня, проведённого в театре, забыли даже свои повседневные заботы и огорчения. Сейчас они поглощены той чудесной сказкой о мире, которую показал им Аристофан, мечтой о прекрасном времени, когда кончится, наконец, проклятая война.

А Дикеополь торжествует. Сытый и беззаботный, он идёт к друзьям на весёлую пирушку и смеётся над горе-воежкой, полководцем Ламахом, отправившимся на войну и свалившимся по дороге в канаву. Весёлой песней Дикеополя и печальным оханьем Ламаха кончается комедия...

Возбуждённые и весёлые возвращаются по темнеющим афинским улицам зрители. Первую награду за лучшую комедию получил молодой Аристофан, дерзко выступивший за мир во время войны и сумевший внушить зрителям такую же мечту о мире. Сейчас они вместе с Аристофаном верят в близость мира, в возможность его заключения.

Но уже завтра они будут думать иначе, уже завтра они поймут, что дело не так-то просто, как говорит Аристофан. Конечно, большинство пелопоннесцев, так же как афиняне, хочет мира,

Трагические маски.

конечно, и в Афинах, и всюду есть людишки, нарочно разжигающие войну. Но только ли в них дело? Может ли существовать афинское государство без привозного черноморского хлеба, без заморских колоний и подневольных «союзников»? Господство Афин над морем приносит выгоды не только богачам, но и свободным беднякам — всем почти, кроме рабов, которых не пускают в театр и у которых не спрашивают их мнения о войне и мире. А другие государства не могут допустить господства Афин над морем. Война неизбежна!

Мечта Аристофана о мире не осуществилась. Правда, через четыре года после постановки «Ахарнян» Афины заключили долгожданный мир с пелопоннесцами. Аристофан даже написал по этому поводу комедию «Мир», где рассказывал, как крестьянин Тригей верхом на навозном жуке взлетел на небо и там освободи-

дил из тюрьмы богиню мира Ирину. Но мир 421 года оказался как раз таким миром, про который Дикеополь говорил, что он пахнет смолой и подготовкой новой войны. Война возобновилась довольно скоро после заключения этого мира.

ПОХОД В СИЦИЛИЮ

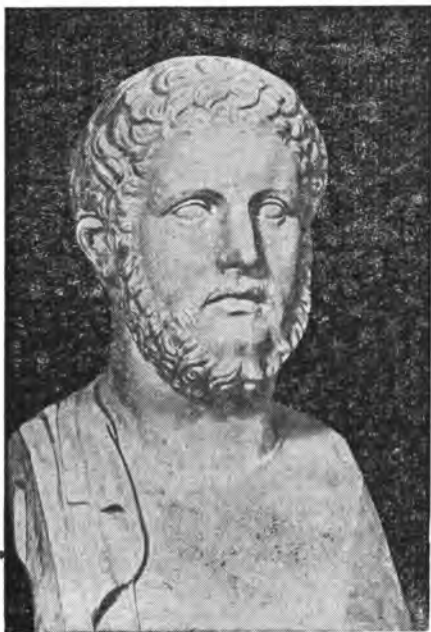
В эти весенние солнечные дни все граждане Афин были охвачены необыкновенным возбуждением. У всех на языке были одни и те же названия и слова, все обсуждали один и тот же вопрос — об организации военной экспедиции в Сицилию.

На афинских улицах и площадях, в лавочках и мастерских собирались группы стариков и молодёжи. Многие здесь же на земле или песке чертили карту Сицилии. Сторонники похода с пеной у рта доказывали, что афиняне легко овладеют этим богатым и плодородным островом. Наиболее горячие из них не останавливались только на этом. Они считали, что, овладев Сицилией, следует начать борьбу с Карфагеном, подчинить себе северное побережье Африки и таким образом распространить афинское господство на западную часть Средиземного моря. Тогда наступит счастливое время и самые бедные из афинских граждан станут богатыми за счёт той огромной добычи, которую принесут эти завоевания. Признанным вождём сторонников похода в Сицилию был Алкивиад. В эти дни его имя было также на языке у всех. Одни им восторгались, другие говорили о нём со жгучей ненавистью.

Алкивиад получил прекрасное для своего времени образование. Одним из его учителей был знаменитый греческий философ Сократ. Они стали большими друзьями и участвовали вместе в военных походах. В боях Алкивиад проявил большую храбрость и блестящие военные способности. Но, в то же время, Алкивиад был человеком глубоко эгоистичным и беспринципным. Его интересовала только личная слава, личный успех; общественные интересы и нужды государства были ему безразличны.

Вот такой человек стал инициатором и вождём похода в Сицилию. Несомненно, он считал, что успех этого похода принесёт ему небывалую славу, он станет первым человеком в Афинах, более знаменитым и могущественным, чем в своё время Перикл. Благодаря своему ораторскому таланту, щедрости и большим связям Алкивиаду удалось добиться того, что его план похода в Сицилию был поставлен на обсуждение в афинском народном собрании.

С утра весь город был на ногах. На собрание явились даже люди из отдалённых мест Аттики. Вопрос о Сицилии волновал всех. Алкивиад выступил с речью, доказывая, что Сицилию подчинить нетрудно. Ни один из сицилийских городов, говорил он, не имеет достаточного вооружения. Кроме того, эти города постоянно враждуют друг с другом; можно быть уверенным, что

Алкивиад.

они не смогут объединиться для совместной борьбы. Что касается Спарты и вообще Пелопоннесского союза, то надо не только уметь отражать нападения, но и предупреждать их. С подчинением Сицилии вся Греция покорится власти афинян.

Речь Алкивиада имела успех; народное собрание большинством голосов приняло решение послать в Сицилию афинскую эскадру. Стратегами были избраны Алкивиад, Никий и Ламах. Несмотря на свой пожилой возраст, Ламах отличался такой же горячностью и стремлением к риску, как и Алкивиад. Он был опытным полководцем, но особенной популярностью среди граждан не пользовался. Может быть, причиной тому была его скупость. Рассказывали, что после каждого похода он пред-

ставлял народному собранию счёт на небольшую сумму за изношенную им во время похода обувь и одежду.

Что касается Никия, то он с самого начала и до самого конца был решительным противником похода. Он как раз не любил рисковать и был известен как очень осторожный и даже несколько нерешительный полководец. Народное собрание избрало Никия стратегом против его воли, но с определённой целью. Говорили, что война будет идти успешнее, если развести крепкое вино трезвой водой, то-есть к Алкивиаду и Ламачу прибавить осторожного и рассудительного Никия.

Но Никий даже после своего избрания в стратеги попытался ещё раз воздействовать на сограждан и отговорить их от опасной затеи — сицилийского похода. Он выступил в народном собрании с речью. Отправляя свои силы в далёкий поход, сказал он, афиняне остаются лицом к лицу с многочисленными врагами. Если дела в Сицилии пойдут неудачно, враги не замедлят напасть, так как мир со Спартой непрочен. Наша главная задача — вовсе не борьба за Сицилию, а охрана собственного государства.

Затем он заговорил об Алкивиаде. Он упрекал его в том, что, советуя предпринять поход, Алкивиад преследует лишь личные интересы: он молод, он радуется своему избранию в военачальники, потому что хочет славы и богатства. «Не давайте Ал-

кивиаду возможности, — воскликнул Никий в конце своей речи, — блистать за счёт безопасности государства!» Речь Никия не имела никакого успеха. Вслед за ним выступали другие ораторы и настаивали на том, чтобы решение народного собрания осталось в силе. Выступил снова и Алкивиад. С обычным для него остроумием он возражал Никию. Под конец он сказал: «Не бойтесь моей молодости и легкомыслия. Пока я молод, а Никию благоприятствует судьба, извлеките пользу из нас обоих!»

Народное собрание не только не отменило своего решения об организации похода в Сицилию, но даже вынесло новое постановление: предоставить стратегам самые широкие полномочия в наборе войска, кораблей и ведении военных действий.

Начались спешные приготовления к походу. Набирались воины, матросы и гребцы; запасали оружие и продовольствие; в гавани готовили к выходу в море военные и транспортные корабли.

Были посланы специальные гонцы во все союзные Афинам города.

И вот, когда все эти приготовления уже подходили к концу и был близок день, назначенный для выступления, в Афинах произошло событие, взволновавшее весь город. Ночью, неизвестно кем, были изуродованы и разбиты стоявшие на перекрёстках афинских улиц каменные гермы — изображения бога Гермеса. Бог Гермес, по афинским верованиям, был богом ремесла и торговли, покровителем путей на суше и на море. Поэтому надругательство над гермами все восприняли как дурную примету накануне предстоящего похода.

Были приняты срочные меры, чтобы разыскать виновников этого дела. Их не нашли, но зато по городу пошли странные слухи. Говорили, что в ночном преступлении замешан Алкивиад. Особенно упорно поддерживали этот слух враги Алкивиада, которых у него было немало. Вспоминали, что он не раз высказывал пренебрежительное отношение к старым афинским обычаям и

Герма.

даже к религии. Его имя в связи с надругательством над гермами называли всё чаще и чаще.

Тогда Алкивиад, чтобы выйти из неприятного положения, потребовал разбирательства этого дела и открытого суда над собой в народном собрании. Пусть ему предъявят обвинения открыто. Если он не сможет их опровергнуть, он готов нести любое наказание. Если он докажет свою невиновность, должны быть наказаны клеветники.

Однако суда над Алкивиадом не состоялось. Во-первых, никто из его врагов не решился выступить против Алкивиада в народном собрании. Такая попытка заранее была обречена на неудачу. Кроме того, разбирательство дела и суд — всё это надолго отсрочило бы поход в Сицилию, а народное собрание решительно высказалось против всяких задержек похода. Итак, было решено, что экспедиция выступает немедленно.

На заре назначенного для отплытия дня на берегу пирейской гавани собралось огромное количество людей — почти всё население города. Одни садились на корабли, готовясь к отплытию, другие вышли их провожать. Это были родственники, друзья и просто знакомые отплывающих. Они переживали разные чувства: и надежду на благополучное возвращение своих близких с победой и с богатой добычей, и чувство тревоги, потому что у них не было уверенности в том, что они когда-нибудь снова увидят друг друга.

Но большинство собравшихся в гавани, в том числе рабы и метэки, просто пришли сюда, чтобы посмотреть на редкое зрелище. И действительно, перед их глазами развёртывалась необычайно яркая и красочная картина.

На рейде стояло под парусами 100 триер, готовых к отплытию. Из Пирея и раньше отправлялись большие эскадры военных кораблей, но никогда ещё эти корабли не были так снаряжены, как в этот раз. Афинские триерархи, на обязанности которых лежало за свой счёт снаряжать военные корабли, не пожалели средств и сил. Каждый из них старался, чтобы снаряженная им триера была лучше, чем триеры других. Корабли были богато украшены снаружи и внутри. Экипажи этих кораблей состояли из самых отборных людей, и каждый из них стремился превзойти другого оружием и блеском военного убора. Всё это скорее было похоже на военный парад, которым афиняне хотели показать свою военную мощь перед всеми греками, чем на начало трудного и опасного похода.

Когда отплывающие взойшли на корабли, когда всё, что они брали с собой в поход, было погружено и все приготовления к отплытию закончены, раздался трубный сигнал. Наступила торжественная тишина. Глашатай громким голосом произнёс обращённую к богам молитву, какую полагалось произносить перед отправлением войск в поход. Слова этой молитвы повторялись всеми матросами и воинами на всех кораблях одновременно и всем народом на берегу. В то же время задымились жерт-

венники, матросы и командиры совершили по древнему обычаю возлияния из золотых и серебряных кубков, смешав в них воду с вином. На кораблях и на берегу запели гимн, и корабли снялись с якорей. Правильным строем вышли они из гавани и взяли курс на запад. В условленном месте к афинскому флоту присоединились корабли, высланные союзниками. Теперь эскадра насчитывала 136 военных кораблей, кроме транспортных судов. Афинское же войско, посланное в Сицилию, вместе с экипажами военных кораблей насчитывало 36 тысяч человек. Для того времени это была большая цифра.

После некоторых споров между тремя стратегами высадка была произведена на западном побережье Сицилии, в районе города Катаны. Здесь начались и первые стычки с главным противником афинян в Сицилии — жителями крупнейшего государства — Сиракуз. И вдруг произошло совершенно неожиданное событие.

Из Афин в Сицилию прибыл государственный корабль «Саламиния», который привёз Алкивиаду и ещё некоторым участникам похода предписание народного собрания немедленно вернуться в Афины и предстать перед судом по обвинению в заговоре против народа. Как и следовало ожидать, враги Алкивиада, после того как он отплыл из Афин, не дремали, на Алкивиада поступил ряд доносов, и им удалось добиться такого решения.

Алкивиаду пришлось сдать командование и отплыть домой. Но по дороге, во время остановки в одном из южноиталийских городов, он скрылся. Народное собрание вынесло Алкивиаду заочный приговор: он был приговорён к смертной казни и конфискации всего имущества. Узнав об этом приговоре, Алкивиад воскликнул: «Я докажу им, что я жив!» После этого он вступил в переговоры со спартанцами, злейшими врагами своего родного города, и перешёл на их сторону. Прикидывавшийся раньше другом народа, он теперь прямо заявил о своей ненависти к господствовавшей в Афинах демократии.

Спартанцы охотно приняли Алкивиада. Они считали, что он принесёт им большую пользу. И действительно, Алкивиад, перейдя на сторону спартанцев, дал им два совета, чрезвычайно важных для дальнейшего хода войны: один — о посылке войска в Сицилию, другой — относительно Декелея.

Декелея — небольшое местечко в самой Аттике, оно расположено примерно в 20 километрах к северу от Афин, на возвышенности, которая господствует над окружающей местностью и, в частности, над районом Афин. Алкивиад посоветовал спартанцам захватить Декелею. Он доказал им, что если они займут Декелею и хорошо её укрепят, то они смогут держать афинян на положении полусаждённых. Занятие Декелеи, таким образом, означало возобновление войны на территории самой Аттики.

Спартанцы послушались советов, данных Алкивиадом. Они послали на помощь осаждённым афинянами Сиракузам большой и хорошо вооружённый отряд воинов. В то же время спартанцы вторглись в Аттику и заняли Декелею. В предшествующие годы спартанцы не раз нападали на Аттику. Но тогда эти вторжения длились недолго, и после каждого из них аттические крестьяне снова выходили за пределы стен и башен своего города, укрывавшего их от врагов, и возвращались на свои поля. Теперь дело обстояло гораздо хуже. Спартанцы, заняв Декелею, не только держали Афины под угрозой, но и заперли почти все дороги, ведущие к ним. Прекратилась даже разработка Лаврийских рудников.

В самом городе начались заболевания, голод. А когда на сторону спартанцев перебежало более 20 тысяч афинских рабов, то положение Афин стало очень тяжёлым.

Спартанцы хорошо использовали предательский совет Алкивиада!

ПОД СТЕНАМИ СИРАКУЗ

Афиняне долго и упорно вели осаду Сиракуз. Им удалось обложить город с суши и с моря. Они ввели свой флот в сиракузскую гавань, а со стороны суши даже окружили город осадной стеной. Сиракузяне отчаянно защищались, но их положение казалось безнадёжным. Многие сицилийские города готовы были перейти на сторону афинян, а некоторые уже начали высылать им в помощь отряды своих войск. В самих Сиракузах всё чаще и чаще раздавались голоса о безнадёжности дальнейшего сопротивления. Уже были начаты переговоры с Никием об условиях сдачи, но в это время, совершенно неожиданно и для сиракузян, и для афинян, положение резко изменилось.

В значительной степени под влиянием речей Алкивиада Спарта направила в Сицилию 700 воинов под командованием опытного полководца Гилиппа. Гилиппу удалось захватить несколько афинских укреплений, а затем прорваться в осаждённый город. Настроение сиракузян резко изменилось: от оборонительных действий они перешли к наступлению. Теперь уже афинянам нечего было и думать о том, чтобы отрезать и взять город со стороны суши. Но и на море, хотя афинский флот был сильнее, им не удалось добиться решающих успехов.

Уныние охватило афинян. С момента отозвания Алкивиада и со смерти Ламаха, убитого в первые месяцы похода, командование перешло к Никию. Противник сицилийской экспедиции с самого начала, нерешительный по натуре, Никий окончательно потерял надежду на успех. Он отправил в Афины народному собранию малодушное письмо. «Получилось так,— писал он в этом письме,— что не мы осаждаем других, а сами ими осаж-

денеж». В заключительной части письма Никий просил народное собрание либо отозвать войска из Сицилии, либо выслать крупное подкрепление и денег. Ссылаясь на болезнь, он одновременно просил освободить его от командования.

Письмо Никия пришло в Афины в трудный момент: спартанцы уже вторглись в Аттику и заняли Декелею. Днём и ночью афинские граждане должны были находиться на страже у стен и башен своего города; стычки с врагом происходили почти ежедневно. И всё же афинское собрание, обсудив письмо Никия, не освободило его от командования и не отозвало своих войск из Сицилии. Наоборот, чтобы довести дело до конца, было принято решение о посылке нового отряда кораблей и новых войск в Сицилию под командованием опытного и энергичного полководца Демосфена.

Но пока Демосфен собирал силы и готовился к отплытию, в Сицилии произошло ещё одно сражение, неудачное для афинян. Семь афинских кораблей были потоплены, многие другие серьёзно повреждены, много афинян убито, ранено и взято в плен. После этой победы сиракузяне прониклись твёрдой уверенностью вскоре одолеть афинян и на суше, и на море. К этому времени почти вся Сицилия, за исключением одного оставшегося нейтральным города Акраганта, была уже на стороне Сиракуз. Военные неудачи оттолкнули сицилийских греков от афинян.

Новое поражение самым пагубным образом сказалось на афинянах. Многие месяцы, полные опасностей и лишений походной жизни, и без того истощили их силы. С часу на час можно было ожидать нового нападения врага, грозившего полностью их уничтожить. Веры не только в победу, но и в возвращение на родину у большинства афинских моряков и воинов уже не было. В этот критический момент на море показались корабли большой эскадры. Их заметили и в Сиракузах, и в афинском лагере. Когда эскадра приблизилась, стало видно, что это афинские корабли. Демосфен спешил к своим на выручку.

Сиракузяне и их союзники были поражены и испуганы. Они знали, что спартанцы проникли в Аттику и угрожают самим Афинам. Как при таких условиях афиняне могли послать в Сицилию корабли и войско? Могущество Афин снова представлялось сиракузянам несокрушимым и силы их неистощимыми. Эскадра подошла к самому сиракузскому берегу. 73 богато разукрашенных афинских корабля вошли под звуки военной музыки в Большую гавань. На палубах кораблей стояли с оружием в руках афинские воины. Не считая многочисленных гребцов и матросов, эскадра привезла с собой около пяти тысяч тяжеловооружённых воинов и не менее трёх тысяч копейщиков, лучников и прашников.

Афиняне сразу же воспрянули духом. Демосфен был преисполнен решимости немедленно приступить к военным действиям против сиракузян. В афинском лагере уже знали, какое впе-

чтление на противника произвело появление эскадры. Демосфен не без основания считал, что он страшнее всего своим противникам в первый день по прибытии, пока те ещё не освоились с мыслью об увеличении численности афинян. В то же время Демосфен видел главную причину предшествующих неудач в медлительности Никия. Поэтому он потребовал, чтобы афиняне тотчас же напали на врага и, поставив всё на карту, либо теперь же овладели Сиракузами, либо, если это не удастся, сняли осаду и отплыли домой.

Этой же ночью афиняне сделали попытку овладеть Сиракузами. Ярко светила луна. Афиняне подошли к передовым сиракузским укреплениям и, быстро подавив сопротивление, овладели ими. Испуганные неожиданным ночным нападением, сиракузяне не смогли оказать сильного сопротивления. Афиняне продолжали быстро продвигаться вперёд. Победа, казалось, уже была близка.

Но преследуя отступающих врагов, афиняне расстроили свои ряды. В этот момент устремились в контратаку беотийские воины, недавно прибывшие из Греции на помощь Сиракузам. Завязалось яростное сражение. Часть афинских воинов вплотную сошлась с беотийцами, другая часть, вступившая уже на высоты перед Сиракузами, ещё не знала, что происходит внизу. Заслышав шум битвы, отдельные группы афинян стали возвращаться назад. В лунном свете вырисовывались только тёмные силуэты сражающихся, нельзя было распознать, кто свой, кто чужой.

Находившиеся внизу всех, кто двигался им навстречу, принимали за врагов и устремлялись на них с оружием. Наталкиваясь друг на друга и вступая друг с другом в схватки, афиняне растерялись. Постоянно выкрикивая свой пароль, они открыли его врагам. Среди афинян началась паника; вскоре под ударами неприятеля они побежали к своему лагерю. В эту ночь афиняне потерпели решительное поражение.

Приходилось снимать осаду и отправляться домой. В афинском лагере был создан военный совет, на котором было принято решение обнести стеной небольшое пространство на берегу около стоянки афинских кораблей. За этой стеной останутся все больные и раненые (а их было немало!) с охраняющим их гарнизоном. Всем остальным, способным держать в руках оружие,—сесть на корабли, прорваться через установленные противником в устье гавани заграждения и плыть на родину.

Этот план был приведён в исполнение. У афинян оказалось ещё 110 годных к плаванью кораблей. Прежде чем дать команду к посадке на корабли, Никий обратился к афинским воинам и морякам с краткой речью. «Вас,—сказал он,—ожидает борьба за жизнь и честь отечества. Не следует падать духом. Всё зависящее от командования предусмотрено. Так как предстоит жаркая схватка с противником, все наши корабли снабжены железными абордажными крюками. Сцепившись при

помощи крюков с неприятельскими кораблями, вы не должны отпускать их до тех пор, пока не перебьёте врага на палубах. Ведь весь находящийся за нами берег, за исключением небольшого, обнесённого стеной пространства с нашим гарнизоном и ранеными, будет в его руках. Вы должны помнить об этом и держаться до конца. Если нам не удастся победить врагов, с которыми мы здесь сражались, они немедленно пойдут на Элладу. Нашим собратьям, оставшимся дома, тогда будет не под силу отразить и их, и тех, с кем они сейчас борются. На нас держится сейчас государство, на нас покоится великое имя Афин».

Сразу же после этой речи Никий повёл сухопутное войско к кораблям. Палубы наполнились тяжеловооружёнными воинами, стрелками и метателями дротиков. Корабли снялись с якорей и поплыли прямо к неприятельским судам, чтобы прорваться в открытое море. Сиракузский флот преградил им дорогу. Часть сиракузских кораблей находилась у заграждений, часть была расположена полукругом по берегу гавани. Афиняне сошлись с противником у самых заграждений и с первого же натиска начали его одолевать. Но в этот момент сиракузяне и их союзники ударили по афинянам со всех сторон. Завязалась жаркая битва. Ожесточение сражающихся достигло предела. Гребцы не жалели сил. Пока корабли сближались, находившиеся на их палубах воины метали друг в друга дротики, стрелы и камни. Затем началось рукопашное сражение.

На небольшом пространстве сгрудилось до 200 кораблей. Было так тесно, что на некоторых кораблях воины на одной стороне палубы нападали, а на другой сами подвергались нападению. Стараясь перекрыть шум битвы, афинские военачальники призывали своих прорываться из гавани, а военачальники сиракузян — не дать афинянам уйти и победой над ними возвеличить свою родину.

С берега сражение наблюдали оставшиеся афиняне и сухопутные сиракузские войска. Зрители были возбуждены не менее самих сражающихся. Все надежды афиняне теперь возлагали на свой флот: удастся ли ему прорваться из гавани? Неровности берега мешали им всем одинаково видеть ход боя. Те, кто видел, что победа в каком-либо месте клонится на афинскую сторону, издавали крики радости и восторга. Те, кто наблюдал поражение своих, впадали в отчаяние. Наконец, третьи, наблюдавшие борьбу с переменным успехом, переживали мучительное состояние: с минуты на минуту они ожидали то гибели, то спасения. Над толпой стоявших на берегу афинян носились возгласы радости и вопли отчаяния. Напряжение достигло крайней степени.

Тем временем сиракузяне напрягли все свои силы и, сделав ещё один решительный натиск, опрокинули афинян. С громкими криками они преследовали их до самого берега. Уцелевшие в этой битве афиняне бросились в разные стороны в поисках спасения. Одни из них устремились к уцелевшей части укреплений,

другие метались из стороны в сторону. Такой паники афиняне никогда ещё не переживали.

После этой последней неудачи, обрушившейся на афинян, оставался один выход — отступление по суше. Но афиняне и его не сумели организовать как следует; они выступили из лагеря только на третий день после морской битвы, когда сиракузяне успели занять своими отрядами все дороги.

Из лагеря вышло не менее сорока тысяч человек. Каждый нёс на себе необходимые пожитки и скудный запас продовольствия. Даже тяжелооружённые воины, вопреки обычаю, были вынуждены сами нести свои вещи и оружие. Прислуживавшие им рабы давно уже перебежали к неприятелю. Никий делал всё, что мог, чтобы поднять дух своего отступающего войска. Переходя от одной группы своих воинов к другой, он убеждал их не терять надежды на спасение. Отстающих и рассыпавшихся в беспорядке он снова собирал и выстраивал. То же делал и Демосфен.

Афиняне шли двумя отрядами: впереди отряд, возглавленный Никием, позади — Демосфеном. Двигаясь в западном направлении, они достигли реки. Здесь у переправы поджидали их выстроенные в боевой порядок сиракузяне. Афиняне быстро их опрокинули и, переправившись, двинулись дальше на запад. Сиракузяне их сопровождали. Время от времени к афинянам приближалась неприятельская конница, легковооружённые вражеские воины метали в них дротиками. Афиняне поэтому продвигались медленно. В первый день отступления они сделали всего около 7 километров. На второй день, пройдя ещё меньшее расстояние, они расположились лагерем у какого-то селения. Здесь они намеревались пополнить запасы продовольствия и запастись водой, так как дальнейший их путь лежал через безводную местность. Сиракузяне прошли вперёд, тоже остановились и преградили им дальнейший путь. Когда на следующий день афиняне тронулись с места, они подверглись нападению неприятельской конницы. Враги гарцевали на конях с обеих сторон афинской колонны и метали в неё дротиками. Афиняне долго отбивались, а затем были вынуждены отойти к месту своей прежней стоянки. Рано утром они снова выступили. Теперь враг ни на минуту не оставлял их в покое. Всякий раз, когда афинянам удавалось потеснить его назад, сиракузяне отступали, с тем чтобы вновь напасть на задние ряды.

На пятый день отступления у афинян подошли к концу запасы продовольствия. Непрерывные стычки с противником привели к тому, что в рядах их было много раненых. Становилось ясным, что так дальше продвигаться они не могут. Когда стемнело и оба войска остановились на ночёвку, Никий и Демосфен, чтобы обмануть противника, приказали развести возможно больше костров, сами же снялись ночью и, круто изменив направление, пошли дальше. Сиракузяне хватились афинян, только когда рассветло. Немедленно была организована погоня.

Афиняне шли попрежнему двумя отрядами. Отряд Никия

ушёл далеко вперёд, отряд Демосфена, в котором было меньше дисциплины, отстал. Его-то и настигла сиракузская конница. Афиняне успели дойти до огороженного невысокой стеной места, засаженного редкими оливковыми деревьями. Сиракузяне не пошли на них в атаку, но, окружив со всех сторон, стали обстреливать стрелами и дротиками. Теперь сиракузянам не было смысла рисковать собой: афиняне и так были в их руках.

Целый день длился этот обстрел. К вечеру сиракузянам стало ясно, что израненные и измученные афиняне неспособны уже к серьёзному сопротивлению. Гилипп, через глашатая, предложил Демосфену сдаться. Заручившись обещанием, что никто из сдавшихся не будет умерщвлён, афиняне сложили оружие. Пленных тотчас же повели в город.

На следующий день сдался и Никий — после того как большая часть его отряда была перебита и после обещания Гилиппа пощадить оставшихся воинов.

Все пленные были отведены в город. Здесь их спустили в каменоломни. В небольшом, высеченном в скале помещении была страшная теснота. Кровли не было. Поэтому днём афиняне страдали от жары, а когда начались осенние ночи — от холода. Они терпели жажду и голод. Среди пленных начали распространяться болезни, многие умерли, и трупы оставались лежать среди живых. Затем большинство из них было продано в рабство. Никий и Демосфен были убиты сразу по прибытии в город. Гилипп, знавший Никия прежде и уважавший его за знатность рода, хотел пощадить его, но в смерти Никия были заинтересованы те из сиракузских рабовладельцев, которые прежде, во время успехов афинян, вели с ним тайные переговоры. Они поспешили избавиться от свидетеля своих изменнических планов.

Так бесславно окончилась сицилийская экспедиция. Долгое время в Афинах не могли поверить известию о постигшей их катастрофе в Сицилии. Ведь там погибла лучшая часть афинского войска и почти весь флот. Силы афинской морской державы были окончательно подорваны. Отдельные города стали безнаказанно выходить из Афинского союза, и афиняне уже не могли их удержать. Хотя война со Спартой длилась ещё около десяти лет, но сицилийская катастрофа предредила конечное поражение афинян.

ПОРАЖЕНИЕ АФИН

В Афины пришла весть о победе. В морском сражении у Аргинусских островов вблизи острова Лесбоса афинский флот под командованием незадолго перед тем выбранных стратегов потопил до 70 вражеских кораблей, остальные обратил в бегство и преследовал. Командующий неприятельским флотом Каллитид был смертельно ранен и утонул в море.

Вести о победах в эти годы не так-то уж часто приходили

в Афины. Шёл 25-й год изнурительной войны. Много за это время пережили афиняне. Опустошительные вторжения врага в первые годы войны, затем страшная эпидемия чумы, унесшая много афинских жизней, были уже в далёком прошлом. Но ещё большие бедствия пришлось пережить афинянам в дальнейшем. Рухнули их замыслы подчинить себе богатые города Сицилии. Сицилийская катастрофа стоила Афинам почти всего их флота и лучшей части войска.

Афинская морская держава на глазах разваливалась; афинская казна истощилась.

Особенно опасным было для афинян то, что враги их стали энергично действовать не только на суше, но и на море. Большую роль тут сыграли персидские деньги, на которые спартанцы значительно увеличили пелопоннесский флот. Денег же персы не жалели.

Вскоре в Спарте выдвинулся способный флотоводец Лисандр — решительный и в то же время очень осторожный, чрезвычайно честный и любивый человека, непримиримый враг афинской демократии.

В короткий срок Лисандру удалось восстановить пелопоннесский флот, сильно пострадавший за время предшествующих военных действий. Ему удалось одержать победу над афинянами в морском бою у мыса Нотий.

Но вскоре после этого успеха Лисандр, на счастье афинян, был отозван обратно в Спарту, так как окончился срок его службы. На его место был назначен спартанец Калликратид. При нём-то и произошло знаменитое сражение при Аргинусских островах, которое окончилось победой афинян.

Победа афинян была полной, при этом сами они потеряли всего 25 кораблей.

Сразу же после сражения афинские стратеги отрядили небольшую эскадру с поручением подобрать всех пострадавших с разбитых и затонувших кораблей, а также раненых и убитых, сами же с главными силами направились к Митилене. Оставшейся на месте боя у Аргинусских островов эскадрой командовали два триарха — Ферамен и Фрасибул. Они тотчас же попытались выйти в море, по которому плавали обломки разбитых кораблей с уцепившимися за них людьми, но в это время поднялась сильная буря. Ферамен и Фрасибул так и не смогли выполнить приказание стратегов. Почти все афинские моряки и воины с разбитых и затонувших кораблей, за исключением нескольких человек, выброшенных волнами на берег, погибли. В результате в Афины одновременно с известием о блестящей победе над неприятельским флотом у Аргинусских островов пришла и другая весть: о гибели многих афинских граждан, оставленных их товарищами без помощи.

Любая военная победа связана с жертвами. При других обстоятельствах радость большой победы была бы сильнее горя

от утраты родных, близких, сограждан. Но в истощённых военными лишениями Афинах всё это приняло иной оборот. Поэтому едва успели участвовавшие в сражении стратеги сойти со своих кораблей на родной берег, как на них посыпались обвинения.

Вскоре стратеги предстали перед судом народного собрания. Тут с обвинениями против них выступил целый ряд лиц; среди них были и Ферамен, и Фрасибул — те самые люди, которым стратеги поручили после сражения подобрать пострадавших. Чувствуя, что главная вина падает на них, они больше всех нападали на стратегов, требуя вынесения им сурового приговора. Стратеги, как могли, защищались, снова и снова упоминая о буре.

«Если вы хотите во что бы то ни стало кого-нибудь обвинить,— говорили они в своих защитительных речах,— то виновны прежде всего те, кому было поручено подобрать жертвы морского боя, то-есть Ферамен и Фрасибул. Но,— говорили они дальше,— хотя оба они теперь обвиняют не себя, а нас, мы повторяем, что единственной причиной того, что пострадавших в бою не удалось подобрать, была ужасная буря».

С горячей речью в защиту стратегов выступил один из участников собрания, некто Евриптолем. Он говорил своим согражданам:

«Вы станете невольными союзниками спартанцев, противозаконно осуждая тех, кто победил и уничтожил семьдесят кораблей... Счастливые победители,— вы хотите поступить так, как поступают только несчастные, потерпевшие поражение... Вы готовы осудить, как изменников, людей, которые не в силах были поступить иначе, чем они поступили... Не делайте же этого: правильнее увенчать победителей венками, а не, послушавшись совета дурных людей, подвергать их смертной казни».

Речь Евриптолема произвела на многих сильное впечатление. Тем не менее, когда подошло голосование, восемь стратегов, руководивших Аргинусским сражением, были приговорены к смертной казни. Шесть из них были казнены. Остальные успели бежать.

Афинское народное собрание, таким образом, само обезглавило руководство своим флотом — основной военной силой афинского государства. Последствия этого поступка были очень тяжёлыми. В результате одержанная афинянами у Аргинусских островов победа не была использована для нанесения новых ударов врагу.

Между тем и спартанцы, и их пелопоннесские союзники учли урок поражения при Аргинусах. Союзники отправили в Спарту особое посольство с требованием вернуть Лисандра в качестве командующего флотом. С такой же просьбой к спартанскому правительству обратился и сын персидского царя Кир. Особенно были заинтересованы в возвращении Лисандра крупные ра-

бывладельцы, которым он обещал власть и уничтожение демократического строя. Хотя по спартанским законам один и тот же человек не мог быть дважды командующим флотом, но спартанское правительство всё же сумело угодить своим союзникам и Киру. Командующим был назначен для виду некий Арак, Лисандр же — его помощником. На самом деле власть над флотом была целиком в руках Лисандра.

Узнав, что берега Геллеспонта афинянами не охраняются, он со всеми своими силами отплыл к городу Лампсаку, державшему сторону Афин. Сюда же были направлены и сухопутные силы спартанцев. Осаждённый одновременно и с суши, и с моря, Лампсак был взят приступом. Лисандр отдал его на разграбление своим войнам.

Между тем афинский флот численностью в 180 боевых кораблей подошёл в это время к устью Геллеспонта. Здесь афиняне узнали о падении Лампсака. Немедленно они двинулись дальше по проливу, подошли к городу Сесту и здесь запаслись продовольствием. Чтобы ещё ближе подойти к неприятелю, они поднялись от Сеста дальше на север и бросили якорь в устье небольшой речки Эгоспотама, впадающей в пролив со стороны Херсонеса Фракийского. На другом берегу пролива, почти напротив афинян, находился неприятельский флот, продолжавший стоять на якорях у Лампсака. Обе стороны готовились к новому большому сражению.

На следующий день ещё до восхода солнца Лисандр приказал всем своим матросам и кормчим взойти на корабли, занять свои места и быть готовыми к дальнейшим его приказаниям. На берегу были выстроены в боевой порядок сухопутные войска. Когда взошло солнце, афиняне подплыли сомкнутым боевым строем к неприятелю. Корабли Лисандра стояли повернутыми к ним носами. Афиняне стали вызывать врага на битву. Но корабли противника и выстроившееся на берегу его сухопутное войско стояли в полной тишине и неподвижности. Лисандр послал к передним кораблям лодки с приказом не двигаться с места и оставаться в строю, не смущаясь криками афинян, не выплывая им навстречу. Целый день крейсировали афиняне на виду кораблей Лисандра, не вступая первыми в бой. С наступлением сумерек они повернули обратно к своему берегу и расположились на ночь на своём прежнем месте в устье Эгоспотама. Лисандр разрешил своим морякам сойти на берег только после того, как посланные им в разведку два или три корабля донесли ему, что афиняне тоже высадились на берег.

На следующий день и на третий день повторилось то же самое. Снова афинские корабли подходили почти вплотную к боевому расположению Лисандра и снова тот не вступил с ними в сражение. Настроение афинян поднялось. Враг казался им испуганным и уклоняющимся от сражения. Они преисполнились к нему презрением.

На пятый день афиняне повторили свою очередную вылазку и, так как враг попрежнему не обнаружил никакого желания вступать в бой, то они с особенно надменным и пренебрежительным видом вернулись к своему берегу. Между тем Лисандр выслал на разведку несколько своих кораблей и приказал им, как только они увидят, что афиняне уже высадились, повернуться и со всей быстротой плыть обратно, на середине же пути поднять на носу одного из кораблей блестящий щит. Щит этот должен был послужить всему его флоту сигналом для выступления.

Разведчики донесли, что афиняне высадились на берег. В море засверкал на солнце щит, на командирском корабле заиграла труба, загрохотали якорные цепи, гребцы взялись со всей энергией за вёсла. Пелопоннесский флот быстро приближался к неприятельскому берегу.

Из афинских военачальников первым увидел с суши подплывающий флот врага Конон. Он был единственным из участвовавших в Аргинусском сражении стратегов и, кроме того, единственным по-настоящему понимающим дело афинским флотоводцем. Конон сразу же понял опасность. Он метался по берегу, одним приказывал, других просил немедленно же садиться на корабли. Но все старания Конона не привели ни к чему. Большая часть афинян разбрелась из лагеря во все стороны. Кто отправился в окрестные селения, кто на рынок, кто просто побродить. Те же, кто остался в лагере, либо спали в палатках, либо готовили себе завтрак. В ужасе повскакали они со своих мест и бросились к кораблям, но было уже поздно.

Враги, громко крича и ударяя вёслами, быстро подошли к афинским кораблям. Неопытность и беспечность командования, распушенность экипажей принесли афинянам гибель и поражение. Часть кораблей спартанцы захватили пустыми, часть пустили ко дну в тот момент, когда на них пытались взойти афинские моряки. Спартанцы высадились и на сушу. Здесь они встречали бегущих к своим кораблям и по большей части безоружных афинян и поодиночке или группами их уничтожали. Победа Лисандра была полная. Лисандр овладел почти всеми афинскими кораблями и перебил большую часть их экипажей и воинов. Три тысячи человек, в их числе и уцелевшие афинские стратеги, были им захвачены в плен. Из сражения у Эгоспотам спаслись только быстроходный государственный корабль «Парал» и восемь кораблей Конона. Конон успел бежать к Кипру, а «Парал» приплыл в Афины и привёз туда страшную для граждан весть о гибели всего афинского флота.

Спартанцы и их союзники торжествовали. Опустошив афинский лагерь и взяв на буксир афинские корабли, Лисандр под звуки флейт и победных песен вместе со всеми пленными отплыл в Лампсак. Здесь все три тысячи взятых в плен афинян были приговорены советом победителей к смерти.

Положение Афин после гибели всего флота и войска у Эгоспотам было безвыходным. У них уже не было сил и средств восстановить свой флот. Кроме того, враг не давал им передышки.

Вскоре Лисандр послал гонцов в Спарту с известием, что он направляется со своими двумястами кораблями на Афины. Под афинскими стенами уже стояла большая пелопоннесская армия, возглавляемая спартанскими царями. Когда корабли Лисандра подошли к афинскому берегу, город оказался осаждённым и с суши, и с моря. Но афиняне всё ещё не сдавались, хотя положение их было совершенно безнадёжным. У них не было уже ни союзников, ни флота. Вскоре не стало и продовольствия. В осаждённом городе начался голод, от которого каждый день умирало множество людей.

Наконец, доведённые до крайности афиняне направили к спартанскому царю Агису послов, выразивших готовность подчиниться Спарте при условии, что Длинные стены, окружающие Афины и Пирей, будут оставлены невредимыми. Агис ответил, что он сам не может заключить с афинянами мир, и предложил послам отправиться в Спарту. Когда же афинское посольство прибыло в Спарту и повторило там, на каких условиях афиняне предлагают заключить мир, спартанцы предложили им вернуться назад и, «если Афинам действительно нужен мир, лучше обдумать положение вещей».

Спартанцы не умели брать хорошо укреплённых городов, но они вовсе и не стремились штурмом овладеть Афинами. Они предпочитали хладнокровно ждать у афинских стен, когда голод сделает своё дело.

Афинских граждан охватило отчаяние: если сдаться, всех ожидает рабство; если вступить в новые переговоры, то, пока придёт ответ из Спарты, множество людей умрёт от голода. Но и при таких условиях никому не приходило в голову согласиться на срытие афинских стен, и когда какой-то из граждан внёс предложение сдаться на милость победителя без всяких условий, его немедленно заключили в тюрьму. Афинское народное собрание по этому поводу приняло особое постановление, запрещающее гражданам вносить такого рода предложения.

При таких обстоятельствах выступил уже известный нам Ферамен и предложил народному собранию отправить его послом к Лисандру: там он, мол, разузнает, требуют ли спартанцы срытия афинских стен для обращения всех афинян в рабство, или им это нужно только для того, чтобы обеспечить прочность мира со Спартой.

Его послали, и он пробыл у Лисандра три с лишним месяца, выжидая, пока афиняне не дойдут до такого состояния, что готовы будут согласиться на любые условия. Лишь на четвёртый месяц Ферамен вернулся в голодающий осаждённый город и сообщил, что Лисандр долго медлил с ответом и удерживал его

при себе, а в конце концов сказал Ферамену, чтобы тот отправился в Спарту.

Народное собрание, обсудив сообщение Ферамена, выбрало его вместе с ещё девятью послами для окончательных переговоров со спартамцами. При прибытии Ферамена и других послов к Спарте им был задан вопрос, по какому делу они сюда явились. Когда послы ответили, что они уполномочены говорить о мире, спартанские эфоры ввели их в самый город.

Здесь было созвано народное собрание спартанских граждан, на котором присутствовали представители Коринфа, Фив и других союзных Спарте городов. Союзники, особенно торговые соперники афинян — коринфяне и ближайшие их соседи фиванцы — требовали разрушения Афин и продажи всех жителей города в рабство. Один фиванец предлагал разрушить город и на месте его устроить пастбище для овец. Но спартанцев такое решение участи Афин не устраивало.

Спартанцы хорошо понимали, что если Афины действительно будут стёрты с лица земли, их место займёт тот же Коринф. Тогда он станет опасен для спартанцев. Поэтому они предпочли сохранить Афины для того, чтобы противопоставить их Коринфу и некоторым другим городам. В конечном счёте условия мира оказались не такими жестокими, как это можно было ожидать. Афины потеряли все свои прежние владения за исключением самой Аттики, Саламина и ещё двух небольших островков в северной части Эгейского моря. Афинский союз, фактически уже прекративший своё существование, объявлялся распущенным, а сами Афины вступали в союз со Спартой.

Потом Лисандр забрал у афинян все оставшиеся у них корабли за исключением двенадцати сторожевых и вступил со своими отрядами в город.

Вскоре были разрушены и знаменитые афинские Длинные стены, соединявшие город с гаванью Пиреем в единое укреплённое кольцо. Лисандр собрал всех флейтистов, какие нашлись в городе, и прибавил к ним тех, которые были у него в лагере. Под звуки музыки и победных песен, в присутствии всех союзников, одетых в праздничные одежды, с венками на головах спартанцы приступили к разрушению афинских укреплений.

Вслед за тем спартанцы посадили в Афинах своё правительство, получившее мрачное прозвище правительства «тридцати тиранов». В составе этих тридцати тиранов нашлось место и Ферамену. Ещё несколько месяцев потом в Афинах рекой лилась кровь сторонников прежнего демократического строя, беспощадно истребляемых тридцатью тиранами.

Так закончилась 27-летняя война между греками, которая привела к поражению Афин. Но результаты этой войны были ещё более серьёзны. Цветущая пора истории древней Греции окончилась навсегда.

БОРЬБА УГНЕТЁННЫХ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

У древних греков государства были очень небольшими. Каждый город с прилегающей к нему небольшой сельской округой обычно представлял собой и отдельное государство. На Балканском полуострове, на островах Эгейского моря, на западном побережье Малой Азии, а также на других побережьях Средиземного, Мраморного и Чёрного морей — везде, где жили греки, были сотни таких городов-государств. В одних из них у власти находились только самые богатые и знатные граждане, в других — существовали так называемые «демократии» и верховная власть принадлежала народному собранию, состоявшему из всех полноправных граждан, но во всех случаях это были государства рабовладельческие. Это значит, что правами в этих государствах пользовалось не большинство, а лишь меньшинство их населения, большинство же состояло из людей неполноправных и рабов. Рабовладельцы жили за счёт труда рабов.

Рабы в древней Греции были лишены каких бы то ни было прав. Рабовладелец мог купить и продать раба, убить его безнаказанно. Раб не считался человеком. На него не распространялись и его не защищали законы. Если на суде нужны были показания раба, их получали от него только под пыткой. В рабах видели не людей, а «говорящие орудия». В зависимости от того, как это орудие можно было использовать, определялась и цена на раба. Рабы и рабовладельцы были двумя основными классами в рабовладельческих государствах. Рабы трудились по принуждению, из-под палки. За уклонение от работы или неповиновение их жестоко наказывали: били, истязали, заставляли работать закованными в кандалы. Рабы ненавидели своих хозяев. Ненависть их к рабовладельцам часто выражалась в том, что они портили инструменты, убивали скот, поджигали дома своих хозяев, при малейшей возможности убегали.

Побеги, правда, удавались лишь немногим. Поимкой беглых рабов занималось и государство, и частные лица. За поимку рабов обычно объявлялись большие денежные вознаграждения. Отдельные греческие города заключали между собой особые договоры о выдаче беглых рабов. Убежавшим рабам повсюду угрожала опасность быть пойманными и выданными их хозяевам. В таких случаях они подвергались жестокой расправе: их нещадно до полусмерти избивали плетью и выжигали калёным железом на их теле клейма. Для предотвращения новых побегов рабам надевали цепи на ноги и железные ошейники на шею. И всё-таки рабы продолжали убегать.

Единственным убежищем для бежавших рабов были некоторые храмы. Храм Тесея в Афинах, храм Аполлона в Дельфах, храм в Гортине на острове Крите и другие считались у древних греков местом, куда мог скрыться и найти временное убежище политический преступник, убийца и даже беглый раб. По грече-

ским верованиям убийство в храме считалось большим преступлением. Но как только искавший там спасения, например под влиянием голода, покидал храм — его ожидала беспощадная расправа. Только в исключительных случаях бежавший в храм раб мог просить, чтобы его передали другому, менее жестокому рабовладельцу.

Особенно часты были побеги рабов во время войн. В таких случаях рабы использовали вносимые войной перебои в обычную жизнь и нередко перебежали на сторону неприятеля. Когда в 414 году во время Пелопоннесской войны спартанцы вторглись в Аттику и заняли постоянным гарнизоном Декелию, на их сторону перебежало более 20 тысяч афинских рабов. В их числе было много ремесленников. Побег стольких рабов тяжело отразился на положении Афин. Во время морского похода афинян в Сицилию и осады Сиракуз рабы-гребцы также перебежали с кораблей афинского флота к неприятелю.

Побеги рабов, особенно переходы их на сторону неприятеля во время войны, были одной из форм классовой борьбы угнетённых против их угнетателей. Другой, гораздо более опасной для рабовладельцев формой этой борьбы были восстания. К сожалению, мы мало знаем об этих восстаниях. Древние писатели принадлежали к классу рабовладельцев, и не в интересах этого класса было давать описания восстаний им же угнетаемых масс. Но всё же отдельные сведения об этих восстаниях время от времени просачивались на страницы произведений греческих писателей. От них мы, например, знаем, что одним из наиболее ранних выступлений рабов в Греции было восстание 494 года до новой эры в Аргосе. Этот город воевал со Спартой и потерпел поражение. Этим и воспользовались аргосские рабы. Они захватили обезлюдевший город и создали в нём своё управление. Всё же рабам не удалось на долгое время удержаться в Аргосе, но когда они после длительных военных действий были оттуда вытеснены, они с боем заняли другой близлежащий город — Тиринф. Только с большим трудом удалось рабовладельцам подавить восстание.

Далее известно, что около 488 года до новой эры произошло большое восстание рабов в сицилийском городе Селинунте. По времени это восстание также совпало с войной, которую Селинунт вёл с карфагенянами. После одного из сражений много убитых граждан Селинунта осталось лежать вблизи города непогребёнными. Тогда один из селинунтских младших командиров, Фирон, попросил дать ему триста рабов, с которыми он мог бы соорудить костёр и сжечь трупы павших воинов. Селинунтцы согласились на это. Фирон набрал нужных ему рабов, вывел их из города, снабдил оружием и вместе с ними напал на город. Заняв город, он стал селинунтским тираном. Что было дальше с рабами, восставшими под руководством Фирона, мы не знаем — греческие историки об этом молчат.

Особенно часты были восстания илотов в Спарте. Они также стремились использовать любой благоприятный момент для выступления против ненавистных им спартанцев. Так, когда в 464 году в Лаконии произошло страшное землетрясение и в самом городе Спарте почти все дома оказались разрушенными, илоты воспользовались общим замешательством и подняли большое восстание. Это восстание продолжалось несколько лет и только ценой исключительного напряжения сил и то с помощью своих союзников спартанцам в конце концов удалось его подавить.

Борьба с эксплуатируемыми и угнетёнными отнимала много сил у рабовладельцев и держала их в постоянном напряжении. Чтобы предупредить восстания, рабовладельцы старались не держать вместе большого числа рабов, говоривших на одном и том же языке: так они могли легче сговориться о совместном выступлении. Но главные надежды рабовладельцы возлагали на своё государство. Не будь в руках господствующего класса рабовладельцев государственной власти они не смогли бы держать в повиновении угнетённые массы. Рабы, говорил один из древних греческих писателей,— это такая собственность, обладание которой связано со многими неприятностями.

Борьба рабовладельцев и рабов проходит через всю историю греческого общества.

В АФИНСКОЙ ШКОЛЕ

Когда афинскому мальчику, сыну состоятельного афинского гражданина, исполнялось семь лет, его отдавали в школу. До этого возраста он проводил время дома, на женской половине, играя с братьями и сёстрами, слушая песни рабынь, трудившихся над пряжей, тканём, вышивкой, приготовлением пищи, или сказки няни и матери. Ни один посторонний мужчина не входил на женскую половину, и только изредка отец водил своего сына в гости или разрешал ему присутствовать, когда гости собирались у него в доме.

Но не только радости были у детей. Были у них и печальные минуты, когда за провинности раб-нянька, называвшаяся *педагогом*, или отец жестоко поучали их палкой, потому что это считалось самым хорошим средством воспитывать детей, когда уговоры на них не действовали. Вообще детей не слишком баловали: купали в холодной воде, заставляли выходить легко одетыми даже в самые холодные дни, чтобы они стали крепкими и закалёнными. Однако их совсем не приучали к работе. Ведь у родителей были рабы, которые должны были обслуживать во всём и взрослых, и детям, и малыш с раннего возраста привыкал смотреть с презрением на труд, считать, что неприлично работать ему, сыну свободного гражданина. С детства внушали ему, что трудиться должен раб, а его задача — развивать свой

Рисунки с вазы Дуриса и общий вид вазы.

ум и укреплять тело, чтобы быть достойным членом народного собрания, государственным деятелем, храбрым воином, полководцем.

С семи лет начиналось обучение. Прощай, женская половина

и игры с сёстрами! Девочек в школу не отдавали. Ведь афинские женщины не участвовали ни в выборах, ни в народном собрании, ни в судах. Всё, что от них требовалось, это быть скромными, покорными жёнами и домовитыми хозяйками. Чем реже показывались они на людях, тем больше гордился ими отец и муж. А для такой жизни вполне достаточно было обучить их дома ткать шерсть, печь хлеб да присматривать за рабынями.

...И вот мальчик идёт в школу. Только что взошло солнце, а двери школы уже открыты. Отовсюду к ним стекаются ученики, от семи до шестнадцати лет. За ними следуют рабы, обязанные сопровождать господских сыновей в школу. Они несут за мальчиками учебные принадлежности — деревянные, покрытые воском таблички для письма, палочки—*стилосы*, которыми на них писали, а для старших мальчиков — и лиру, на которой они учились играть.

Школу держал учитель, которому родители платили за обучение детей. Афиняне, как и все рабовладельцы, презирали всякого, кто работал за плату, и потому учителя не пользовались большим уважением в обществе. Когда о каком-нибудь человеке долго не было вестей, знакомые говорили: он, верно, или умер, или сделался учителем. Этим они хотели сказать, что пропавший ведёт слишком жалкую жизнь, чтобы подать о себе весть друзьям. Это не мешало учителям, так же как педагогам и отцам, щедро наделять непослушных и невнимательных учеников палочными ударами, так что спина ученика делалась «пестрее шкуры змеи».

Обычно в школе училось несколько десятков (иногда и более сотни) мальчиков. При входе в школу стояла статуя бога, покровителя наук и искусств, Аполлона и статуя одной из девяти *муз*. Как и Аполлон, музы у греков считались покровительницами наук.

В школе мальчика прежде всего начинали учить грамоте. Чтобы обучение шло легче, учитель давал ему глиняные таблички, на которых были написаны буквы и слоги, и он постепенно обучался складывать из них слова. Для учеников составлялись особые пьесы, в которых действующими лицами были буквы. Грамоте обучали долго, года три. Сперва учили писать на восковых табличках, потом и на свитках *папируса*, похожего на нашу бумагу и изготовлявшегося из росшего в Египте растения — папируса, на котором писали заострённым тростником тушью.

Осилив грамоту, ученики приступали к чтению Гомера. Сидя на кресле с высокой спинкой, учитель развёртывал на столе свиток¹, на котором были написаны песни «Илиады» и «Одиссеи». Разместившись вокруг него на низеньких скамеечках, мальчики внимательно слушали чтение. Прочитав какой-нибудь отрывок, учитель разъяснял его ученикам, рассказывая о богах и героях, упомянутых в стихах, о политических учреждениях и битвах. На примерах героев гомеровских поэм он старался внушить им, каким должен быть хороший гражданин, свободный

¹ У греков не было печатных книг, писали они на длинных папирусных листах, навёртывавшихся на палку (*свитки*).

грек, не раб. Читал он и поэму древнего поэта Гесиода о происхождении богов, сотворении мира и людей, о том, как первые боги, гиганты, воевали со сменившими их богами — олимпийцами. А в другой поэме Гесиода «Труды и дни» рассказывалось, как надо вести сельское хозяйство, как выбирать корабль для плавания, как разбогатеть от торговли. Когда-то, говорил Гесиод, было время «золотого века», тогда все были равны и земля сама давала обильные плоды. Но шло время, люди делались всё хуже и хуже, и боги разгневались на них и отняли свои дары. Ушла справедливость из мира, землёй завладели цари, настал жестокий «железный век», когда люди стали свирепы и воинственны и сильные угнетают слабых. Но он советовал слабым не роптать и не возмущаться: как бы хорошо ни пел соловей, ястреб может его съесть; как бы ни был прав и добродетелен простой человек, знатный всегда может его погубить.

Поэмы Гесиода считались очень полезными для детей. Они давали много сведений по ведению хозяйства, а каждый афинянин должен был научиться управлять своим домом; они учили повиновению, а каждый хороший гражданин должен был уметь повиноваться. Изучали в школе и других поэтов, особенно таких, которые в своих стихах давали полезные советы. Прочитав стихи, учитель вызывал ученика и заставлял его читать, в свою очередь требуя, чтобы он произносил слова правильно и с выражением. Затем стихи заучивали наизусть. Образованный человек должен был знать наизусть множество стихов Гомера и других поэтов и уметь к стати привести их в застольной беседе или в речи на народном собрании или в суде.

Познакомившись с литературой, мальчики начинали изучать игру на кифаре, на лире и на флейте, а также пение. Всякий афинянин должен был уметь играть и петь. С раннего возраста хоры мальчиков участвовали в музыкальных состязаниях во время игр и празднеств, а впоследствии, став взрослыми, пели в праздничных хорах или выступали на состязаниях певцов. Кроме того, греки считали, что изучение музыки возвышает и облагораживает человека, как и знакомство с математикой. Арифметика и начала геометрии поэтому тоже преподавались в *музыкальных* школах, но не слишком подробно. Тогда арифметика была сложным делом. Греки не знали цифр, подобных нашим, и обозначали цифры буквами алфавита. Это делало очень трудными и громоздкими задачи с многозначными числами, и дальше изучения четырёх действий арифметики в школе не шли. Да, кроме того, афинская школа и не ставила себе целью подготовить учеников к работе, требовавшей сложных практических знаний. Работа была уделом рабов, иностранцев, вольноотпущенников, детей которых в музыкальную школу не принимали. Небогатые афиняне не могли содержать в школе сыновей в течение девяти лет, как это делали состоятельные родители. Беднякам приходилось усваивать разве только грамоту, а потом они возвращались

домой, чтобы научиться у своих отцов обрабатывать поле, ухаживать за скотом или перенимали их ремесло. Мальчики же из состоятельных семей учились в музыкальных школах до 16 лет.

Одновременно, с 12—13 лет, мальчики начинали посещать *гимнастические* школы, а с 14 лет гимнастика почти совершенно вытесняла в их жизни музыкальную школу. Изучение гимнастики считалось не менее важным, чем знакомство с музыкой и литературой. Ведь гражданин должен быть и воином, а кому же нужны такие войны, говорили афиняне, которые дрожат на морозе, слабеют от жары, задыхаются от пыли, слабы и неповоротливы, которые не умеют ответить на удар ударом, переплыть реку или догнать убегающего врага. Просидев первую половину дня в музыкальной школе, мальчики отправлялись в *палестру* — так назывались гимнастические школы. Скинув одежду и натерев кожу оливковым маслом, чтобы она стала упругой и гладкой, они выходили на усыпанное песком открытое пространство, где происходили упражнения. Учитель гимнастики, вооружённый тростью, которой он действовал не менее усердно, чем учитель музыкальной школы, уже поджидал своих учеников. Начинались упражнения: бег, борьба, прыгание, метание диска и копья. Здесь, готовясь к состязаниям на играх и к войне, юноши стремились стать сильными, ловкими и быстрыми.

Вот несколько человек бегут по полю, усыпанному толстым слоем песка. Ноги вязнут, бежать трудно, но они крепятся — это хорошая подготовка для бега на олимпийских играх или для бега с факелами в праздник Панафиней. А вот двое борцов — победителем будет тот, который трижды положит на спину другого, сам устояв на ногах. Когда они усвоят все приёмы борьбы, они перейдут к кулачному бою — одному из самых трудных упражнений, при котором на руки бойцов одевались ремни, снабжённые шипами. Тот, кто много занимался кулачным боем, не будет бояться ран на войне и теряться от вида крови. Юноша с каменными гириями в руках готовится к прыжку через ров. Другой ученик держит в откинутой назад руке выпуклый диск. Сейчас он метнёт его и диск полетит, описывая в воздухе дугу. Удастся ли ему метнуть диск на 30 или более метров, как делали это прославленные метатели диска — дискоболы? В другой части палестры юноши изучают приёмы метания копья: как нужно бросить его, чтобы оно пролетело как можно дальше и точно попало в цель.

Сюда, в палестру, часто приходят и взрослые, любители гимнастики. Приходят известные философы — поговорить с юношами, познакомить их со своими учениями. Здесь же на палестрах юноши обучаются танцам под музыку кифар и лир. Пляски соединялись с пением — ведь если им придётся выступить в хоре во время театральных представлений, они должны уметь и петь, и плясать одновременно...

Кроме частных палестр, были в Афинах и три гимнастические

школы — гимнасии, принадлежавшие государству. Это были Академия, Ликей и Киносарг. На содержание их давали средства, по предписанию государства, богатые граждане, называвшиеся гимнасиархами. Впоследствии Академия прославилась благодаря тому, что там учил знаменитый философ Платон, а Ликей благодаря школе, созданной там философом Аристотелем, одним из самых прославленных учёных древности.

Когда молодые афиняне трёх первых имущественных разрядов достигали 18 лет, они кончали учение в школах и гимнасиях и шли на военную службу, становились эфебами. Эфеб — это «юноша», и, став эфебом, мальчик считался уже не ребёнком, а совершеннолетним. Теперь имена их вносились в списки их родного округа — дема. Это была важная и торжественная церемония, потому что внесённый в списки становился полноправным гражданином, мог участвовать в народном собрании, управлять своим имуществом и, когда достигнет определённого возраста, занять любую государственную должность. Граждане дема, демоны, рассматривали и проверяли каждого вносимого в список: граждане ли его отец и мать, достиг ли он действительно 18 лет и действительно ли он свободорождённый. Такую же проверку повторяли и члены совета. Если демоны допускали ошибку и вносили в списки человека «нечистой крови», их судили, а если кто-нибудь обманывал демонов, пытаясь «незаконно» попасть в списки граждан, то его привлекали к суду.

Но вот, наконец, все испытания окончены, и юноши внесены в списки. Теперь они стали гражданами и приносят торжественную присягу на верность родному городу.

Эфебы должны были провести два года в афинских крепостях — Мунихии и Акте, обучаясь военному делу и неся гарнизонную службу. Там эфебы учились плавать, бегать в полном вооружении, ездить верхом, стрелять из луков и пращей, обращаться с военными машинами. Через год они должны были показать собравшемуся народу, чему они научились и получить от государства щит и копье. Если оказывалось к концу второго и последнего года службы, что они хорошо выполнили свой долг, повиновались законам и начальству, соблюдали строгий порядок и неизменно оставались на своём посту, совет предлагал народному собранию наградить эфебов, их учителей и начальников. Им присуждались венки и почётные места на играх, и постановление народного собрания высекалось на мраморной плите, которая ставилась на площади ко всеобщему сведению.

Но эфебы за время своей службы не только упражнялись в гимнастике и обучались военному делу. В свободное время они посещали театры и палестры, частные дома и общественные портики, где афинские и приезжие философы, учёные и ораторы вели беседы и поучали желающих. Особенно много слушателей собирали так называемые учителя мудрости — софисты. Когда по городу разносился слух, что приехал софист Протагор из

фракийского города Абдер, или Продик с острова Коса, или Горгий из Леонтии в Сицилии, толпы юношей и взрослых афинян уже с раннего утра собирались к дому, где остановился прославленный гость. Завязывались споры, возникали диспуты, до которых афиняне были большие охотники. Больше всего рассуждали о том, каким должен быть человек, чтобы быть названным прекрасным и добродетельным, как должен он жить и что должен он знать, чтобы принести пользу государству и чувствовать себя счастливым. В ходе этих бесед возникало много других вопросов: какова природа человека, как возникло государство, что такое счастье, что такое справедливость, как следует относиться к богам и как устроен мир.

Молодёжи нравились смелые мысли, которые проповедовали софисты, их умение говорить красноречиво и убедительно. Они умели так представить самую сомнительную вещь, что все начинали ей верить; они брались с одинаковым блеском и силой доказывать и обосновывать самые противоречивые положения и прямо противоположные мнения.

Многие молодые люди, которые собирались выдвинуться своими искусными речами в народном собрании или суде, рады были пойти в учение к софистам, чтобы научиться так же красиво говорить, так же убедительно приводить доказательства в пользу защищаемого ими мнения. Софисты не отказывались брать учеников, но брали большую плату за обучение. Многие резко осуждали их за это. Ведь по тогдашним понятиям всякий, бравший деньги за свой труд, унижал себя и даже унижал своё дело. О софистах презрительно говорили, что они торгуют мудростью, но количество их учеников от этого не уменьшалось.

Многих, особенно аристократов, возмущали идеи, которые они внушали молодёжи. Не разрушится ли государство, думали они, если каждый начнёт обо всём судить по своему разумению? Вот Протагор учит, что всякий человек от рождения наделён чувством совести и правды и потому он может участвовать в жизни государства, которое должно быть основано на справедливости. Значит, и простой ремесленник, и метэк, и даже раб ничуть не хуже знатного афинского гражданина? Действительно находились среди софистов и такие, которые решались выступать против рабства. А другие проповедовали, что иноземцы ничуть не хуже афинян. И притом ещё позволяли себе такие неслыханно вольные суждения о богах! Некоторые из них прямо говорили, что богов нет, что их придумали для того, чтобы внушать страх нарушителям законов, или по невежеству, приняв за богов солнце и луну, гром и молнию. И хотя афиняне хвалились, что ни у кого нет такой полной свободы, как у них, они обвинили Протагора в богохульстве, судили его и приговаривали к смерти. Знаменитому софисту пришлось бежать из Афин.

Проучившись некоторое время у какого-нибудь известного софиста, богатый молодой афинянин считал, что его образование

закончено. Теперь он мог надеяться выдвинуться на войне, выйти победителем на любых играх, обратить на себя внимание своими речами в народном собрании или суде. Он мог блеснуть в кругу друзей кстати сказанным стихом, в споре с философом — рассуждением об обязанности человека и гражданина, на празднике — песней и пляской в хоре. Он умел также отдавать приказания своим рабам, которые возделывали поле или трудились в мастерской. Для него этих знаний было вполне достаточно. Теперь он был уверен, что принадлежит к лучшим, благороднейшим и образованнейшим людям и может свысока смотреть на тех, кто всю жизнь работал на него и обеспечил ему досуг для усовершенствования его ума и тела.

АБДЕРСКИЙ МУДРЕЦ

Во второй половине V века до новой эры во всех греческих государствах только невежественные люди не знали, кто такой Гиппократ. Он был самым известным человеком во всей Греции. Это был великий врач, спасший жизнь многим. Со всех концов Греции к нему приходили учиться врачебному делу, но ещё больше людей приезжало к нему лечиться. А если случалась эпидемия и заболело много людей или если заболел какой-либо известный и замечательный человек, Гиппократ сам приезжал на помощь.

Однажды к Гиппократу приехали люди из большого торгового города Абдер. Они рассказали Гиппократу, что Демокрит, самый уважаемый гражданин Абдер, занимавший здесь высшую государственную должность архонта и известный своей мудростью, стал вести себя странно и нелепо: растратил большую часть отцовского наследства, не занимается ничем путным, а целый день сидит у себя в саду, вскрывает трупы зверей и пишет какие-то странные сочинения. Родственники Демокрита, желая завладеть остатком его имущества, подали на него в суд за то, что он бесполезно растратил родовые деньги на путешествие, которое не принесло ему никакого барыша, а также за то, что родовой участок земли, занятый садом и виноградниками, он оставил без надзора и присмотра. По его участку ходил скот, и цветущая усадьба постепенно превратилась в дикую заросль кустов и чертополоха. По абдерским законам, гражданин, совершивший такое преступление, лишался всех прав, изгонялся из страны, и даже после смерти его труп не мог быть похоронен в пределах государства.

Но другие абдериты (жители Абдер) не были так жестоки. Они считали, что Демокрит просто сошёл с ума и что Гиппократ, может быть, сможет вылечить его от этой болезни. Они попросили Гиппократа приехать в Абдеры как можно скорее — суд над Демокритом состоится в ближайшее время, и, чтобы не опоздать, Гиппократ должен поторопиться.

Гиппократ был очень огорчён этим сообщением. Он слышал, что Демокрит был замечательным учёным: он занимался естествознанием, математикой, историей, литературой. Не мог он допустить, чтобы такой человек погиб.

И Гиппократ, оставив своих больных и своих учеников и поручив лечение больных самым опытным из своих товарищей, отплыл в Абдеры.

Высадившись в Абдерах, Гиппократ узнал, что он едва-едва поспел: суд над Демокритом должен был состояться в тот же день. Гиппократ поэтому отказался даже отдохнуть и закусить и потребовал, чтобы его немедленно же провели к больному.

Демокрит не жил в городе — он предпочитал свежий воздух и уединение. Абдериты провели Гиппократа через рыночную площадь и по людным улицам этого большого и оживлённого приморского города к его окраине, и вскоре он по длинной платановой аллее подошёл к домику Демокрита.

Этот дом находился у городской стены, на берегу залива. За башней, возвышавшейся над городской стеной, Гиппократ увидел высокий холм, заросший тенистой рощей из высоких густолиственных тополей. У этого холма стоял домик Демокрита, а близ него, в тени платана, широкого, низкого и не пропускавшего лучей солнца, сидел на камне сам Демокрит в простом домашнем халате, бледный и исхудавший, непричёсанный, с разросшейся во все стороны бородой. Справа слышался тихий плеск волн залива, набегавших на берег. Наверху холма виднелся живописный маленький храм, весь заросший побегами дикого винограда.

Демокрит, сидя на камне, держал на коленях развёрнутый папирусный свиток; справа и слева от него были разбросаны ещё и другие свитки. Несколько поодаль, под навесом, лежали животные со вскрытыми внутренностями. Сам Демокрит с увлечением работал; папирус лежал у него на коленях, и для того, чтобы писать, ему приходилось низко наклонять голову. Иногда он переставал писать, вскакивал и останавливался в глубоком раздумьи, что-то шепча про себя. Затем он начинал ходить взад и вперёд. Потом подходил к навесу, брал в руки внутренности животных и рассматривал их, клал на место и снова в задумчивости садился на камень.

— Ну, разве ты не видишь, что он сумасшедший? — спросили абдериты у Гиппократа.

— Нет, пока не вижу.

— Да что ты! Какой же человек, если он в своём уме, станет резать животных и часами рассматривать их внутренности, хотя эти животные ни в пищу, ни для гадания по внутренностям уже не годятся! Кто, кроме сумасшедшего, станет целые месяцы проводить в одиночестве, без человеческого общества! Ведь Демокрит до сих пор не женат. Он не смотрит за своим виноградником — в нём бродят козы и поедают его; сад и огород сплошь заросли бурьяном...

— Всё это ещё ничего не говорит о сумасшествии.

— Ах, тебе мало этого! Но Демокрит не признаёт того, что известно всем людям! Все знают, что дождь посылают людям боги для того, чтобы рос хлеб. А он заявляет, что дождь происходит от того, что ветер гонит тучи друг на друга; если одна туча наскочит на другую и прорвёт её, то из неё вытекает вода — это и есть дождь. Он говорит, что бог не наказывает людей за дурные дела, что законы не даны людям с самого начала мира, а что люди сами выдумали законы. И, наконец, он считал, что весь мир состоит из огромной пустоты и мельчайших тел самой различной формы, не имеющих ни цвета, ни вкуса, ни запаха. Он называет их «атомы». Все предметы, которые мы видим, по его мнению, только соединения таких атомов. Кто, кроме сумасшедшего...

Но абдерит не успел договорить эти слова, как произошло нечто странное и непонятное. Большая черепаха свалилась прямо с неба на голову говорившего. Удар был так силен, что абдерит упал на землю.

Остальные не знали, что и подумать. Они подняли взоры вверх и увидели огромного орла, летящего в сторону. Орёл по представлениям людей того времени был птицей-вестником бога Зевса.

— Такое дело не могло произойти случайно! — сказали в один голос абдериты. — Это знамение, посланное Зевсом.

Один из абдеритов говорил, что к лежащему нельзя прикасаться — его явно поразил гнев богов за то, что он кого-нибудь обидел. Грех может перейти на того, кто прикоснётся к его телу.

Гиппократ, разорвав на полосы одежду раненого, наскоро перевязал его. Он помог абдеритам отнести его домой и сказал:

— Безразлично, из-за чего случилось это несчастье, но если вы не окажете помощи пострадавшему, тогда вас самих постигнет гнев богов! Оставайтесь с ним, а я пойду к Демокриту.

Когда Гиппократ снова пришёл на окраину города к Демокриту, тот был уже не один. У него сидел гость, философ Архил, называвший себя учеником великого мудреца Пифагора. Несмотря на свою молодость, Архил держался важно, как и все ученики Пифагора. Пифагорейцы никому не рассказывали всего, чему учил их Пифагор, они уверяли, что их учитель был не просто человеком, а почти богом. Важные, в снежнобелых одеждах, пифагорейцы неохотно делились своей премудростью, и только презрительно смеялись, когда другие учёные изучали природу или занимались медициной: «Звери, травы, моря, горы — всё, что мы видим, слышим, чувствуем, — всё это обман, всё это нам только кажется. Всё это — видения, сны, которые посылают нам бессмертные боги».

Поздоровавшись с Гиппократом, Демокрит и Архил продолжали свой спор.

— Как, Демокрит? — восклицал Архил. — Неужели и ты, муд-

рец, веришь нашим чувствам — зрению, слуху? Разве ты не знаешь, как они обманчивы? Видишь лодку, плывущую по заливу? Вёсла её кажутся переломанными там, где они погружаются в воду. А ведь это — обман зрения: ты сам знаешь, что вёсла эти не сломаны, а целы. А наш слух! Посмотри, вот я бросаю на землю зерно пшеницы. Слышишь ли ты что-нибудь? Ничего! А если я брошу два зерна? Конечно, тоже ничего: ведь если первое зерно не издаёт звука при падении и второе не издаёт звука, то и оба вместе падают бесшумно. И три и четыре зерна тоже. Но вот я бросаю кучу зёрен — и мы слышим шум. Откуда же он взялся? Ведь каждое зерно по отдельности не издаёт звука, а куча состоит из зёрен. Всё это — обман, Демокрит, обман, который посылают нам бессмертные боги! Опустив руку в воду — рука свободно войдёт в неё, как и во всякую жидкость. Но наступит зима, и эта вода станет твёрдой — она превратится в лёд; нагрей её, и она исчезнет в воздухе, превратившись в пар. Откуда взялись лёд и пар там, где мы видели и чувствовали воду? Все наши чувства обманывают нас, Демокрит; истину может познать лишь разум, данный нам бессмертными богами!

Демокрит засмеялся.

— Итак, Архил,— сказал он,— ты не веришь нашим чувствам? Ты веришь только бессмертным богам. Но откуда же ты узнал об этих бессмертных богах? Кто поведал тебе о них?

— Как кто? — удивился Архил,— посмотри на этот холм, на эту рошу, на этот морской залив! Кто создал эти чудеса природы, как не Зевс? А разве ты не бывал в святилище Аполлона, не слышал чудесных предсказаний, которые всегда сбываются? Помнишь, как Аполлон предсказал лидийскому царю Крёзу, собиравшемуся в поход на Персию: «Крёз, Галис перейдя, огромное царство разрушит». И точно: Крёз разрушил огромное царство: своё собственное. А разве ты не слышал...

— Погоди,— прервал Демокрит,— ты хочешь, чтобы я *посмотрел* куда-то, спрашиваешь меня, *слышал* ли я... Ты сам говоришь, что нельзя верить зрению и слуху, а о своих бессмертных богах ты, оказывается, узнаёшь с помощью слуха и зрения! Выходит — сколько ни ругай чувства, а обойтись без них всё-таки нельзя. Право, если бы чувства могли говорить, они сказали бы разуму: «Несчастный разум, всё, что ты знаешь, ты узнал от нас, и, однако же, ты хочешь доказать наше ничтожество. Но победив нас, ты победишь и самого себя!» Что же касается меня, то я готов согласиться, что чувства иногда обманывают нас. Конечно, зерно, упав на землю, издаёт звук, но звук этот слишком слабый, и нашего слуха не хватает на то, чтобы его слышать. А куча зёрен издаёт более сильный звук — вот мы его и слышим. Откуда взялся лёд или пар из воды? Я думаю, что и вода, и лёд, и пар, и вообще всё на свете состоит из мельчайших частиц — атомов. Частицы эти настолько малы, что мы

их не видим. Но они существуют, а между ними находится пустое пространство. Когда мы охлаждаем воду, атомы приближаются друг к другу; из жидкой воды получается твёрдый лёд. Когда мы нагреваем воду, атомы расходятся — получается лёгкий пар, незаметный в воздухе. Никаких чудес на свете не бывает — всё происходит по точным законам, и людям нечего выдумывать бессмертных богов.

— Хорошо, Демокрит, — вмешался Гиппократ, — то, что ты говоришь, похоже на правду. Но если ты отрицаешь чудеса, как ты объяснишь такой удивительный случай. Когда я шёл к тебе, на голову одного из твоих земляков с неба упала черепаха и разбила ему череп. Мы недоумеваем, как это могло случиться.

— А не было ли поблизости орла?

— Как же, мы видели огромного орла, улетавшего с места происшествия.

— Ну, тогда дело объясняется совсем просто. Орлы любят лакомиться черепахами, но, когда черепаха спрячется в свой щит, орлу никак не достать её оттуда. Как же добраться до черепашьего мяса? Орлы делают следующее: они берут в когти черепаху, спрятавшуюся в свой щит, и взлетают с ней высоко в воздух. Сверху они бросают черепаху вниз на что-нибудь твёрдое. Щит разбивается, и орлы могут питаться в своё удовольствие черепашьим мясом. Надо думать, что так было и с моим земляком. Черепаха случайно упала ему на голову, и череп его, естественно, не мог не треснуть!

— Как просто ты всё объяснил! — воскликнул восхищённый Гиппократ. — А мне уж стало казаться, что на этот раз без помощи бога или судьбы дела не объяснить.

— Никакой судьбы нет, — ответил Демокрит. — Люди сами выдумали судьбу, чтобы оправдать свою беспомощность и нерешительность. Всё имеет свою причину.

Архил презрительно засмеялся. Гиппократ задумчиво покачал головой.

— Ну, это уже ты, кажется, преувеличиваешь, — сказал он. — Вот, например, мой сосед был бедняком, но, раскапывая свой сад под оливу, нашёл целый горшок с золотыми монетами и стал сразу богачом. Неужели же он не обязан этим судьбе или случаю — называй, как хочешь?

— Ничего подобного. В своё время на вас напали персы. Жители бежали, куда глаза глядят. Тащить с собой имущество было тяжело и небезопасно. Поэтому бывший владелец зарыл своё золото в землю. Он сделал это не потому, что такого его судьба, и не случайно, а на это была причина — вторжение персов.

— Согласен, здесь случай не при чём. Но почему золото досталось моему соседу?

— Опустевшие участки были розданы оставшимся гражданам. Кто-то из них должен был получить и участок, на котором закопано золото. Участки распределяли по какому-то плану, и по

этому плану участок получил твой сосед. И здесь случай не при чём. Наконец, для того, чтобы засадить оливу, надо было вскопать сад на большую глубину. И здесь не при чём случай. А раз твой сосед копал достаточно глубоко, он не мог не натолкнуться на горшок с золотом.

— Ты прав, Демокрит. Настоящий учёный не может иначе рассуждать. Если бы я в медицине верил в судьбу и во вмешательство богов в человеческие дела, то незачем было бы отыскивать подходящую диету и лекарства, незачем было бы делать операции, — достаточно было бы пошептать заклинание и помолиться богам об излечении. Так, действительно, лечат жрецы в храмах, но пользы от их лечения нет никакой.

— И ты тоже, Гиппократ, — удивился Архил, — ты тоже соглашаешься с этими безбожными речами? Ты тоже видишь великую премудрость в том, чтобы ковыряться в звериных кишках? — он презрительно указал рукой на вскрытые тела животных, лежащие в саду у Демокрита. — Да ведь это не настоящая наука, этим умеют заниматься и египтяне, и прочие варвары!

— Варвары! — воскликнул Демокрит. — Я не люблю этого глупого слова. Меня с детства обучали восточные мудрецы, а позже я более десяти лет путешествовал по варварским странам, как ты называешь их, Архил. О мудрости варваров я мог бы рассказать много интересного.

— Очень прошу тебя, Расскажи, — сказал Гиппократ. — Меня самого всегда интересовала восточная наука.

— Так слушай. Более пяти лет я провёл в Египте, где учился у египетских жрецов. Как мудро обуздали египтяне Нил, заставив его служить им и из году в год поливать их поля! Им теперь нипочём отсутствие дождей в Египте. Чтобы изучить египетскую систему орошения, я поднялся на корабле до верховьев Нила. Таких сооружений нельзя построить, не зная математики, и я понял, что египтяне гораздо лучшие математики, чем мы, греки. Я три года учился геометрии у египетских математиков, познакомился с правилами натяжения верёвок и проведения линий. Мне удалось в геометрии далеко превзойти моих учителей. На горах Египта я нашёл морские раковины; по этому признаку я догадался, что когда-то на месте нынешнего Египта было море.

— А где ты ещё был?

— Был я ещё, например, в Вавилоне. По сравнению с ним самый большой греческий город — просто деревушка. Его стены имеют вид квадрата, каждая сторона которого — десять километров. Он имеет сто ворот, сделанных целиком из меди. Дома в нём трёхэтажные и даже четырёхэтажные. И вот в этом городе я познакомился с жрецами храма бога Ваала. Этот храм состоит из восьми этажей — башен, из которых каждый следующий меньше предыдущего, так что весь храм имеет форму ступенчатой пирамиды. А верхний маленький этаж служит для наблюде-

ний над звёздами. От этих жрецов я и узнал, что солнечные затмения вовсе не посылают людям и государствам боги за их грехи.

— Как они это доказывают?

— Они доказывают это тем, что солнечные затмения происходят в определённые сроки, которые заранее можно рассчитать. Хотят или не хотят того боги, имеются ли преступные люди или государства, которых надо покарать, или не имеются, затмения всё равно произойдут в высчитанное время...

Но разговор Демокрита с Гиппократом был неожиданно прерван. Родственники Демокрита добились своего — учёного вызвали на суд.

— Демокрит виновен в тяжком грехе: он растратил на пустяки родовое имущество, — сказал на суде обвинитель.

— Скажи, Демокрит, рассказываешь ли ты в совершённом тобой преступлении?

— Нет! — сказал Демокрит.

— Вот видите, сограждане! — воскликнул обвинитель. — Он упорствует; друзья его напрасно вызвали врача Гиппократа — Гиппократ не помог ему.

— Абдериты! — воскликнул Гиппократ. — Мне незачем лечить Демокрита — он не безумец!

— Ах, не безумец! — подхватил обвинитель. — Значит, он отвечает за свои поступки, значит, он тем более виновен в растрате отцовского наследства! Либо он здоров — тогда он злодей, либо неизлечимо болен — тогда он всё равно опасен для государства. Изгоним же его из Абдер, сограждане, — зачем нам нужен этот человек?

Демокрита спросили, что он может сказать в своё оправдание.

— Я мог бы многое сказать, сограждане, — сказал Демокрит. — Я мог бы сказать, что истратил отцовские деньги на далёкие путешествия, что я всё время работал неутомимо, что я сделал это на пользу родины. Я написал книгу «Большой мирострой», которая принесёт государству пользу, и могу прочитать вам из неё хотя бы это место: «Дела государственные необходимо считать много более важными, чем все прочие: каждый должен стараться, чтобы его государство было хорошо устроено, не захватывая большей власти, чем это полезно для общего дела. Государство, идущее к намеченной высокой цели по верному пути, — величайшая опора для граждан. Всё заключено в нём: пока государство в благополучии, и граждане в благополучии, когда оно гибнет, гибнут и граждане. Бедность в демократическом государстве надо предпочесть тому, что называется счастливой жизнью в деспотическом государстве, настолько же, насколько свобода лучше рабства...»

— Но вы не слушаете меня, судьи! Вам не нужна моя книга. Ну, тогда я могу сказать вам только одно. Вы помните нашего земляка, который всегда называл меня безумцем? Вы знаете, что

с ним случилось? Огромный орёл, птица Зевса, сбросил на его лысую голову черепаху, и он был наказан за то, что ругал меня! Сделайте и вы то же самое — прокляните меня и выгоните из Абдер. Вон там в вышине я вижу уже парящего орла. Вот он летит сюда — сейчас он отомстит за меня!

— Стой, Демокрит, — закричал один из членов суда, старик без единого волоса на голове, — не говори так! Мы оправдываем тебя, мы отпускаем тебя, мы даже возвратим тебе все истраченные тобой деньги!

Домой Демокрит и Гиппократ возвращались вместе.

— Как, Демокрит, — спросил Гиппократ, — ведь ты же не видел ничего чудесного в истории с черепахой; ты говорил, что боги здесь не при чём? Разве ты переменял своё мнение?

Демокрит засмеялся.

— Но разве я мог объяснить это глупым судьям? Они всё равно ничего бы не поняли. Не для таких людей пишу я мои книги. Пусть их читают люди любознательные и пытливые. Пусть они узнают из них, что жил в Абдерах человек, который не верил ни в судьбу, ни в бессмертных богов, а признавал лишь бесконечный мир, состоящий из атомов и пустоты!

НА ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

По всем греческим городам разъезжали специальные послы. Они появлялись на городских площадях в Афинах и Спарте, их видели в греческих городах Малой Азии и на цветущих берегах Чёрного моря, их торжественно встречали в шумных городах южной Италии, населённых греками. Они показывались даже в далёких колониях африканского побережья и Испании. Всюду, где только появлялись эти послы, огромные толпы народа слушали их с праздничным, радостным возбуждением.

Что же сообщали грекам эти послы, которых встречали с такой радостью и нетерпением? Они сообщали о дне предстоящего великого празднества — знаменитых олимпийских играх. Олимпийские игры проводились в честь верховного греческого бога Зевса через каждые четыре года. Это был общегреческий праздник.

Но не только о дне начала игр сообщали послы на площадях греческих городов. Они провозглашали условия священного мира, который объявлялся на время празднеств. Всякие военные действия, где бы они ни происходили, немедленно прекращались. На нарушителей этого условия налагался большой штраф. Для всех племён и народов, принимающих участие в празднествах, страна, где находится святилище Зевса, — священна и неприкосновенна. Всякий, кто обидит путника, направляющегося на олимпийские празднества, также подвергается проклятию и штрафу.

Общий вид Олимпии.

И вот уже со всех сторон потянулись в Элиду торжественные делегации и посольства. Ионическое море и широкое устье реки Алфея наполнилось празднично убранными кораблями, прибывшими сюда из многочисленных греческих колоний по берегам Азии, Африки, Италии и Сицилии. По всем дорогам Грѣции люди спешили на празднества в Олимпию. Некоторые ехали верхом или на повозках, но большинство народа шло просто пешком. Хотя в празднествах принимали участие и присутствовали только мужчины, всё равно число гостей измерялось многими тысячами. Олимпийский стадион, где происходил бег и другие гимнастические упражнения, вмещал 40 тысяч человек и был всегда переполнен. На берегу реки Алфея во время празднеств вырастал целый город из палаток и шалашей. Вдоль большой дороги и стен ограды выстраивались деревянные бараки, тут шла оживлённая торговля самыми разнообразными предметами.

Путник, попавший в Олимпию после долгих дней пути, оглушён шумом многотысячной толпы, наполняющей священную рощу и достопримечательные места: храмы, жертвенники, стадион, ипподромы. Пока ещё не начались игры, он спешит осмотреть эти достопримечательности. Вот священная роща Альтис, где стоят бронзовые статуи победителей на олимпийских играх. Вот алтарь Зевса, где в этот момент готовится жертвоприношение. К алтарю подходит торжественная процессия. Во главе её должностные лица Элиды в белых одеяниях, расшитых золотом, с развевающимися пурпурными лентами. Вслед за ними идут

Девушка-бегунья.

члены посольства, совершающего жертвоприношение. Процессию замыкают рабы, несущие дары богам и подгоняющие жертвенных животных. А вот знаменитый зал Эхо, в котором можно слышать, как стены повторяют каждое сказанное слово семь раз. Вот, наконец, и главная достопримечательность роции—храм Зевса с его статуей, изваянной величайшим греческим скульптором—Фидием.

С волнением поднимается путник по ступеням храма, входит и видит прямо перед собой это великое произведение искусства. Огромная статуя имеет 14 метров вышины. Зевс изображён сидящим на троне из кедрового дерева, украшенного драгоценными камнями и резьбой. Лицо, грудь и руки статуи — из слоновой кости, глаза—из драгоценных камней. Голова статуи увенчана золотым венком, сделанным наподобие венка из оливковых листьев, волосы на голове и борода — из чистого золота.

«На его правой руке,—говорит греческий писатель Павсаний, которому ещё удалось своими глазами видеть этот знаменитый памятник искусства,—стоит статуя богини Победы, сделанная также из слоновой кости и золота; она держит повязку, а на голову её возложен венок. В левой руке у бога находится скипетр, отделанный всевозможными металлами и увенчанный орлом. Из золота же сделана обувь бога; его плащ усеян изображениями разных фигур и цветов лилии».

Да, недаром эта статуя была гордостью и славой всех греков, и того, кто не смог увидеть олимпийского Зевса, считали несчастным!

Наступает первый день игр. Он открывается состязаниями в беге. Ещё до зари зрители занимают свои места, теснясь на склонах холмов. При восходе солнца раздаётся звук трубы. Судьи и руководители состязаний в пурпуровых одеяниях переходят через всё поле на глазах у тысяч зрителей и занимают специально отведённые для них места возле старта. Вокруг них рассаживаются должностные лица и жрецы, представители различных греческих государств, главы посольств и делегаций.

Но вот снова громко звучат трубы. На арене появляется глашатай. «Состязавшиеся в беге — выходите!» — кричит он.

Один из судей вызывает соревнующихся по очереди, а глашатай громко объявляет имя и место рождения каждого. Затем он спрашивает, не оспаривает ли кто-нибудь из присутствующих их гражданские права.

Дело в том, что участвовать в олимпийских играх могли лишь те, кто удовлетворял определённым требованиям. В играх не имели право участвовать рабы, варвары, а также люди, подвергавшиеся наказанию по суду. Все участники состязаний должны были за год вперёд внести свои имена в списки, которые велись должностными лицами.

Один за другим приносят присягу участники состязаний, среди них много известных людей, представителей знатных семей, участников прежних олимпийских игр.

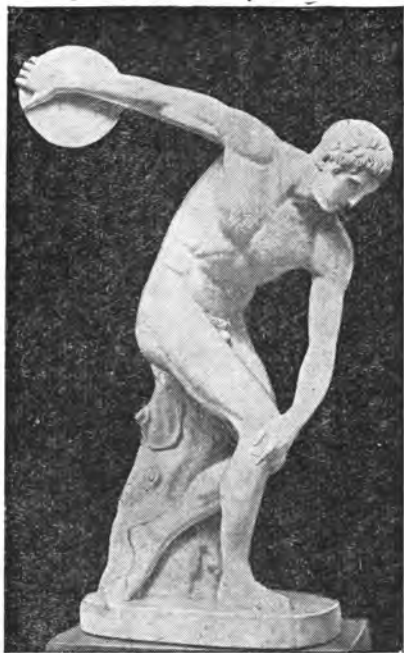
Но вот формальности окончены, участники состязаний уходят в особое здание, где они снимают с себя одежды и натираются маслом. Затем они тянут жребий из серебряной урны. Сегодня в простом беге участвуют 20 человек. Их разделяют на пять групп. Опять раздаётся звук трубы, и первая группа из четырёх человек пускается в бег. Победителя этого бега отводят к тому месту, где заседают судьи. Так бегут все пять групп, одна за другой. Затем начинается главный бег — соревнуются между собой победители бега каждой из групп. Тот, кто побеждал в этом беге, получал титул главного олимпионика, и его именем называлась вся олимпиада. Сегодня глашатаи объявляют имя Фаилла, который одержал блестящую победу над всеми своими соперниками.

Кроме этого основного бега, существовал ещё двойной и более длительный бег, когда соревнующиеся должны были обежать стадион два, шесть, а иногда даже двенадцать раз. Рассказывали, что однажды спартанец Ладас, победоносно окончив такой длительный бег, упал на землю мёртвым. Бывал ещё бег с оружием, но его обычно откладывали на конец игр. Он состоял в том, что нужно было дважды обежать стадион в полном вооружении.

После бега начинается борьба. Существовало несколько видов борьбы: самый простой из них заключался в том, что противники выходили друг против друга с голыми руками. Победителем считается тот, кто трижды повалит своего соперника на землю. В кулачном бою борцы одевали на голову бронзовый

Борцы.

Дискобол.

колпак, а кулаки обматывали кожаными ремнями с металлическими шишками. Это был очень жестокий вид борьбы, кончавшийся нередко серьёзными увечьями. Существовал ещё один вид борьбы, представлявший собой сочетание борьбы с кулачным боем. Только в этом случае запрещалось обматывать кулаки ремнями.

Кончается первый день состязаний, опускается тёплая южная ночь, довольные зрители расходятся, озаряя факелами берег Алфея и священную рощу Альтис.

Следующий день состязаний начинается с пятиборья. В него входят, кроме бега и борьбы, метание диска, копья и прыжки. Состязующиеся в прыжках всходят на особую насыпь, в руках у них грушевидные гири. Вот они вытягивают руки с гирями вперёд — прыжок! — руки быстро отбрасываются назад, и тело в прыжке устремляется вперёд. Сно-

ва глашатаи провозглашают имя Фаилла. Начинается метание диска. Дискоболы выстраиваются один за другим. Они берут в руку тяжёлый бронзовый диск, несколько раз вращают его рукой в воздухе, причём для сохранения равновесия слегка наклоняют верхнюю часть туловища вперёд и опираются левой рукой о правое колено, а затем в момент броска упруго распрямляют тело, и диск, пущенный умелой рукой, со свистом рассекает воздух. Тот же Фаилл метнул свой диск дальше всех.

Пятиборье заканчивается метанием копья, которое не просто бросают как можно дальше вперёд, но должны при броске попасть в определённую цель. Это уже было, собственно говоря, чисто военное упражнение.

Последний день игр посвящается состязаниям на ипподроме. Самым старинным и излюбленным видом этих состязаний были бега колесниц, запряжённых четвёркой лошадей. Требовалось двенадцать раз обогнуть столб у старта. Нередко эти состязания, требующие большой силы и ловкости, оканчивались несчастными случаями. Ещё знаменитый греческий трагик Софокл описывал, как во время этих состязаний разбился насмерть один из его героев.

Но какое прекрасное зрелище представляют мчащиеся колесницы! Тысячи зрителей затаили дыхание. Но вот на одном

из поворотов одна из колесниц вырывается вперёд. Наездник умело правит лошадьми, вожжи натянуты, как струны. Одна, вторая колесница пытается его нагнать, но безуспешно. Уже близок конец пути; куда делось спокойствие толпы, все кричат и подбадривают наездника, а когда он пересекает в последний раз черту, вся многотысячная толпа разражается восторженными криками.

После бега колесниц происходят скачки верхом. Они имеют одну особенность: перед приближением к финишу наездник должен соскочить с лошади и бежать рядом с ней, держа поводья в руках.

Теперь состязания окончены. Однако празднество этим не завершается, наступает один из самых торжественных моментов — раздача наград.

Глашатаи снова торжественно объявляют имена победителей в отдельных соревнованиях, имена их отцов и название их родины. Раздача наград происходит у храма Зевса. Судьи торжественно возлагают на головы победителей простые венки из дикой оливы, перевитые белыми лентами. Оливковое дерево, из ветвей которого сплетались венки, растёт здесь же; по преданию, оно посажено самим Гераклом. Эта простая награда ценится греками дороже золота и драгоценностей, она даёт её обладателям вечную славу и почёт.

Начинается торжественное шествие. Впереди идут судьи, затем новые олимпионики в ярких цветных одеждах, с венками на головах, в руках они держат пальмовые ветви. Их окружают должностные лица и жрецы, послы и представители различных делегаций. Они движутся под звуки флейт и пения гимнов в честь легендарных учредителей олимпийских игр Геракла и его спутника Иолая. Сзади, украшенные цветами, гордо гарцуют кони — участники скачек. Толпа восторженно приветствует победителей и забрасывает их цветами.

Шествие приближается к алтарю двенадцати богов. Здесь победители совершают благодарственные приношения. Затем шествие направляется в одно из общественных зданий, где граждане Элиды приготовили большой пир для олимпиоников и важнейших должностных лиц. Этим пиром и заканчиваются празднества в Олимпии. Но они не заканчиваются для победителей игр — олимпиоников, которым их родные города устраивают пышные и торжественные встречи.

Возвращение олимпионика на родину сопровождалось величайшими торжествами. Окружённый огромной толпой друзей и почитателей, он въезжал в город, одетый в пурпуровые одежды, на колеснице, запряжённой четвёркой лошадей. Иногда для проезда колесницы победителя даже специально проламывалась городская стена. Победитель олимпийских игр всю жизнь оставался почитаемым человеком. Его обычно освобождали от всех государственных повинностей, отводили почётное

место в театре и на празднествах, возводили его статую в общественном месте, а иногда даже назначали пожизненную пенсию.

Кто же был обычно победителем на этих играх? Несмотря на то, что по правилам в играх мог участвовать каждый свободный грек, в действительности принимать участие могли лишь немногие. Только богатые люди могли, например, содержать и обучать лошадей для бегов и доставлять их в Олимпию на ипподром. И даже состязания на стадионе требовали большой подготовки, а значит, и больших расходов, что было рядовым гражданам не под силу. Участники конных состязаний — это почти всегда аристократы; участники состязаний на стадионе — те же аристократы или зажиточные люди.

Однажды у философа Диогена, бедняка, не любившего и презиравшего богачей, спросили, много ли он видел людей на олимпийских играх. «Народу там было много, — ответил Диоген, — но человека я там не видел».

ПОХОД ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ

Была глубокая ночь, когда Ксенофонт проснулся после долгого тревожного сна. Только кое-где догорали костры, и при их свете он видел своих товарищей по оружию, в беспорядке лежащих на земле.

Как могло случиться, что он среди других десяти тысяч греков очутился в центре персидской державы, в Ассирии, со всех сторон окружённый врагами, без продовольствия, без проводников, без конницы, которая могла бы отразить неминуемое нападение персидских всадников? Того ли он ждал, когда его друг, беотиец Проксен, пригласив его в Сарды ко двору сатрапа (правителя) Лидии, Фригии и Каппадокии царевича Кира, младшего брата персидского царя Артаксеркса, затем уговорил его участвовать в походе против враждебного племени писидов? Только дойдя до Вавилонии, Ксенофонт, как и другие греки, набранные Киром из разных городов Эллады, узнал, что поход замышлялся против самого персидского царя, которого Кир хотел свергнуть с престола, чтобы занять его место. Греки попробовали было протестовать, но Кир увеличил им в полтора раза жалованье и не поскупился на обещания наград в будущем. Кто захочет остаться при нём, когда он станет царём, получит выгодную и почётную должность, а кто захочет вернуться в Элладу, того он обогатит на всю жизнь. Это заставило солдат решиться. Ведь всё это были отчаянные люди, по большей части разорённые войнами и междоусобицами или изгнанные из родного города за какие-нибудь преступления. Им ничего не оставалось, как поступить на военную службу ко всякому, кто мог обещать приличное жалованье и богатую добычу,

Таковыми же были и их командиры, стратеги, нанявшие их на деньги Кира, например самый главный из них, спартанец Клеарх — угрюмый, резкий и жестокий человек, который нещадно бил солдат за всякое нарушение дисциплины и считал, что солдат должен бояться командира больше, чем врага. Он был раньше командиром спартанского флота, но, будучи назначен главой гарнизона в городе Византии, использовал свою власть, чтобы грабить местных граждан. За это он был изгнан из Спарты и, получив от Кира 10 тысяч дариков (50 тысяч рублей), стал вербовать для него воинов, якобы для войны с фракийцами. А стратег Менон из Фессалии был до того жаден, что не брезговал никакими средствами для приобретения богатства. Над честностью, верностью клятвам, дружбой он смеялся, как над глупостями. Он втирался в доверие к знатым и богатым, пользуясь своей красивой внешностью, своими лживыми речами, клеветал на соперников и плёл бесконечные интриги. Он даже не отличался храбростью Клеарха, предпочитая присваивать имущество друзей, чем отбивать его у врагов.

Да и сам Ксенофонт мало чем отличался от них. Он ведь покинул свои родные Афины и примкнул к персидскому царевичу, лучшему другу и союзнику злейшего врага Афин — спартанского полководца Лисандра. Ксенофонта мало огорчала победа Спарты над Афинами. И только когда афиняне свергли спартанских ставленников — тридцать тиранов — и вновь восстановили ненавистный Ксенофонту демократический строй, он уехал из Афин.

Когда Ксенофонт прибыл в Сарды, там собралось уже около восьми тысяч греческих наёмников, выступивших вместе со сто тысячным войском Кира и двадцатью боевыми колесницами. По дороге к Киру присоединялись всё новые греческие стратеги со своими отрядами. Всего собралось около 11 000 тяжело-вооружённых и 2000 легковооружённых воинов. В Кастропедионе был устроен торжественный смотр войску. Греки, стоявшие в красных хитонах, сверкая медными шлемами, поножами и щитами, произвели сильное впечатление на персов.

После трёхмесячного пути войска Кира перешли Евфрат и, миновав Сирию, вошли в пределы Аравии. Труден был переход по этой местности. Часто повозки обоза застревали в непролазной грязи, и, по приказанию Кира, знатные персы из его свиты, сбросив пурпурные кафтаны, в цветных шароварах и драгоценных цепях и браслетах, бросались вытаскивать их вместе с солдатами, на потеху грекам. Скоро стало нехватать продовольствия и корма скоту, так как всадники Артаксеркса выжигали всё на пути войска Кира. Ждали, что скоро произойдёт решительный бой. Лазутчики и перебежчики доносили, что у царя чуть ли не миллионное войско, двести боевых колесниц и шесть тысяч всадников для личной охраны. Но Кир подбадривал греков, говоря,

что это царское войско — просто беспорядочная толпа. Важно выдержать первый натиск, а затем все получают богатые награды и почётные должности; он, Кир, не поскупится на золотой венок для каждого солдата.

Наконец, после нескольких дней томительного ожидания, через шесть месяцев после начала похода, около деревни Кунакса, между реками Тигром и Евфратом, греки увидели впереди огромное облако пыли. Вскоре стали вырисовываться ряды вражеского войска и заблестела на солнце медь панцирей и шлемов.

Когда персы приблизились, греки запели *пеан* — гимн в честь Аполлона, и, стуча копьями о щиты, чтобы испугать вражеских коней, двинулись на врага. Но они не подошли и на расстояние полёта стрелы, как персы обратились в бегство. Брошенные колёсницы беспорядочно метались, поражая своих. С шестьюстами всадников бросился Кир на царя и, разметав его шеститысячную гвардию, ранил брата копьём. Но когда победа казалась уже бесспорной, Кир был убит наповал ударом копья в глаз. В дальнейшем ходе боя пали все его ближайшие друзья, кроме одного — Аридея. Артаксеркс приказал отрезать мёртвому брату голову и правую руку.

Утомлённые преследованием врага, греки вернулись в свой лагерь поздно вечером, ещё ничего не зная о смерти Кира. Только на следующее утро пришли к ним посланные от Аридея, принявшего на себя командование войском царевича, и рассказали, что Кир убит и что Арией ждёт их для совместного возвращения в Ионию. Победа греков оказалась беспечной. Правда, Клеарх предложил Арию посадить его на персидский престол, но тот отказался. Пробовал Клеарх предложить помощь греков самому Артаксерксу для войны с Египтом, но царь не пожелал вести переговоры, пока они не сдадут оружия.

Целый день провели греки на поле боя, складывая костры из вражеских стрел и щитов и не зная, что предпринять. Наконец, они решили ночью догнать Аридея и возвращаться домой. На другой день явились послы Артаксеркса во главе с сатрапом Тиссаферном. После долгих переговоров грекам было обещано продовольствие и беспрепятственное возвращение на родину с тем, чтобы они обязались не разорять страну. Провожать их вызвался сам Тиссаферн.

Внешне как будто всё шло хорошо, но чувствовалось, что персы и греки не доверяют друг другу. На стоянках часто возникали ссоры и драки между солдатами. Наконец, предводитель греков Клеарх решил объясниться с Тиссаферном начистоту и убедить его, что теперь, когда Кир умер, он и его войско готовы служить всякому, кто хорошо заплатит. Хитрый перс заверил Клеарха в дружеских чувствах и предложил ему прийти с другими стратегами и лохагами в персидский лагерь, чтобы выяснить, кто пытается их поссорить. Вместе с Клеархом отправи-

лись 5 виднейших стратегов, 20 лохагов и 200 солдат. Как только стратеги вошли в палатку Тиссаферна, был подан сигнал, по которому все они и их спутники были перебиты. Один из солдат, раненый в живот, успел добежать до греческого лагеря и рассказать о случившемся. Растерянность и отчаяние охватили греков. Между тем наступила ночь.

Всё это теперь вспоминал и обдумывал Ксенофонт, вглядываясь в ночной мрак. Но размышления его продолжались недолго. «Что за смысл лежать, предаваться унынию и ждать врагов, которые неминуемо нападут утром? Надо сделать всё возможное, чтобы приготовиться к сопротивлению», — сказал он себе.

Ксенофонт созвал уцелевших стратегов и лохагов, которых оказалось около ста человек. Было решено немедленно избрать новых начальников вместо погибших. Ксенофонта избрали предводителем. Он обратился с речью к солдатам и призывал их к бодрости. Он напомнил, какими трусами показали себя персы в сражениях, как богата их страна и как легко её грабить. Греки могли бы остаться здесь и жить в роскоши за счёт местных жителей, но лучше вернуться в Элладу и рассказать там, что храбрые воины, нуждающиеся в богатстве, могут без труда захватить его во владениях персидского царя. Если они будут смелы и дисциплинированы, они вернутся домой, да ещё с богатой добычей.

На следующее утро греки двинулись в путь. Персы пытались преследовать их на конях, обстреливая издали из пращей, но Ксенофонт предложил организовать отряд всадников, используя обозных лошадей, и вооружить пращами бывших в войске родосцев, славившихся своим искусством в стрельбе. Атака двух тысяч персидских всадников и четырёх тысяч пращников была отбита, и персы стали следовать за греками на почтительном расстоянии. Греки могли беспрепятственно грабить встречные деревни, увозя жителей в качестве рабов.

Главные трудности начались, когда они подошли к реке Тигру. Если бы они смогли перейти её, перед ними открылся бы прямой путь в Ионию. Но переправиться оказалось невозможным — на другом берегу находились большие силы персов. Расспросив пленных и посоветовавшись, греки решили идти через Армению, мимо земель и гор воинственного племени кардухов, не подчинявшегося Артаксерксу.

Кардухи оказались, однако, храбрее и страшнее миллионного войска персидского царя. Непрерывно обстреливали они греков, пробиравшихся по узким горным дорогам, не вступая ни в какие переговоры и не желая давать продовольствия. На трудном пути солдатам пришлось бросить много захваченной добычи и уведённых рабов. После семидневных непрерывных боёв с кардухами они спустились, наконец, к реке Кентриту, за которой начиналась Армения. Горная дорога подходила прямо

к переходу через реку, но за рекой уже ждало их войско сатрапа Армении Оронта, а на горах собрались вооружённые кардухи. Казалось, что все пути отрезаны. Но выручил случай. Два грека, купаясь в 4 стадиях ($\frac{3}{4}$ километра) от лагеря, заметили, что река там неглубока и легко проходима, и всё войско действительно благополучно переправилось в указанном месте, пока небольшой отряд отвлекал внимание Оронта.

Началась самая трудная часть пути по горам Армении. Правда, сатрап западной Армении Тирибаз согласился пропустить греков с условием, чтобы они ничего не разрушали по пути, но в горах выпал глубокий снег, засыпавший людей и животных. С трудом заставляли начальники уговорами и побоями по утрам подниматься окоченевших людей и продолжать путь. Леденящий ветер сбивал с ног, от холода отнимались руки и ноги, от близны снега болели глаза... Нехватало продовольствия, массаги падали животные и умирали несчастные рабы. С каждым днём слабели солдаты. Начальники приказывали сваливать с вьючного скота добычу и везти больных и слабых, но некоторые в своей жадности готовы были закопать ещё живого товарища, чтобы не расставаться с награбленным добром.

А когда греки дошли до земель воинственных тоахов и халивов, им ещё пришлось беспрерывно отбивать их атаки. Особенно мужественны были халивы, жившие в укреплённых городах и сражавшиеся в льняных панцырях, шлемах и поножах кинжалами и длинными копьями. Когда грекам удавалось разбить тоахов и халивов, их женщины и дети нередко бросались со скал, чтобы не попасть в рабство.

Только в стране племени скифинов отдохнуло войско, уменьшившееся за время пути до восьми с половиной тысяч человек. Здесь их накормили, снабдили продовольствием и даже дали проводника. Через пять дней после ухода из гостеприимного города скифинов Гимния греки подошли к считавшейся священной горе Фех. Когда передовые отряды взойшли на гору, остальные услышали громкие крики. Думая, что товарищи попали в засаду, они тоже бросились на гору. Чем больше солдат достигало горы, тем сильнее становились крики. И, наконец, стал слышен один ликующий вопль: «Море! море!» С вершины горы они увидели вдали синюю гладь Понта Эвксинского — моря, которое должно было привести их на родину.

Однако скитания их ещё далеко не были кончены. То пешком, то на кораблях солдаты долго странствовали по припонтийским землям. Привыкнув к лёгкой добыче, они не очень спешили на родину, грабя по дороге не только местные племена, но и греческие колонии. Некоторые, даже сам Ксенофонт, подумывали основать здесь новый город и жить безбедно за счёт окружающего населения и проплывающих купцов. Но греческое население в портовых городах Синопа и Гераклея, а также сатрап Пафлагонии перс Корида так испугались буйного

войска, что поспешили дать им корабли и деньги, лишь бы они отплыли куда-нибудь подальше.

Этот поход многому научил греков. Они на опыте узнали, как слаба, в сущности, обширная персидская держава, которая может стать лёгкой и богатой добычей того, кто явится хоть с небольшим, но храбрым и дисциплинированным войском. Они убедились также, что в руках решительного человека наёмное войско может стать большой силой. В дальнейшем оба эти урока не пропали даром

ДЕЛО О ШЕСТИ ТАЛАНТАХ

«Этот процесс, судьи, важен для меня не только потому, что дело идёт о крупной сумме, но главное потому, что обо мне могут подумать, будто я желаю присвоить себе чужое имущество». Так начал свою речь на суде афинских присяжных молодой приезжий из боспорского царства, судившийся с афинским богачом Пасионом. Чтобы не ударить лицом в грязь перед судьями, он заказал эту речь знаменитому оратору Исократу, а затем выучил её наизусть.

Так поступало большинство людей, судившихся в афинском суде. Считалось, что граждане должны уметь сами вести своё дело, сами обвинять и защищаться. Но мало кто умел составить хорошую, убедительную речь, и потому желавший выступить перед присяжными предпочитал заказать её какому-нибудь прославленному оратору. Ораторы брали за услуги немалые деньги, но зато они-то уж знали, как повернуть спорный закон в пользу того, кто им заплатил, как подобрать и рассказать обстоятельства дела и когда всего удобнее ввести малолетних детей и престарелых родителей ответчика, чтобы они своими слезами и просьбами разжалобили судей.

Ведь судьи были очень важными лицами. Всякое решение совета и народного собрания можно было обжаловать в суде, зато решение гелиастов было окончательным, и жаловаться на них было некому. Каждый год их выбирали по жребию из всех свободных граждан, достигших тридцатилетнего возраста. Принеся торжественную присягу, что будут судить по законам и по совести, они получали знак своей должности — бронзовую дощечку с изображением совы. Присяжные решали не только дела отдельных граждан, но и дела о преступлениях против государства — об измене, о взяточничестве, о невыполнении различных государственных повинностей. Дел всегда было множество, и присяжным обычно приходилось заседать целый день, с утра до вечера.

Итак, на этот раз председатель суда объявил, что будет разбираться дело по обвинению Пасиона в присвоении шести талантов. Служители внесли запечатанные сосуды, в которых хра-

нились документы, относящиеся к делу, и судьи приготовились слушать речи.

Дело было интересное. Пасион был очень богат. Когда-то он был рабом некоего Архестрата, хозяина меняльной лавки. Такие меняльные лавки назывались *трапедзы*, а их владельцы — трапедзитами. Они обменивали деньги одного государства на деньги другого, давали нуждающимся займы, принимали на хранение ценные вещи и деньги. Усердный, способный и ловкий Пасион вошёл в милость у своего господина, и тот отпустил его на свободу. Успев скопить кое-какие средства, Пасион сам стал хозяином трапедзы, а потом и мастерской щитов, где теперь работало на него несколько десятков рабов. Как и всякий богатый отпущенник, он попал в разряд неполноправных граждан — метэков. Он вёл обширные дела не только в Афинах, но и во многих греческих городах Малой Азии и Причерноморья; давал деньги займы видным государственным деятелям и военачальникам. Наконец, «за заслуги перед государством» он удостоился редкой для бывшего раба чести — получил афинское гражданство.

Не было предела его гордости и гордости его старшего сына Аполлодора. Молодой человек, исполняя различные государственные повинности, с радостью тратил на них гораздо больше, чем его товарищи. Когда пришла его очередь нести повинность перед государством: снаряжать военный корабль — триеру, он не постыжился нанять на свой счёт первоклассных матросов вместо тех малопригодных к морскому делу бедняков, которым выпал жребий нести службу во флоте. Он выдал им богатое жалованье и сделал свою триеру самой быстроходной во всём флоте. Другие богачи, неохотно тратившиеся на нужды государства, упрекали Аполлодора и его отца Пасиона. Говорили, что они бросаются деньгами, чтобы заставить забыть своё низкое происхождение, что они развращают и балуют матросов.

И вдруг теперь этот самый богач Пасион обвинялся в присвоении доверенных ему на сохранение шести талантов и в разных других недостойных поступках. К тому же обвинителем выступал чужестранец. Это было большой редкостью, так как обычно иноземцы не имели права лично обращаться в суд и должны были поручать вести своё дело афинскому гражданину. Но этот молодой человек происходил из очень знатной на Боспоре семьи и потому получил и в Афинах *проксению*. Получившие по постановлению народного собрания проксению считались «друзьями Афинского государства». У себя на родине они должны были оказывать гостеприимство и помощь афинянам, а за это им дозволялось приобретать в Афинах земли, лично обращаться в совет и суд, сидеть на почётных местах в театре и пользоваться особой защитой властей.

Судьи внимательно слушали речь истца, составленную знаменитым Исократом. Без лишних слов излагал он обстоятельства

дела. Его отец, Сопей, говорил он, один из первых вельмож Боспорского царства. Царь Сатир поручил Сопею управлять обширной областью и советуется с ним обо всех важных делах. Когда сын возмужал, Сопей решил послать его попутешествовать, и молодой человек захотел первым делом осмотреть Афины, центр наук и искусств, «школу Эллады». Сопей щедро снабдил его деньгами и дал в придачу два корабля, груженных зерном для продажи в Аттике. Прибыв в Афины, молодой путешественник решил поместить часть своих денег — шесть талантов — на сохранение у какого-нибудь верного человека. Ему порекомендовали Пасиона, и вскоре он подружился с ним. По обычаю трапедзитов, Пасион не выдал ему расписки на полученный вклад. Только раб Пасиона, Китт, знал об этих деньгах. Но боспоранец был уверен в честности Пасиона и не беспокоился. Молодой человек вёл в Афинах приятную жизнь.

И вдруг всё изменилось. С далёкой родины пришло печальное известие: враги Сопея донесли царю, что он злоумышлял против него и отправил сына в Грецию, чтобы войти в тайные сношения с врагами царя. Поверив клеветникам, Сатир приказал бросить Сопея в тюрьму. В Афины были посланы гонцы с поручением отобрать у его сына всё имущество и требовать у афинских властей его выдачи.

Напуганный юноша прибежал к Пасиону за советом. В конце концов они решили, что ему лучше всего бежать в город Византий. О вкладе, хранившемся у Пасиона, было решено молчать. Чтобы вернее замести следы, Пасион стал уверять всех и каждого, что молодой человек уже успел наделать массу долгов и не имеет больше ни гроша. И тут-то Пасион решил воспользоваться его бедственным положением. Когда боспоранец прислал к нему за вкладом своего доверенного Менексена, старый хитрец начал уверять, что ничего не получал и ничего не должен; ведь масса людей может подтвердить, что сам же его молодой друг говорил, будто совершенно издержался и никаких денег у него больше и в помине нет. «Повидимому,— говорил оратор судьям,— он надеялся, что я или уеду в Византий, или меня выдадут Сатиру, а шесть талантов так и останутся у него». Однако расчёты Пасиона не оправдались. Вскоре стало известно, что Сопей полностью оправдался перед царём и Сатир, не зная, как загладить причинённую ему несправедливость, осыпает его всё новыми милостями. Царь даже выбрал дочь Сопея в невесты своему сыну и наследнику.

Пасион понял, что дело плохо, и решил принять меры. Уличить его во лжи мог только раб Китт, и он ожидал, что теперь обманутый вкладчик потребует Китта к допросу под пыткой. Дело в том, что греки не считали раба за человека и думали, что правду он может сказать только, если его как следует помучат. Поэтому рабов допрашивали редко, лишь в тех слу-

чаях, когда не было иного способа узнать истину, а показания раба принимали во внимание, только если они были получены во время пыток.

Но пытать раба можно было лишь с разрешения господина. Ведь он был его собственностью, стоил ему денег, и цена раба могла бы уменьшиться, если бы палач повредил ему руки или ноги. Если же господин соглашался выдать раба, спорящие стороны являлись вместе с рабом к храму Гефеста, и там в их присутствии начинался «допрос». Несчастного били ремнями, лили ему в рот уксус, подвешивали на дыбе. Если он молчал, пытка продолжалась. Если он говорил правду и эта правда шла во вред его господину, он мог ожидать, что дома последуют ещё более жестокие испытания: разгневанный господин закуёт его в цепи или сошлёт на мельницу до конца дней вертеть тяжёлые жернова под ударами надсмотрщика. Когда случалось, что господин отказывался выдать раба на пытку, никому даже в голову не приходило, что он просто пожалел его, но все считали, что господин виноват и боится, как бы правда не вышла наружу. Противники его злорадствовали, а судьи выносили обвинительный приговор.

Избавившись от опасности, боспоранец кинулся к Пасиону требовать Китта на пытку. Но трапедзит встретил его гневными криками и угрозами: как смеет он являться за рабом, который вот уже несколько дней как бесследно исчез! Боспоранец уже собрался ехать искать раба в Пелопоннес, как вдруг тот нашёлся в самих Афинах. Но тут Пасион прибег к совершенно неожиданной отговорке. Китта нельзя пытать, объявил он, потому что Китт вовсе не раб, а свободорождённый,— друзья боспоранца незаконно объявили его рабом.

Дело запуталось. Царь Сатир, к которому обратился боспоранец, отказался быть судьёй в этом деле, но написал афинянам письмо, в котором просил оказать справедливость брату жены боспорского царевича и не давать его в обиду. И пусть теперь судьи решат по совести, закончил обвинитель, считать ли Китта рабом или свободным и можно ли признать невиновным Пасиона.

С ответной речью выступил обвиняемый, а затем судьи приступили к голосованию. У каждого из них было по два камешка: белый, который означал оправдание обвиняемого, и чёрный, означавший обвинение. Судьи подходили к урне и опускали в неё один из камешков. Избранные по жребию пять счётчиков вскрывали урну и подсчитывали голоса. Белых камешков в урне оказалось больше, чем чёрных,— присяжные признали Пасиона невиновным и отказали чужеземцу.

Оправдав Пасиона, судьи расходились довольные, положив за щёку свои три обола.

Но те из них, которые были постарше, вспоминали, как много лет назад они смотрели комедию знаменитого Аристофана «Осы». Как зло высмеивала эта комедия бедняков-

афинян, гордившихся званием судей и радовавшихся своим трём оболам! Перед зрителями появлялся старый судья Клеонослав и его сын Мстиклеон. Старик рвался в суд, а сын силой удерживал его дома. Вот выходил хор — гелиасты, наряжённые злыми, жалящими осами. Они звали запертого в доме Клеонослава. Почему он не спешит в суд, ведь на дворе давно утро? Ах, его не пускает сын? Так верно он аристократ, тиран и враг демократии! Но что соблазнительного в должности судьи? — спрашивал Мстиклеон. С ответом выступал его отец. Да разве неясно глупому сынку, как прекрасно заседать в суде? Ведь власть судьи ничем не меньше царской власти. Уже с раннего утра к нему на поклон приходят богачи и знатные люди, кланяются, берут за руку, засматривают в глаза. Просят: «Будь к нам не очень строг, ведь каждому случалось кое-что припрятать для себя из казённых денег». А какие речи говорят они на суде, как стараются угодить гелиастам! Один смешит их до упаду, другой трогает до слёз. И все в один голос твердят, что они только и заняты счастьем народа, только и пекутся неустанно о его благе. Ведь вот теперь они целиком зависят от судей и в страхе ждут их решения. Ну, чем же судья не мечущий молнии Зевс! А сколько радости дома, когда он вечером приносит свои три обола! Ведь для бедняка это немалые деньги. Дети ласкаются, выпрашивая гостинец, жена не знает, куда посадить, чем угостить, сейчас же несёт полную миску ячменной каши, приносит и винца.

Но Мстиклеон смеётся над судьями. «Судьи так радуются своим трём оболам? — говорит он. — Но ведь годовое жалованье всех судей не составит и $\frac{1}{10}$ части того, что афиняне получают от своих союзников, от пошлин да от налогов». Отец поражён: «А куда же идёт остальное?» — спрашивает он. «Очень просто, — отвечает сын, — идёт тем молодцам, которые распинаются в любви к народу. Они всюду кричат, что готовы биться за беднейший народ, а сами только пролезут на высшие должности, да и начинают хватать взятки и грабить союзников. И вот они в почёте и богатстве. Едят жареных зайцев, пьют дорогие вина, а народ-то, в боях и походах, сделав Афины могучими и славными, теперь смотрит в пустую миску, грызёт дырку от бублика да продаётся за три гроша».

«А почему им на пользу твоя нищета, — продолжает Мстиклеон, — объясню тебе тотчас: чтобы хлыст укротителя ты признавал, чтобы по первому слову кидался, как бешеный пёс, на кого им угодно тебя награвить». Старик огорчён. Что же ему теперь делать, если в суд больше не стоит ходить? Чтобы развлечь отца, сын предлагает ему устроить суд дома: как раз только что пёс Лохмат украл на кухне и сожрал целый круг сицилийского сыру. Другой пёс уже принёс жалобу и готов выступить обвинителем. Клеонослав оживляется. Сын и его раб несут урну для голосования. Помолившись, по обычаю, Апол-

лону, Клеонослав готовится судить. Приводят обоих псов. Лохмат машет хвостом и ластится к судье. За пса обвинителя говорит раб Ксанфий. Дело ясно: сыр украден и съеден, вся кухонная утварь может выступить свидетелями злодеяния, и обвинитель требует примерного наказания — плетей. За подсудимого выступает Мстиклеон: да, Лохмат украл, но ему можно простить по его простоте. Зато он надёжный сторож, верный друг и храбр в бою с волками. А обвинитель — никчёмный пёс, только и знает, что кланчит подачки. По зову Мстиклеона вбегают щенята Лохмата. Они визжат и воют, чтобы разжалобить судью. Окончательно сбитый с толку Клеонослав подаёт голос за оправдание вора. «Лохмат, ты свободен», — торжественно провозглашает Мстиклеон. Теперь старик окончательно убеждён, что суд значит не так уж много и не так непогрешим, как он думал раньше, и он соглашается вместо заседания отправиться с сыном на пирушку...

Зрители много смеялись на представлении комедии «Осы», особенно во время сцены суда над собаками. Но и горькая правда речей Мстиклеона кое-кому запала в душу. Конечно, судей в Афинах выбирают из народа и они судят богатых и знатных. Но разве это помешало богачу Пасиону выиграть дело? Разве это мешает богатым и знатым богатеть, а народу оставаться всё таким же бедным?

Однако о том, что афинский суд не даёт никакой защиты рабам и требует жестоко пытаться их на допросе, тогда не задумывался ни Аристофан, ни те, кто так любили его комедии.

БИТВА ПРИ ХЕРОНЕЕ

Был вечер, когда полумёртвый от усталости гонец прискакал в Афины и сообщил членам совета тревожную весть. Македонский царь Филипп, с которым афиняне несколько лет назад заключили мирный договор, вторгся со своим войском в Среднюю Грецию и разрушил старейший город Амфиссу. Страшная угроза нависла над всей Грецией и прежде всего — над самими Афинами.

Члены афинского совета совещались недолго. Они направились на рыночную площадь города, вызвали всех людей из лавок, и затем, по их приказу, лавки были подожжены. Зарево пожара должно было послужить сигналом для жителей окрестных селений, по которому они обязаны поспешить в город. Одновременно было отдано распоряжение глашатаям и трубачам всю ночь обходить город и объявлять о созыве народного собрания.

Рано утром сошлись афиняне на народное собрание. Когда они узнали, какое известие принёс вчерашний гонец, воцарилось тягостное молчание. Уже несколько раз глашатай обращался с вопросом: «Кто желает говорить?», но народ, подавленный страшной вестью, молчал. Никто ещё не мог собраться с мыслями

и внести предложение о том, как следует поступить, чтобы предотвратить нависшую над родным городом угрозу. Взоры всех присутствующих стали обращаться к знаменитому афинскому оратору Демосфену. Все знали его как горячего патриота и заклятого врага македонского царя Филиппа, против которого он долгое время вёл борьбу. Демосфен, видя, что собравшиеся с нетерпением ждут его совета, попросил слова. В своей речи он призвал граждан быть мужественными и доказывал, что положение вовсе не безнадежно. Он советовал направить посольство в крупный греческий город Фивы и предложить фиванцам заключить союз с афинянами. Одновременно следует, говорил он, послать войско к границам Аттики, чтобы все, в том числе и Филипп, поняли, что афиняне не легко собираются отдать свою свободу и независимость.

Страстная и убеждённая речь Демосфена вернула мужество афинянам. Все его предложения были приняты; в Фивы было направлено посольство, в состав которого был избран сам Демосфен.

Демосфен был крупным политическим деятелем и одним из самых выдающихся греческих ораторов. Он с детства пристрастился к изучению красноречия — искусства, которому древние греки придавали очень большое значение. Рассказывают, что ещё мальчиком он как-то раз в суде слышал речь одного известного оратора и пришёл в такой восторг, что решил и сам во что бы то ни стало сделаться оратором. Однако это было не так просто. В Афинах, где искусство красноречия было высоко развито, где ежедневно в суде и в народном собрании выступали опытные ораторы, публика была очень требовательна и избалована. Каждое неудачное слово, каждый неловкий жест и движение вызывали у слушателей смех, который нередко заставлял оратора сходить с трибуны. Оратор должен был иметь громкий, благозвучный голос, правильный выговор и чистое произношение.

Казалось, что у Демосфена нет никаких данных, чтобы стать оратором. Болезненный от природы, он имел чрезвычайно сла-

Демосфен.

бый голос, слегка заикался и картавил, кроме того, у него была привычка подёргивать одним плечом. Поэтому когда Демосфен выступил в первый раз в народном собрании с большой речью, то публика подняла такой шум и смех, что ему пришлось замолчать и сойти с трибуны. Вторая попытка выступить с публичной речью также окончилась неудачей. Упавший духом, закрыв лицо, чтобы не попадаться на глаза знакомым, спешил он домой и сначала даже не заметил, что следом за ним шёл один из его друзей, известный афинский актёр. Они пошли вместе. Демосфен начал горько жаловаться другу на свои неудачи, говорил, что народ, очевидно, не ценит и не понимает глубокого содержания его речей. «Всё это так,— отвечал Демосфену актёр,— но я попробую, однако, помочь твоему горю. Прочти мне какой-нибудь отрывок из трагедии Софокла или Эврипида». Демосфен прочёл. Когда он окончил, то актёр продекламировал то же самое, но с такой выразительностью голоса и жестов, что Демосфену показалось, будто он слышит совсем другие стихи. Он понял теперь, чего ему нехватает, и с удвоенным усердием взялся за работу.

Прежде всего он принялся за изучение греческой литературы. Особенно тщательно он изучал слог и стиль знаменитого историка Фукидида. Он слушал лекции афинского философа Платона, считавшегося замечательным мастером стиля. Затем он всерьёз взялся за укрепление своего голоса и улучшение произношения. Он приучил себя громко декламировать, когда всходил на гору или прогуливался по берегу моря, причём старался перекрыть своим голосом шум волн. Чтобы добиться полной чистоты произношения, он набирал в рот камешки и тем не менее старался говорить ясно и громко.

После долгих и упорных усилий Демосфен достиг своей цели и стал выдающимся оратором. Когда ему исполнилось тридцать лет, он начал принимать участие в политической жизни и борьбе, и тут всю силу своего ораторского таланта он обратил на того, кого считал самым опасным врагом Афин и всей Греции,— на македонского царя Филиппа. ✦

Ещё недавно Македония была слабым и никому неизвестным государством. Она находилась на севере Балканского полуострова. Македоняне были одним из отсталых племён. Однако постепенно Македония становится крупным государством. При царе Филиппе II, который вступил на македонский престол в 359 году до новой эры, Македонское государство уже было грозной силой.

Большое значение имело новое устройство македонской армии, введённое Филиппом. Вооружённые воины строились в колонну, которая имела в глубину 16, а иногда и больше рядов. Воины были вооружены громадными щитами, закрывающими всё тело, мечами, и длинными копьями, которые назывались *сариссами*. Сариссы достигали в длину пяти метров, поэтому воины задних рядов клали свои копья на плечи передних. Таким образом

передние ряды оказывались защищёнными несколькими рядами выставленных вперёд копий. Эта замкнутая масса воинов, закрытых щитами, ошетилившаяся копьями и двигавшаяся как единое целое, представляла собой в те времена почти несокрушимую силу. Этот строй назывался македонской фалангой.

Гордостью македонского войска была также тяжёлая конница, состоявшая из всадников, одетых в панцыри. В тяжёлой коннице служила македонская знать, так называемые «товарищи царя». Впервые при Филиппе в македонском войске начали применяться различные приспособления для осады крепостей. Был также создан флот.

Филипп II был талантливым полководцем. Он вёл много войн и значительно расширил границы Македонского государства, подчинив ряд племён, живших на севере Балканского полуострова. Часто он достигал успеха путём переговоров, не брезговал также подкупом родовой знати, продававшей независимость своего племени за богатые подарки македонского царя.

Когда Македония стала могущественным и богатым государством, Филипп задумал захватить Грецию. При этом македоняне удачно использовали внутренние раздоры среди греческих государств. Сначала им удалось подчинить Фессалию и утвердиться в Северной Греции. Но было ясно, что это только начало.

В самой Греции не было никакого единодушия, и поэтому греки не могли дать Македонии дружного отпора. Наоборот, некоторые греческие государства, враждуя друг с другом, сами обращались к Филиппу за помощью и были готовы признать его власть. И в Афинах, и в других греческих государствах шла жестокая борьба между богатыми и бедными. Бедняки требовали отобрать и разделить имущество богачей, и в некоторых городах дело дошло до открытых столкновений. Неудивительно, что находились люди, которые иногда прямо говорили, что лучше подчиниться власти македонского царя, чем продолжать бесконечные распри друг с другом. Это были главным образом богатые рабовладельцы и торговцы. Они считали, что, признав власть Македонии, смогут спокойно владеть своим имуществом. Если македонское войско займёт Грецию, оно не допустит никаких восстаний, не допустит и внутренних войн греческих государств между собой. Прекращение этих войн будет способствовать развитию торговли, а это было особенно выгодно купцам и вообще всем богатым людям,

Монета Филиппа II
с изображением Зевса.

Во главе антимакедонской партии встал Демосфен. Он не раз выступал в народном собрании с речами, стараясь разжечь в афинянах патриотические чувства. Он говорил, что необходимо объединить все силы для борьбы с македонским царём, который готовит грекам порабощение. Эти речи Демосфена, направленные против Филиппа Македонского, стали называться *филиппиками*; некоторые из них сохранились до нашего времени.

Сначала Демосфену было очень трудно вести борьбу с богатыми и влиятельными сторонниками македонского царя, но когда македонские войска захватили Фессалию и были готовы вторгнуться в Среднюю Грецию, настроение афинян резко изменилось. Большинство граждан поняло, что владычество македонян уничтожит демократические порядки, которые ещё сохранились в Афинах, и решило отстаивать независимость своей родины. Сторонников Македонии предали суду. Афиняне стали готовиться к решительному отпору. Это было время наибольших успехов и наибольшей славы Демосфена. Он становится руководителем Афинского государства. Ему удаётся снова несколько укрепить морской флот — главное оружие афинян — и добиться решения народного собрания о том, чтобы весь доход от театральных представлений шёл на военные нужды. Демосфен пытается создать общегреческий союз против Македонии и сам объезжает ряд греческих государств, призывая их объединиться с Афинами.

В это время в Афины неожиданно пришло взволновавшее всех известие: взят и разрушен город Амфисса! Войска Филиппа — в Средней Греции! Наступал решающий момент всей борьбы.

Когда Демосфен во главе афинского посольства прибыл в один из крупнейших городов Средней Греции, Фивы, чтобы предложить фиванцам присоединиться к союзу против македонского царя, то оказалось, что Филипп опередил его: здесь уже находились македонские послы, которые не скупились на самые щедрые обещания. Однако Демосфен добился блестящего успеха. Его речи о чести и славе Греции, о необходимости дать отпор общему врагу решили дело: фиванцы встали на сторону афинян.

И вот, в первых числах августа 338 года до новой эры, около города Херонеи произошло решающее сражение. Здесь объединённые силы греков встретились с македонским войском. Греки превосходили своего противника численностью, но среди них не было полного единства.

Оба войска на рассвете выстроились друг против друга в боевом порядке. Правым крылом македонского войска командовал сам Филипп, левым — его восемнадцатилетний сын, будущий великий полководец Александр. Началось яростное сражение. Долгое время нельзя было понять, на чьей стороне окажется победа. Первым решающего успеха добился Александр; воины, находившиеся под его командованием, нанесли сокрушительный удар «священному отряду» фиванцев, который до

сих пор считался непобедимым. Наоборот, на том фланге, которым командовал Филипп, афинянам удалось прорвать ряды македонян и потеснить их. «За мной, — вскричал афинский военачальник Лисикл, — победа наша! Прогоним этих несчастных обратно в Македонию!» Упоённые успехом, наступающие афиняне расстроили свои ряды. «Неприятель не умеет побеждать», — сказал Филипп, который наблюдал с высоты за ходом боя. Он быстро перестроил свою фалангу и снова ударил с ней на афинян. Успех был полный, вскоре всё греческое войско обратилось в беспорядочное бегство...

Позже на месте битвы был воздвигнут памятник павшим в сражении фиванцам — Херонейский лев.

Битва при Херонее решила судьбу Греции. Греки надолго потеряли свою свободу и независимость. Всюду власть переходила в руки немногих богачей, сочувствовавших Македонии. Хотя Афины и не были разрушены, но афинской демократии пришёл конец. Богатые граждане могли теперь не опасаться за своё имущество. Филипп запретил во всех греческих государствах отбирать имущество богатых, производить передел земли, отменять долги и освобождать рабов. Богатые рабовладельцы предали свою родину, и Филипп мог полновластно распоряжаться в Греции. На следующий год он созвал в городе Коринфе общегреческий съезд, на котором было принято решение о «вечном мире и союзе» между всеми греческими государствами и Македонией. Македонский царь назначался верховным командующим объединёнными военными силами. На этом же съезде было принято решение о подготовке к войне с Персией.

Херонейский лев.

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Македонскому царю Филиппу предложили купить прекрасного, но необъезженного коня Буцефала. Испытание коня было назначено за городом, на широкой равнине. Сам царь, окружённый пышной свитой, присутствовал на нём. Однако испытание оказалось неудачным. Лучшие ездоки пытались справиться с Буцефалом, но безуспешно. Конь сбрасывал каждого, кто пытался на него сесть.

Раздражённый Филипп приказал увести коня. Тогда его сын Александр, также присутствовавший на этом испытании, с горечью воскликнул: «Какого великолепного коня теряют из-за трусости и неумения его объездить!» Филипп сердито сказал сыну: «Почему ты высмеиваешь старших за то, чего сам не в состоянии сделать?» — «Если ты только позволишь, — уверенно отвечал мальчик, — то я его объезжу!» Все присутствующие рассмеялись, они отнеслись к ответу мальчика, как к весёлой шутке. Филипп, улыбаясь, дал сыну разрешение.

Александр между тем смело подошёл к Буцефалу, схватил его под уздцы и повернул головой против солнца: он заметил, что лошадь пугается своей собственной тени. Потом мальчик стал ласкать и гладить коня и вдруг в один момент очутился на нём. Конь стал на дыбы, начал вертеться и бить ногами, пытаясь сбросить седока. Но Александр сидел крепко. Тогда Буцефал стрелой помчался по равнине и скоро скрылся из глаз вместе с всадником. Филипп и все присутствовавшие были в отчаянии, считая, что мальчик погиб. Каково же было их изумление и радость, когда через некоторое время они снова увидели Александра на взмыленном Буцефале, которого он уже мог по своей воле поворачивать то в ту, то в другую сторону.

Когда Александру исполнилось тринадцать лет, Филипп пригласил для воспитания сына знаменитого греческого учёного и философа Аристотеля. Аристотель принял приглашение и три года прожил с Александром в маленьком македонском городке, вдали от царского двора. Нелегко было Аристотелю сладить со своим воспитанником. Александр рос упрямым и своенравным мальчиком. Уже в это время в его характере появились те черты, которые особенно ярко выступают впоследствии: смелость, доходящая до безрассудства, вспыльчивость, упрямство и непомерное честолюбие. Когда до Александра доходили известия о новых победах, одержанных его отцом, юноша с завистью восклицал: «Мой отец ничего не оставит на мою долю!»

Аристотель старался привить своему ученику любовь и уважение к греческой культуре. Любимым произведением Александра стала «Илиада», поэма великого Гомера. Свиток «Илиады» он всегда держал под подушкой, а излюбленным его героем был Ахиллес.

Когда Александру исполнилось шестнадцать лет и Филипп отправился в длительный поход против города Византия, он оставил сына вместо себя управлять государством. За это время Александру пришлось выступить походом против одного из племён, поднявшего восстание против Македонии. Поход был удачен; македоняне захватили и разрушили главный город этого племени. Восемнадцатилетним юношей он командовал левым флангом македонских войск в знаменитой битве при Херонее.

Летом 336 года, когда Филипп был неожиданно убит, Александру только что исполнилось двадцать лет. Молодой царь

попал в трудное положение. Как только в Греции узнали о смерти Филиппа, там снова появились надежды освободиться от македонского ига. Демосфен, в праздничной одежде, с венком на голове, явился на заседание афинского совета и поздравил всех с радостным известием. Александра он презрительно называл мальчишкой.

Узнав об этом, Александр воскликнул: «Под стенами Афин я докажу им, что я уже не мальчишка!» Не успели греки опомниться, как войско Александра оказалось в Средней Греции, недалеко от Фив. Идти походом на Афины уже оказалось ненужным, так как афинские правители направили Александру посольство, умоляя его о прощении. Тогда Александр, по примеру своего отца, собрал в Коринфе общегреческий съезд, на котором его провозгласили верховным командующим объединёнными греко-македонскими войсками.

Во время пребывания Александра в Коринфе там находился известный философ Диоген, который проповедовал, что человек, если он хочет быть счастливым, должен довольствоваться малым. Поэтому Диоген даже не имел жилища в доме, а жил и спал в большой бочке, прикрывая тело изодраным плащом. Слава о нём, об его учении и образе жизни широко распространилась среди греков. Александру захотелось увидеть философа и побеседовать с ним. Окружённый пышной свитой, он отправился к Диогену и застал его лежащим перед своей бочкой и греющимся на солнце. Увидев царя, тот немного привстал. Александр долго беседовал с ним, а в заключение разговора спросил: «Могу ли я сделать что-нибудь для тебя?» — «Конечно, — ответил Диоген, — вот, посторонись немного и не заслоняй мне солнца!» Все присутствующие громко расхохотались, но Александр обернулся к ним и сказал: «Если бы я не был Александром, то желал бы быть Диогеном!»

Когда Александр вернулся в Македонию, ему пришлось вести войну на севере Балканского полуострова. Жившие там племена, покорённые в своё время Филиппом, теперь готовились к восстанию и даже к вторжению в Македонию. Александр выступил со своим войском и почти год провёл на севере полуострова; покорил иллирийские племена, а фракийцев отеснил до Дуная. В одном из сражений он был тяжело ранен. Распространился слух о смерти Александра.

Когда этот слух дошёл до Греции, то греки решились на отчаянную попытку освободиться от македонского господства. В городе Фивах, где находился небольшой македонский гарнизон, началось открытое восстание. Фиванцы обратились ко всем грекам с предложением присоединиться к ним и совместными усилиями сбросить ненавистное македонское иго. Хотя афиняне колебались и не решались ещё открыто выступить на стороне Фив, тем не менее положение было очень серьёзным. Когда до Александра дошли известия о событиях в Греции, он быстро двинулся со

своим войском на юг и менее чем через две недели очутился под стенами Фив.

Поражённые фиванцы не хотели верить своим глазам, когда увидели Александра и его войско: они ведь считали его убитым. Александр предложил осаждённым сдаться и обещал им прощение, если они выдадут руководителей восстания. Фиванцы ответили отказом. Они не хотели предать своих руководителей и надеялись, что воспитанный греком Аристотелем Александр не решится разрушить один из стариннейших и славнейших городов Греции.

Но Александр в своих честолюбивых замыслах не остановился перед неслыханной жестокостью. Фивы были взяты штурмом и превращены в груды развалин, а все жители проданы в рабство. Александр не щадил ни исторических памятников, ни знаменитых учёных. Впервые полностью раскрылся его характер неумолимого завоевателя, не останавливающегося ни перед какими разрушениями для достижения поставленных им перед собой целей.

А цель Александра была: удержав в своей власти греческие государства, начать завоевание некогда великой персидской монархии, которая к этому времени значительно ослабела. В самой Греции положение было такое, что замыслы Александра встретили сочувствие у богатых рабовладельцев. Они надеялись, что с Александром в поход из их родных городов уйдут и те бедняки, которые, требуя себе пропитания, грозили отобрать у них имущество.

Вот почему, опираясь на сочувствующих ему богачей, Александр смог быстро сломить сопротивление в остальных городах Греции, даже не прибегая больше к таким жестоким мерам, как в Фивах.

ПАДЕНИЕ ПЕРСИДСКОЙ МОНАРХИИ

Весной 334 года до новой эры Александр Македонский начал свой знаменитый поход против Персии. Войска были переправлены на судах через Геллеспонт и высадились на малоазиатский берег, неподалёку от стоявшего здесь в былые времена города Трои.

Войско, с которым начинал Александр свой поход против могущественной персидской державы, состояло из 30 тысяч пехоты, 5 тысяч конницы и 160 военных судов. Оно было очень невелико по сравнению с теми несметными полчищами, которые могли быть выставлены персидским царём, а само Персидское государство было примерно в 50 раз обширнее царства Александра. Старые и богатые государства Древнего Востока — Египет, Вавилония, Финикия и т. д., были завоёваны персами и входили в состав Персидского государства. Оно было разделено на отдельные области — *сатрапии*, которые управлялись сатрапами, наместниками персидского царя,

Персидская армия была очень велика. Лучшую её часть составляла царская гвардия и греческие наёмники, служившие за деньги персидскому царю. Кроме того, каждая сатрапия была обязана поставлять в персидскую армию многотысячные отряды. Здесь были египтяне, вавилоняне; конница формировалась восточными сатрапиями — Парфией, Бактрией, а военный флот доставлялся финикийцами.

И всё-таки, несмотря на свою огромную территорию и многочисленное войско, Персия была, на самом деле, слабым государством. Персидскому государству нехватало внутреннего единства. Многие сатрапы чувствовали себя совершенно самостоятельными и только формально подчинялись персидскому царю. Произвол и вымогательства царских чиновников при сборе податей вызывали в отдельных частях Персидского государства восстания, подавлявшиеся со страшной жестокостью. Многие покорённые народы только ждали подходящего момента, чтобы сбросить с себя ненавистное персидское иго. Сама персидская армия имела серьёзные недостатки: она состояла из людей, родившихся в разных землях, говоривших на разных языках и нисколько не желавших победы персидскому царю. Уже поход десяти тысяч греков показал, что небольшое, но хорошо организованное войско может весьма успешно противостоять персам. И наконец, при дворе персидских царей всё время шла непрерывная борьба за власть. Когда Александр начал свой поход, персидским царём был Дарий III, человек слабовольный и нерешительный, к тому же бездарный полководец.

Узнав о переправе Александра через Геллеспонт, сатрапы Малой Азии собрали довольно большое войско. У них было около 20 тысяч конницы и 20 тысяч греческих наёмников. Один из военачальников, грек Мемнон, опытный и осторожный полководец, советовал избегать пока сражения и, медленно отступая, опустошать страну, чтобы Александр не мог нигде найти ни пристанища, ни продовольствия. Но персидские сатрапы воспротивились этому плану и говорили, что Мемнон хочет лишь затянуть войну. Персидские сатрапы, уверенные в своём превосходстве, жаждали решительного сражения. Поэтому они вывели своё войско навстречу Александру и заняли позицию на правом берегу маленькой горной речки Граник.

Александр, подойдя к Гранику, увидел на противоположном берегу построенную в боевом порядке персидскую конницу, а позади неё на возвышении — греческих наёмников. Один из соратников Александра, Парменион, посоветовал расположиться лагерем на берегу реки, дать отдохнуть войску и отложить нападение на следующий день. «Я постыдился бы, — отвечал Александр, — столь легко перейдя через Геллеспонт, быть задержанным этой ничтожной речонкой», и отдал приказ немедленно атаковать неприятеля.

После того как некоторая часть македонского войска пере-

Александр Македонский.

правились через реку, но не могла взобраться на крутой противоположный берег, сам Александр с македонскими всадниками перешёл Граник и врезался в ряды противника. Закипел горячий рукопашный бой.

Сражение становилось всё ожесточённое. Персы бились стойко и храбро, но наконец македонянам удалось прорвать их центр, и тогда они обратились в беспорядочное бегство.

Победа была полная. Этой победой было уничтожено владычество персов в Малой Азии. В течение лета 334 года войско Александра заняло город Сарды, греческие города Эфес и Милет. Затем Александр вступил в горные области Малой Азии и подчинил их себе. В городе Гордии, древней столице Фригии, армия остановилась на зиму. Здесь Александру показали знаменитую колесницу, принадлежавшую легендарному царю Гордию. На ней был сделан необычайно запутан-

ный узел из ремней, которыми прикреплялось дышло. Существовало древнее предсказание, что тот, кто развяжет узел, овладеет Азией. Александр сделал попытку развязать узел, но безуспешно. Однако он не растерялся: выхватив меч, он одним ударом разрубил узел пополам.

Но до завоевания всей Азии было ещё далеко. Персидский царь ещё не считал себя побеждённым, и вскоре Александр узнал о приближении огромной персидской армии во главе с самим Дарием III.

Македонское войско, двинувшись навстречу врагу, горными проходами вышло в долину у города Исса, где на берегу реки Пинара расположились силы персов. Передавали, что персидская армия насчитывала 600 тысяч человек, и хотя эта цифра, видимо, преувеличена, бесспорно, что силы персов значительно превосходили войско Александра. На правом крыле персов расположились греческие наёмники, на левом — так называемые кар-

даки (повидимому, курды), а в центре, по персидскому обычаю, находился сам царь, окружённый конным отрядом из знатнейших персов. Основная масса персидской конницы находилась на крайнем правом крыле, а остальная пехота, которой уже не было места в передних боевых рядах, расположилась в колоннах, позади первой линии.

Александр двигался со своим войском довольно медленно, делая по временам большие привалы, чтобы солдаты были бодры и свежи перед боем. Когда же войска сблизились на расстояние полёта стрелы, Александр во главе македонских всадников ринулся вскачь в воды Пинара и с такой силой и стремительностью атаковал центр неприятельской линии, что она начала подаваться и отступать. Вскоре под угрозой оказался и сам Дарий, окружённый своей гвардией. Когда он увидел Александра, стремительно нёсшегося ему навстречу во главе отборного отряда македонской конницы, он испугался и, пересев с колесницы на коня, бежал с поля боя настолько поспешно, что бросил свой лук и царскую мантию. Царская гвардия некоторое время ещё стойко держалась, отбивая атаки Александра, но постепенно зловещий слух о бегстве царя распространился среди персов, они дрогнули, начали отступать, а затем отступление превратилось в бегство.

Александр, вернувшись из погони за неприятелем, вошёл в роскошную палатку Дария. Здесь он был поражён видом царской бани, наполненной золотыми вёдрами и сосудами с благовониями, а также столовой, уставленной диванами, столами с драгоценными приборами, увешанной коврами. «Вот что значит быть царём!» — сказал он, усмехаясь, окружавшим его боевым друзьям. В этот момент ему передали сообщение, что мать и жена Дария, а также две его дочери захвачены в плен.

Победа при Иссе имела огромное значение. Силы Персии были значительно ослаблены, и в результате этой победы вся западная половина персидской монархии перешла в руки Александра. Недаром после этой битвы Дарий сделал попытку начать переговоры о мире, отвергнутую Александром.

Вскоре после битвы македонские войска двинулись на юг, к финикийскому побережью Средиземного моря. Большинство финикийских городов открывали свои ворота македонскому завоевателю без всякого сопротивления. Только город Тир отказался впустить Александра. Жители Тира считали свой город неприступной крепостью. Город был расположен на острове, отделённом от материка нешироким проливом, и окружён мощными стенами. Кроме того, Тир обладал сильным флотом. При тогдашнем уровне военной техники взять его было невозможно.

Тем не менее Александр решил овладеть Тиром. Началась осада города. Она продолжалась более семи месяцев; Александру пришлось применить всю осадную технику, которой славилась

македонская армия: тараны, осадные башни, огромные буравы для сверления стен; пришлось соорудить насыпь через пролив, отделяющий Тир от материка. Наконец после многих трудов и жертв город был взят.

Взятие неприступного Тира произвело огромное впечатление. Дарий снова обратился с мирными предложениями. На этот раз он предлагал Александру уступить всю территорию от Евфрата до Эгейского моря, 10 тысяч талантов в качестве выкупа за семью и руку одной из своих дочерей. На совете, который собрал Александр для обсуждения этих предложений, старый полководец Парменион заявил, что если бы он был Александром, он принял бы предложения Дария, вместо того, чтобы подвергаться дальнейшему риску и превратностям войны. Подумав, Александр ответил, что и он, если бы он был Парменионом, принял бы эти предложения. Но так как он — Александр, то они его не удовлетворяют. Дарию было отправлено письмо, в котором Александр писал, что он не желает получить часть территории Персидского государства, когда может иметь её всю, что в деньгах он не нуждается, а что касается женитьбы на дочери Дария, то он может сделать это и без его разрешения, поскольку царские дочери находятся у него в плену. Получив этот ответ, Дарий понял, что нет никаких надежд на мир, и начал усиленно готовиться к новым военным действиям.

Александр между тем направился со своим войском в Египет. Здесь он не встретил никакого сопротивления. Египтяне рады были возможности сбросить ненавистное для них персидское иго. В дельте Нила, на морском берегу, он основал город Александрию, который в скором времени превратился в крупнейший торговый и культурный центр и сохранял это значение на протяжении многих столетий.

Ранней весной 331 года македонская армия выступила из долины Нила и пошла старой дорогой через Финикию и Сирию на восток. Теперь Александр начал борьбу за восточную часть персидской монархии. Предстояла новая и, видимо, последняя схватка с персидской армией, которая должна была решить судьбу Дария и его державы.

Дарий готовился к предстоящему сражению. Он провёл набор войск из восточных сатрапий, собрал огромную армию и снабдил её лучшим вооружением. Но самое главное, на что рассчитывал Дарий, — это были боевые колесницы, усаженные острыми серпами, которые, врезаясь в ряды противника, производили страшное опустошение.

Двигаясь навстречу противнику, македонская армия переправилась через Евфрат и через вторую большую реку Месопотамии — Тигр. Здесь, на левом берегу Тигра, на большой равнине, недалеко от местечка Гавгамелы, стояло наготове войско Дария. Получив известие о близости неприятеля, Александр дал своим воинам четыре дня отдыха перед решающей битвой. Затем

он снялся с лагеря и утром 30 сентября вывел войско на цепь холмов, с которых был виден неприятель. Сражение он назначил на следующий день. Дарий, опасаясь ночной атаки, вплоть до рассвета держал своих воинов в строю. Но Александр был уверен в своих силах и решил подождать утра.

Утром 1 октября 331 года Александр вывел своё войско на поле сражения. В центре его боевого построения находилась македонская тяжёлая пехота, на обоих флангах — легковооружённые и конница. Правым крылом командовал сам царь, левым — Парменион. На обоих флангах была поставлена вторая линия войск, которая, в случае захода персов в тыл, должна была повернуться кругом и отразить нападение.

Сражение началось попыткой персов охватить правый фланг Александра. Дарий сразу же пустил в ход боевые колесницы. Однако надежды на это оружие не оправдались. Македоняне быстро расступились в стороны, а колесницы, проскочившие в тыл, были легко захвачены.

Выбрав минуту, когда строй персов на левом фланге нарушился, сильная ударная группа македонской конницы во главе с Александром бросилась к образовавшемуся прорыву. За ними двинулась вся масса тяжеловооружённой фаланги. Всё дальше и дальше проникала в ряды неприятелей эта ударная группа, сокрушая всё на своём пути. Бой кипел уже поблизости от Дария, и тут повторилось то, что уже произошло при Иссе. Царь снова бежал. За ним обратилась в бегство гвардия, затем персидские войска, находившиеся в центре, а затем и вся армия.

Победа была полной. По словам греческих историков, персы потеряли убитыми более ста тысяч человек. Александр с небольшим отрядом весь остаток дня и всю ночь преследовал бегущего Дария, но так и не смог его догнать.

Битва при Гавгамелах имела решающее значение. В этом сражении была уничтожена основная военная сила персов, и Дарий больше не имел возможности собрать и подготовить новую армию. Крупнейший город Востока, центр древневосточной культуры, Вавилон, сдался Александру без сопротивления. Честолюбивый Александр присвоил себе титул: «Царь Вавилона и четырёх частей света».

Выступив из Вавилона, войско Александра заняло одну за другой три столицы персидской монархии — Сузы, Персеполь и Экбатаны. В этих городах в руки Александра попали огромные богатства — казна персидских царей.

Дарий, отступавший с небольшим отрядом всё дальше и дальше на восток, скоро превратился в пленника своих же приближённых. Один из сатрапов схватил его, сковал и вёз в своей повозке. Несколько месяцев преследовал Александр беглецов; наконец, когда его отряд после утомительной погони, продолжавшейся днём и ночью, уже достиг персидского царя, спутники Дария убили его и усаkali дальше.

Смерть последнего персидского царя завершила крушение огромной восточной монархии, основанной ещё Киром. Теперь она оказалась в руках македонского завоевателя. Александр, оставаясь македонским царём и вождём эллинского союза, становился, кроме того, повелителем персидской державы.

Поход Александра на этом не кончился; он продолжался ещё несколько лет. Александр подчинил себе все восточные сатрапии — Гирканию, Арию, Арахозию, Бактрию и Согдиану. Он даже перешёл восточную границу персидской монархии и вторгнулся в Индию. На развалинах персидской державы было создано новое огромное государство.

Но Александр напрасно думал, что создать такое государство так же просто, как разрубить мечом гордиев узел. Все многочисленные страны, находившиеся под властью Дария, теперь признали власть македонского царя. Но внутри этих стран мало что изменилось. Как и Персидское государство, держава Александра Македонского состояла из разнородных земель с разной культурой, разной жизнью и разными языками. Между ними почти не было никаких торговых связей. Сколько бы ни восхваляли Александра придворные льстецы, для народов его государства он был таким же угнетателем, как и персидский царь.

При жизни Александра государство это ещё кое-как держалось, объединённое силой оружия. После его смерти оно начало быстро распадаться.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИНДИЮ

Началась самая трудная часть пути от Каспийского моря по великой реке Оксу¹ до столицы Бактрии Бактр², откуда предстояло, перевалив через горы, дойти до Сакалы, столицы грека Менандра, объединившего под своей властью значительную часть северной Индии. Там приезжие купцы продавали привезённые ими товары и, закупив шёлковые и хлопчатобумажные ткани, драгоценные камни, жемчуг, слоновую кость, лекарственные и ароматические растения, возвращались тем же путём к Каспийскому морю.

Мало кто из путешественников, пустившихся в странствование по одной из величайших рек Азии, представлял себе те земли, которые предстояло им увидеть. Только один пожилой купец из Сирии уже бывал раньше в этих местах, и его спутники стали просить рассказать им о них. Сириец охотно согласился. Он не только сам плавал по Оксу и бывал в Индии, но, как человек образованный, читал много книг о путешествиях.

¹ Река Аму-Дарья.

² Город Балх в Северном Афганистане.

«Вы увидите много интересного,—сказал старый купец своим спутникам,—и не пожалеее, что совершили этот долгий путь. Здесь есть области, где земля, орошённая реками и искусно построенными каналами, так плодородна, что ягод с одной виноградной кисти хватает на меру вина, одно фиговое дерево даёт десять медимнов плодов, а зёрна пшеницы отличаются необыкновенной величиной. Таковы селения Гиркании, лежащей к востоку от Гирканского (Каспийского) моря, и оазис Маргианы¹. Но есть тут и страшные пустыни, по которым ветер гонит тучи песка, сбивая с ног людей и верблюдов, и где можно находить дорогу лишь по звёздам. Только кочевники, массагеты и саки переходят эти пустыни, зная тайну древних подземных колодцев, которые они тщательно скрывают, чтобы иноземные захватчики, решившиеся идти на них войной, погибли от жажды в раскалённых песках.

Эти кочевники, массагеты и саки, живущие к северу от Окса, очень отважны и выносливы. Переходя с места на место, они пасут свои стада, проводя большую часть жизни на маленьких, выносливых лошадках. Закалённые суровой, простой жизнью, они одинаково хорошо сражаются и пешие, и на конях, ловко действуя своими короткими мечами, луками и секирами. На бой они выходят, украсив себя золотыми поясами, а своих коней — золотыми бляхами. Женщины у них так же выносливы и воинственны, как и мужчины.

Эти народы издавна славятся своей непобедимостью. Говорят, что даже древние ассирийские цари, победившие весь мир, не смогли покорить их. И персидский царь Кир, завоевавший много стран, погиб в войне с массагетами. И Александру Македонскому саки и массагеты доставили немало хлопот и не дали ему строить крепости на их земле.

А большая страна хоразмиев² к востоку от Гирканского (Каспийского) моря вовсе не подчинилась Александру и сохранила свою независимость. Это древняя и сильная страна. Многочисленные каналы орошают её плодородные поля. Непреступные крепости защищают от набегов кочевников».

Путешественники прибыли в Бактр. С интересом осматривали они чистые и нарядные улицы города, его оживлённые, богатые рынки.

«Эта земля тоже не сразу подчинилась греческой власти,—сказал сириец.—Ещё при Александре здесь было большое восстание. Первыми восстали согдийцы. Усмирять непокорных отправился сам Александр, который был тяжело ранен в одной из битв. Во время штурма центра восставших, города Киrhoполя, македоняне перебили 8 тысяч человек, но согдийцы сопротивлялись, пока не были истреблены защитники ещё семи

¹ Долина реки Мерва.

² На территории нынешней Кара-Калпакской АССР.

городов. Однако свободолюбивый дух не был сломлен. Вскоре вспыхнуло новое восстание, во главе которого встал полководец Спитамен. Он захватил город Мараканду¹, перебил большую часть находившихся там македонских солдат, а остальных осадил в городской цитадели. Посланных против него Александром 800 всадников и 3 тысячи пехотинцев Спитамен притворным отступлением заманил на пустынный остров, где большая их часть была перебита подоспевшими на помощь саками. Целый год Спитамен с небольшими отрядами то нападал на македонян, наноса им большой ущерб, то отступал в недоступные для преследования степи. Только с помощью предательства удалось его победить».

Когда путешественники покинули Бактр и отправились в горы, чтобы начать последнюю часть пути, один из них попросил сирийца: «Расскажи нам об Индии — о стране, куда мы идём».

«Когда-то об Индии рассказывали много всяких чудес и **былиц**, — сказал сириец. — Говорили, что там живут люди с ушами до земли или с такими большими, вывороченными пятками, что они служат им вместо зонтиков; или люди без ртов, которые питаются только запахами кушаньев, цветов и плодов. Говорили также, что там водятся муравьи величиной с лисиц, которые добывают и стерегут золото.

Но с тех пор как там стали бывать греки, никто больше не верит этим сказкам. И всё-таки это очень интересная страна. Там протекают огромные реки, которые каждый год разливаются от дождей невиданной силы и затопляют селения, если они не построены на высоких холмах. Земля там так плодородна, что даёт по два обильных урожая в год, а деревья достигают такой величины, что в тени их может укрыться до ста человек. В непроходимых лесах водятся огромные змеи, которых почитают священными, слоны, которых опытные охотники ловят и затем приучают служить людям. Там растут лекарственные и ядовитые травы, сахарный тростник и хлопок. Там добывают драгоценные камни, золото и жемчуг.

Вся земля принадлежит царю, и те, кто ею пользуются, платят ему дань частью урожая. Царю же принадлежат большие мастерские, в которых работают свободные ремесленники и осуждённые преступники. Крестьяне живут в сёлах общинами, совместно обрабатывают землю и вместе отвечают за уплату налогов. Во главе их стоит староста, который в важных случаях собирает домохозяев на сход, куда не допускаются женщины, слуги и рабы. В каждом селе имеются жрец, кузнец, плотник, горшечник, брадобрей, иногда музыкант или поэт. Несколько сёл подчинены одному чиновнику, а чиновниками распоряжается один из главных министров царя, следящий за правильной обработкой земли и своевременным поступлением подазей.

¹ Теперь город Самарканд.

Города Индии хорошо укреплены и очень оживлены. То и дело на улицах встречаются запряжённые конями коляски знати, богатые купцы, ремесленники, актёры, музыканты, плясуны, рабы, слуги. Торговля находится под строгим надзором властей. Многие ценные товары, производящиеся в царских мастерских, имеют право продавать только чиновники царя от его имени, другие товары купцы обязаны продавать лишь по тем ценам, которые каждое утро объявляют царские глашатаи. Купцы за торговлю платят значительные подати. Налоги платят и ремесленники, объединённые в товарищества, которые отвечают за выполнение заказов царя. Если ремесленники отказываются работать, их сурово наказывают. Все жители городов обязаны ложиться спать и вставать по сигналу глашатаев. За исполнением этих правил и законов наблюдает множество чиновников и тайных агентов. Царь живёт в роскошном дворце с великолепными садами и парками, из которого он выезжает только в суд, на охоту или для участия в торжественных процессиях.

Весь народ в Индии поделён на касты. Высшая каста — это *брахманы*, из них выходят жрецы, учёные, советники царя. Следующая каста — *кшатрии*, это воины, знать; к касте *вайшьев* принадлежат земледельцы и ремесленники, а ниже всех стоят *шудры*, которых все остальные презирают. Члены разных каст не могут вступать между собой в брак, и родившийся в одной касте не может из неё выйти. Конечно, это устройство выгоднее всего брахманам, которые пользуются наибольшим почётом и доходами.

Во время своего похода против Персидского государства Александр Македонский завоевал и Индию, однако после его смерти там вспыхнуло освободительное движение во главе с Чандрагуптой из племени или рода Мауриев. Он сумел собрать значительные силы, окончательно изгнал македонян и создал сильное государство со столицей в большом богатом городе Паталипутре на Ганге. То, что сам Чандрагупта происходил не из высшей касты, а был из простых людей, нанесло сильный удар кастовому строю.

Попытки македонян восстановить свою власть в Северной Индии не удалось. Между Чандрагуптой, его преемниками и наследниками Александра в Египте и Азии вскоре установились дружеские отношения; они обменивались посольствами и подарками. Но постепенно, особенно после смерти Ашоки, внука Чандрагупты, против династии Мауриев усилилось недовольство, которое сеяли брахманы. Они хотели вернуть себе своё исключительное положение. Их поддерживали мелкие царьки Центральной и Южной Индии. Примерно через 140 лет после того, как Чандрагупта возглавил движение против завоевателей, последний из его потомков был свергнут с престола брахманским ставленником Пушьямитрой, а Индия снова распалась на отдельные мелкие царства. Это-то и позволило бактрийским грекам Евтиде-

му, Деметрию, а затем Менандру снова пойти по пути Александра в Индию, захватить её северные области и даже продвигнуться ещё дальше — до столицы Мауриев Паталипутры.

Но Менандр, хотя он и грек, правит совсем как индийский царь. Разве только какой-нибудь полугреческий храм, статуя или картина с изображением Александра напомним, что некогда эллины были здесь господами. Думаю, что недалёк тот день, когда мощная Парфия и воинственные массагеты изгонят последних эллинов из Средней Азии и Северной Индии, окончательно восстановив независимость, за которую так долго и мужественно сражались местные племена и народы!»

ПРИ ДВОРЕ ДИОНИСИЯ СИРАКУЗСКОГО

Во всём греческом мире единогласно признавали, что новому тирану сиракузскому Дионисию далеко до его отца, тоже Дионисия, прозванного Старшим в отличие от своего сына и преемника. Даже враги, а их у покойного тирана было немало, не могли не согласиться, что за его 37-летнее правление Сицилия стала одной из сильнейших держав на Средиземном море. Большая часть острова была освобождена от карфагенян, которые долгие годы воевали с греками добиваясь господства в западном Средиземноморье; Сиракузы подчинили своему влиянию греческие города южной Италии. Сицилийские купцы стали свободно плавать по морю, не боясь своих соперников из Карфагена.

Решающую роль во всех этих успехах сыграл народ — широкие слои горожан. Когда во время страшной войны с Карфагеном враги занимали один город Сицилии за другим, грабя, убивая и уводя в рабство жителей, а военачальники сицилийских войск, выбиравшиеся из знатных и богатых семей, проигрывали одну битву за другой, двадцатипятилетний Дионисий, сын простого человека, выдвинувшийся только благодаря своему мужеству, обратился к гражданам Сиракуз. Он говорил им, что военачальники-аристократы или не умеют воевать, или, и того хуже, предают народ врагам, и предлагал сместить их. Народ слушал его охотно. Уже давно желал он покончить с аристократией и установить демократическое правление по образцу афинского.

После жестокой борьбы знать была изгнана, её имущество роздано беднейшим гражданам, воинам и отпущенным на волю рабам, а власть вручена Дионисию. Во время этой борьбы он сам жестоко пострадал: его молодая жена была зверски убита аристократами. Но он и сам не щадил врагов и сумел удержать власть и смирить непокорных. Постепенно на его сторону встали граждане и других городов Сицилии, и с их помощью он одержал победу.

Выходец из простой семьи, Дионисий Старший любил учёных,

философов, поэтов и приглашал их к своему двору со всех концов Греции. Он и сам писал стихи и трагедии и волновался за их успех не менее, чем за исход какого-нибудь сражения. Некоторые придворные униженно хвалили их, другие откровенно высказывали Дионисию своё часто весьма нелестное мнение о его сочинениях.

Раз как-то поэт Филоксен зло раскритиковал стихи Дионисия. Обиженный тиран приказал сослать его на работу в каменоломни. Однако очень скоро друзья исходатайствовали поэту прощение. Дионисий пригласил его на обед, прочёл ему свои новые стихи и спросил его мнение. Вместо ответа Филоксен обратился к стражникам Дионисия и сказал: «Ведите меня снова в каменоломни». Дионисий рассмеялся и помирился с Филоксеном.

Злые языки говорили, что Дионисия сразила неудача его произведений на олимпийских играх и что после этого он стал подозрителен и раздражителен. Но на самом деле причиной этому было растущее недовольство аристократии, во главе которой втайне стоял близкий родственник Дионисия, Дион. Во всяком случае, к концу своей жизни Дионисий нередко говорил о ненадёжности положения тирана, который окружающим кажется всемогущим. Разговорившись как-то на эту тему со своим любимцем Дамоклом, он пожелал наглядно показать ему, какова жизнь правителя. Для этого он посадил его в роскошно убранном помещении за уставленный изысканными кушаньями и напитками стол, а над его головой повесил на тонкой нитке меч, который каждую секунду мог сорваться и убить Дамокла. С тех пор «дамоклов меч» вошёл в поговорку, как символ вечной и страшной угрозы, нависшей над человеком, по видимости сильным и счастливым.

Младший Дионисий в начале своего правления не предавался таким мрачным мыслям. Беспечный и недалёковидный, он готов был приблизить к себе знать, возвращая изгнанников. Окру-

Сократ.

жая себя роскошью, он не видел, что аристократы хотят вернуть себе власть.

В одном только он был похож на отца: как и Дионисий Старший, он увлекался наукой и искусством, окружал себя философами.

В Сицилии подолгу жили ученики знаменитого афинского философа Сократа — Эсхин, Аристипп, Платон.

Большой любовью Дионисия пользовался уроженец Кирены Аристипп. Он не изучал природу, подобно прежним философам Греции, а пытался найти способ, каким человек может прожить наилучшим образом. Теперь, когда бесконечные смуты и войны потрясали Грецию, когда одни сказочно богатели, а другие делались нищими, когда любой город мог быть разграблен врагами, а жители его проданы в рабство, когда каждый мог стать изгнанником, если к власти приходила партия, враждебная его партии, — все старые связи, объединявшие некогда граждан одного города, распадались. Многие люди уже не думали о благе своей родины, а думали лишь о себе, как бы получше и поспокойнее прожить среди всех этих бурь и катастроф, не смущаясь ими и не теряя присутствия духа.

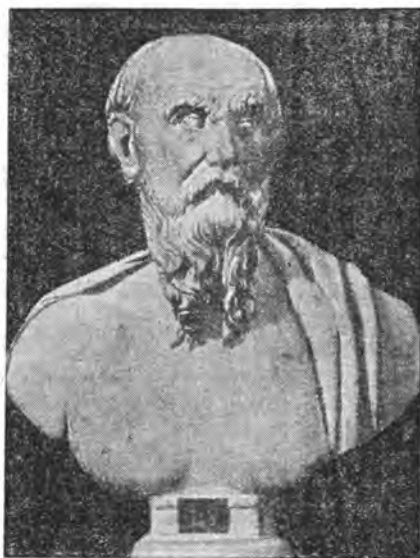
Аристипп, происходивший из богатой семьи, любивший хорошо пожить и постоянно нуждавшийся в деньгах, откровенно объявлял, что, по его мнению, задача человека — получить как можно больше удовольствий, не стесняясь средствами для их приобретения. Он приспособивался к любым людям, любым обстоятельствам, готов был сносить любые оскорбления, лишь бы ему хорошо платили. За эту-то уживчивость и любил его Дионисий. Раз он плюнул Аристиппу в лицо. Тот спокойно утёрся и на упрёки знакомых в низости спокойно ответил: «Ведь терпят же рыбаки, что море обливает их с ног до головы, когда они отправляются на ловлю мелкой рыбёшки, так как же мне не снести одной брызги на моей щеке, когда я получаю от Дионисия такую богатую добычу».

Дионисий давал ему много денег, а ещё больше Аристипп получал от своих учеников. Иногда отцы, приводившие к нему в ученье своих сыновей, спрашивали: что же даст их детям наука, за которую Аристипп требует такую высокую плату? Он объяснял, что его мудрость научит мальчиков именно тому, что пригодится им, когда они станут взрослыми людьми. И отцы, подумав, оставляли в его школе сыновей и вносили требуемую плату. Аристипп жил в своё удовольствие, ни в чём себе не отказывая, платя любую цену за вкусную пищу и оправдываясь тем, что он щедр, не привык рассчитывать и что всё это неважно, потому что всё-таки он владеет своими желаниями и страстями, а не они владеют им. А когда денег не хватало, он брал их у друзей, говоря, что делает это не из нужды, но чтобы дать друзьям возможность употребить деньги наилучшим образом.

Многие осуждали его и за его учение, и за образ жизни. Особенно осуждал его знаменитый философ Диоген из Синопы. Аристиппа он презрительно называл «царским псом». Как-то раз Аристипп встретил его на берегу ручья, в котором Диоген мыл овощи для своего скромного обеда. «Если бы ты умел обходиться, как нужно, с Дионисием, — сказал насмешливо Аристипп, — тебе бы не пришлось довольствоваться таким обедом». — «А если бы ты умел довольствоваться таким обедом, — ответил Диоген, — тебе не пришлось бы заискивать у Дионисия».

Но самым почётным гостем при дворе Дионисия был Платон, наиболее знаменитый из учеников Сократа. Платон происходил из знатного рода. Его отец был потомком законодателя Солона, а мать считала в числе своих предков древнего афинского царя Кодра. Демократию он ненавидел, а народа боялся. Он называл его озлобленной, нищей чернью, способной на всякое зло и насилие против «лучших», то-есть богатых и знатных. Он говорил, что деятели демократии, не получив изысканного воспитания, выдают свою наглость за образованность, своеволие — за свободу, бесстыдство — за мужество. Его возмущало, что афинский народ принимает участие в управлении государством, что рабов в Афинах хоть отчасти защищает закон против жестокого произвола господ, и он говорил, что скоро афиняне сделают равноправными с собой собак и ослов. Желание бедняков улучшить своё положение, их требования передела земли и отмены долгов его пугали и раздражали. Он говорил, что в каждом греческом городе теперь есть два государства — государство богатых и государство бедных — и что их борьба неминуемо окончится появлением тирана, который отнимет у «лучших людей» их богатство и раздаст их неимущим. И он искал способа, как избежать этого и как построить такое государство, в котором простой человек не смел бы даже заикнуться о своей тяжёлой доле.

Платон считал, что богатые и знатные должны были первым делом сплотиться между собой. Ведь если бы какой-нибудь господин, писал он, оказался бы со своими рабами в пустыне, они немедленно убили бы его. Только помощь других господ, которые сообща умеют внушить страх своим рабам, удерживает их в повиновении. Эта потребность во взаимной помощи и со-

Диоген.

здаёт государство. А чтобы защищать его от врагов внешних и внутренних, нужны сильные правители, стражи и воины. Эти правители не должны ссориться между собой, и потому у них должно быть всё общее, даже жёны и дети. Не имея ни имущества, ни семьи, они не будут завидовать друг другу и всё своё время смогут уделять занятиям науками и управлению государством. Только доказавшие свои способности к астрономии, математике, философии к пятидесяти годам могут войти в касту правителей. Остальной народ — земледельцы, ремесленники и, конечно, рабы — должны содержать правителей и безропотно им повиноваться.

Все обязаны следить друг за другом и доносить один на другого. И в мелочах, и в важном, и в мире, и на войне гражданин должен беспрекословно повиноваться начальнику. Даже игры детей не оставались без строгого надзора — дети должны были смеяться и плакать только над тем, что предписывалось законами; они не должны выдумывать новые игры, песни и пляски, а то, привыкнув к новшествам, они могут, став взрослыми, пожелать чего-нибудь нового и в государстве. Чтобы никому не приходили в голову никакие сомнения, граждане не должны общаться с жителями других городов и государств. Только самые проверенные правители могут иногда поехать в другой город с тем, чтобы, вернувшись домой, заверить сограждан, что всюду живётся гораздо хуже, чем у них.

Конечно, Платон понимал, что вряд ли найдётся много желающих поселиться в этом его «идеальном государстве». Он выдвигал разные планы. То предлагал устроить государство, выселив из города всех взрослых и оставив только детей до 10 лет, которых можно будет воспитывать безропотными и покорными; то говорил, что для начала надо под предлогом устройства колоний удалить всю «мятежную чернь».

Платон славился своим умением убеждать слушателей и читателей. Но при всех способностях Платону не удалось соблазнить соотечественников планом будущего государства, которое он предлагал организовать. Тогда Платон стал возлагать все свои надежды на «мудрого и добродетельного тирана», который при помощи силы осуществил бы его идеи. Таким тираном, по его мнению, мог стать Дионисий. В этой мысли Платона укреплял его друг и поклонник Дион, игравший видную роль при дворе Дионисия Младшего. Он хотел привлечь Платона в Сиракузы, чтобы затем с его помощью легче осуществить свои тайные замыслы захвата власти.

Но у Платона уже были неприятности в Сицилии, которую он посетил в правление Дионисия Старшего. Последний пожелал познакомиться с Платоном, но, раздражённый его речами против тирании, приказал продать его в рабство.

Друзья быстро выкупили Платона, и он возвратился в Афины. С тех пор его сношения с Сиракузами прервались, но теперь

он снова поехал туда и пытался склонить Дионисия Младшего на осуществление своих проектов. Вначале Дионисий Младший принял его хорошо, подарил ему 80 талантов и обещал содействовать устройству платоновского государства. Аристипп и Эсхин не влюбились в него, завидуя предпочтению, которое было оказано вновь прибывшему собрату. Но вскоре отношения Дионисия и Платона испортились. Дионисий стал подозревать его в тайных сношениях с Дионом, заключил Платона под стражу, и его положение стало опасным. С трудом удалось философу возвратиться в Афины.

Другим ученикам Сократа тоже недолго пришлось пользоваться гостеприимством Дионисия. В Сицилии вспыхнула борьба за власть. Диону и его партии удалось изгнать Дионисия, но зато сам Дион, к которому народ относился враждебно, недолго удержался у власти и был убит.

Философам, жившим при дворе Дионисия Младшего, пришлось искать другого «мудрого тирана», который помог бы им осуществлять их планы.

ОСАДА РОДОСА

Стоял ясный весенний день, когда собравшиеся на Акрополе афиняне увидели, что вдоль берегов Аттики плывёт флотилия из двадцати отборных судов. Солнечные лучи играли на пёстрых парусах и на затейливых металлических украшениях.

Это зрелище не вызвало в афинянах ни особого удивления, ни волнения. Скорее всего, думали они, это корабли правителя Египта Птолемея, которые направляются в Коринфский порт. Время было беспокойное, войны следовали одна за другой, и все давно привыкли к большим военным кораблям. Привыкли и к постоянному передвижению войск, за которыми следовали жёны и дети воинов, рабы и толпы купцов и ростовщиков, дававших воинам деньги в долг под большие проценты и скупавших военную добычу и пленных.

Уже больше полутора десятилетий бывшие военачальники Александра непрерывно воевали друг с другом, разрывая на части его огромную державу, оставшуюся после смерти завоевателя. Долгие годы малолетний сын царя Александр, родившийся уже после смерти отца, томился в заточении со своей матерью бактриянкой Роксаной по приказу стратега Кассандра, захватившего власть в Македонии. А затем, опасаясь, чтобы мальчик не был использован недовольными, Кассандр приказал убить его вместе с матерью. Некоторое время он держал своё злодеяние в тайне, но потом о нём узнали. Впрочем, большого возмущения оно ни в ком не вызвало. В те времена жестокость и убийство, предательство и измена стали обычным делом. Победители спокойно истребляли жён и детей побеждённых, наёмные

солдаты охотно переходили к тому, кто обещал лучшую плату, а мирное население, запуганное и обнищавшее, старалось лишь держаться подальше от событий, которые несли ему разорение, смерть или продажу в рабство.

Никто уже не мог надеяться соединить под своей властью все земли македонского завоевателя, но каждый из его полководцев, которых называют *диадохами* — преемниками Александра, старались захватить побольше областей, городов и богатства. Кассандр, утвердившись в Македонии, хотел укрепить свою власть и в Греции; Птолемей, которому достался Египет, завоевывал города Сирии; правитель Фракии Лисимах расширял свои владения в постоянной борьбе с воинственными фракийскими племенами; Селевк, считавший своим владением Вавилон, покушался на Малую Азию, которой управлял Антигон.

Антигон, несмотря на свои 75 лет, был самый энергичный, воинственный, хитрый и волевой из всех диадохов. Он всё ещё тайне мечтал стать единственным наследником Александра. Воины любили и уважали его за личное мужество и богатые подарки. Чтобы удержать их привязанность, он безжалостно обирал население подвластных ему городов. Когда ему указывали, что Александр никогда не доходил до такой жадности в сборе налогов, Антигон отвечал, что Александр имел возможность косить в Азии, а он только собирает колосья. Единственным человеком, которого Антигон любил и с которым считался, был его сын, красавец Деметрий.

О Деметрии хорошо знали в Афинах. Там рассказывали, что хотя сын Антигона рос среди восточной роскоши, к которой уже успели привыкнуть македонские стратеги, но по образу мыслей, образованию и мужеству он — настоящий эллин. Хотя Деметрий и увлекается пирами, но в бою нет храбрее его, и он будто бы уже давно готов сразиться за свободу Афин, угнетённых Кассандром.

Власть македонского правителя тяжёлым бременем ложилась на Грецию. Гарнизоны Кассандра стояли во всех больших городах, и с их помощью богачи и знать полновластно распоряжались делами. Сторонники демократии и враги македонской партии безжалостно истреблялись. Так, например, военачальник Кассандра Аполлонид, подавляя в городе Аргосе демократическое восстание, сжёг 500 его участников. Солдаты грабили непокорные города, продавали жителей в рабство.

В Аттике, в крепости Мунихии и в Пирее тоже стояли македонские гарнизоны, а Афинами уже десять лет правил ставленник Кассандра Деметрий Фалерский, которого народ из года в год «избирал» то стратегом, то архонтом. В согласии с македонской политикой он лишил беднейших граждан политических прав, а богатых освободил от государственных повинностей — *литургий*. Роль народного собрания была очень незначительна. Многочисленные шпионы следили за поступками граждан. Но богатые люди были довольны Деметрием Фалерским.

Им нравилось, что он пишет изящные стихи и хорошо знаком с учениями модных философов, которые все почти были более или менее враждебны демократии. Им нравились также обильные пиры, на которые правитель приглашал их в свой роскошный дворец, убранный коврами, живописью, статуями. Им нравилось даже то, что он за один месяц воздвиг себе на народные деньги 360 статуй. Ведь это давало работу их мастерским, где искусные мастера и рабы изготавливали статуи, изящную утварь, металлическую и художественную глиняную посуду, находившую широкий сбыт во всём мире.

Деметрий Фалерский заботился о том, чтобы афинские купцы могли беспрепятственно наживаться, продавая свои товары и закупаая необходимые для Афин зерно, металлы, лес и рабов. Рабов теперь собралось в маленькой Аттике, где было всего 21 тысяча граждан, до 400 тысяч человек. Они работали в гончарных, художественных и оружейных мастерских, в имениях и в серебряных рудниках, где условия труда были очень тяжелы. Купцы богатели, им было выгодно, что цены на продукты непрерывно росли. Но бедным людям приходилось трудно. С раздражением смотрели они на неумеренную роскошь правителя и его сторонников. С негодованием передавали, что повар Деметрия Фалерского, торгуя объедками со стола господина, за два года приобрёл себе три имения.

Враги македонской власти с нетерпением ждали помощи от Антигона и Деметрия. Какова же была радость одних и растерянность других афинян, когда замеченные у берегов Аттики суда не проплыли к Коринфу, а вошли в гавань Пирей и на борту самого большого из кораблей народ увидел Деметрия. На солнце сверкал его панцырь — подарок знаменитого оружейника, весивший около пуда и непроницаемый для стрел и копий. Он умел понравиться народу, всегда ценившему физическую красоту, силу и красноречие. Многим казалось, что сам древний герой Ахилл прибыл в Афины, чтобы вернуть городу прежнее величие и свободу.

Выслушав его речь, народ с радостными криками побросал взятое было оружие и приветствовал сына Антигона. Правитель Афин Деметрий Фалерский явился в Пирей и униженно попросил для себя разрешения покинуть Афины.

После ожесточённого сопротивления сдался гарнизон Мунихия, и Деметрий торжественно въехал в город. Он объявил народу, что дарует ему свободу, хлеб и лес для постройки кораблей, — он желает, чтобы Афины снова стали сильной морской державой, как некогда при Перикле. Народ в восторге опрокидывал статуи прежнего правителя и изгонял его сторонников. Остальные греческие города, ободрённые примером Афин и присутствием Деметрия с его армией, флотом и казной, восставали против македонского господства.

Но прошло немного времени, и честные демократы стали за-

мечать, что они ничего не выиграли, сменив Кассандра на Деметрия: законом, как и прежде, оставалась воля правителя. Бесстыдной лестью окружали Деметрия ловкие политики, выдававшие себя за демократов. Новому «освободителю» и его отцу воздвигались золотые статуи. Деметрий и Антигон были объявлены богами, им приносили жертвы и дары, в их честь слагали гимны с мольбами о мире и благоденствии.

Деметрия и Антигона величали не только богами, но и царями, а вскоре и другие диадохи приняли этот титул. В Афинах Деметрий чувствовал себя настоящим царём. Его слово было законом, а народное собрание не смело принять закон или вынести приговор, негодный Деметрию. Случалось, что он отменял постановления народного собрания по просьбе какого-нибудь своего любимца, сумевшего угодить ему.

Впрочем, на этот раз Деметрию не пришлось особенно долго наслаждаться в Греции лестью и празднествами. Антигон, снова начавший войну с Птолемеем, приказал ему вывести флот в море и принять участие в военных действиях. Деметрий покинул Афины без сожаления: он любил войну, где мог проявить своё искусство полководца и особенно свои большие способности в сооружении военных и осадных машин. Эти способности доставили ему прозвище Полиоркета — «завоевателя городов». Теперь Деметрию предстояло показать своё искусство в борьбе с городом Родосом, не желавшим заключить союз с Антигоном против Птолемея и принять в свои стены гарнизон Деметрия.

На весь мир славился остров и город Родос своим богатством и великолепием. Торговые суда из Греции, Малой Азии, Сирии, Финикии, Египта постоянно толпились в его трёх гаванях, доставляя товары на его обширные рынки. Родосские купцы и корабельщики наживали огромные богатства на торговле хлебом, маслом, вином, предметами роскоши из Индии, рабами.

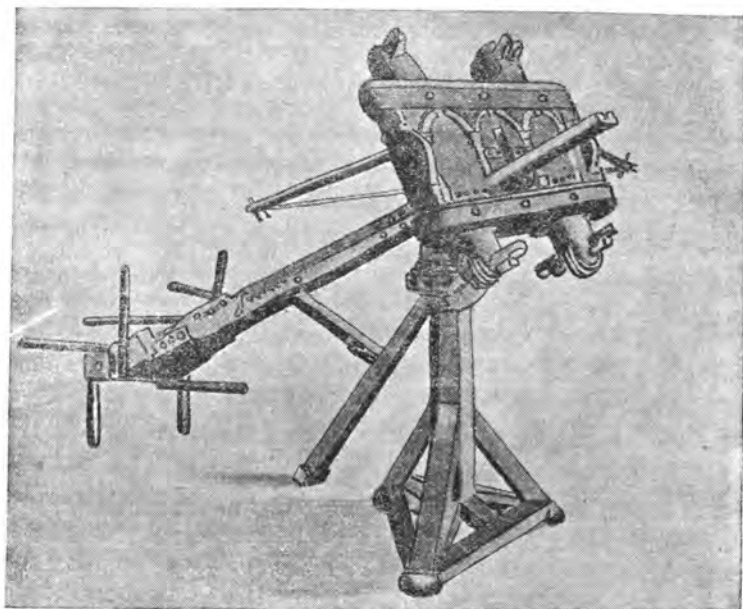
Родосские купцы находили выгодным жертвовать часть своих богатств, чтобы, подкармливая бедняков, держать их в повиновении и иметь дешёвую рабочую силу. Правда, в многочисленных мастерских Родоса трудились рабы, поступавшие сюда из Азии, Фракии, с берегов Чёрного моря, даже из Скифии. Но для работы на судах и в гаванях нужны были свободные. Родосские корабли и корабельщики считались лучшими в мире. Ревниво оберегая тайны своего искусства, родосцы не допускали на свои верфи ни рабов, ни иноземцев, как не допускали их в оружейные мастерские и арсеналы. Зато никто не мог равняться с ними в искусстве кораблестроения и мореплавания, и их морские законы ещё через 500 лет признавались всеми мореходами. Служба во флоте считалась у них самым почётным делом для граждан, и многие занявшие потом самые высокие должности в республике гордились тем, что начали свою службу моряками. Отставные моряки, служившие на одном корабле, образовывали товарищества, до конца жизни считая себя как бы членами одной семьи.

Когда Антигон предложил родосцам союз против Птолемея, они ответили вежливым, но решительным отказом. Египетский хлеб был одним из главных предметов их торговли, а союзники Антигона афиняне — их главными соперниками. К тому же в родосской республике ненавидели всякую тиранию. И республика, и отдельные граждане охотно жертвовали деньги и продовольствие городам, боровшимся против македонского господства. А пример Афин показывал родосцам, какой независимости они могут ждать, если допустят новоявленных царей вмешиваться в их дела и впускать к себе их воинов. Поэтому они ограничились только тем, что воздвигли статуи Антигону и Деметрию, но царей этот знак вежливости не удовлетворил.

Деметрий явился к Родосу с 200 военных и 170 транспортных судов, на которых разместилось до 40 тысяч воинов. Его эскадру сопровождало ещё около тысячи кораблей разных размеров, на которых ехали вступившие в союз с царём извечные враги родосских моряков — пираты, работорговцы, мелкие и крупные купцы, ожидавшие распродажи военной добычи, и другие охотники за наживой. Тут же заключались сделки, воины брали займы деньги или сами ссужали своих товарищей и военачальников, разумеется, под проценты. Когда все суда подошли к городу, море казалось сплошь покрытым ими. Однако родосцы решили защищаться. Они надеялись на крепкие стены и башни, окружавшие город, а ещё больше на своё мужество. Правда, всего шесть тысяч граждан были способны носить оружие, но к ним примкнула ещё тысяча иноземцев, которым родосские граждане предложили взяться за оружие. Даже рабов призвали вступить в войско. Государство обещало, что выкупит и наделит родосским гражданством тех из них, которые проявят героизм. А если кто-нибудь падёт в бою, республика позаботится об их старых родителях и маленьких детях, и, когда дети вырастут, она даст приданое девушкам и полное вооружение юношам. Государство же брало на себя заботу о выкупе пленных.

Ободрённые этими распоряжениями, родосцы начали деятельно готовиться к обороне. Никто не остался в стороне. Богатые жертвовали деньги, бедные — свой труд, оружейные мастера — оружие, женщины — волосы на изготовление тетив для луков. Все от мала до велика носили камни, укрепляя стены, рыли рвы. Предмestьями решили пожертвовать, главное было — сохранить город и гавань. Предмestья Родоса были достойны города: красивые дома окружены были тенистыми садами, тщательно возделанными оливковыми рощами. Всё это было разграблено и разрушено солдатами Деметрия, нуждавшегося в строительном материале для своего лагеря и для осадных сооружений.

Главные действия Деметрия были направлены против гавани с моря и против города с суши. И там и тут строились осадные сооружения, устанавливались боевые машины. На плотках были

Катапульта.

построены две башни, возвышавшиеся над городскими стенами. На этих башнях были помещены лучники и метательные машины— *катапульти*. Лодки подтащили башни как можно ближе к берегу, чтобы обстреливать защитников города, укреплявших стены. Некоторые из катапульти могли метать камни весом в два пуда. Не менее страшны были горящие снаряды, сжигавшие вражеские лодки и корабли, на которых родосцы время от времени устраивали вылазки, пытаясь поджечь сооружения Полиоркета. Для охраны их он приказал соорудить пловучий частокол. Самым страшным из осадных сооружений Деметрия была машина, прозванная *гелеполида* — «бери город». На квадратной платформе размером 25 на 25 метров возвышалась башня, высотой около 50 метров. С трёх сторон башня для защиты от огня была обита толстыми листами железа. Четвёртая сторона, в которой находились отверстия для метательных орудий, защищалась кожаными, подобными щитам, завесами. Башня делилась на девять этажей, соединённых двумя широкими лестницами. Платформа передвигалась на восьми колёсах с метровыми ободами, обшитыми железом. 3400 человек двигали это сооружение и приводили в действие метательные орудия, помещавшиеся внутри башни.

Однако осаждённые не теряли мужества. Вся Греция с напряжением следила за неравной борьбой родосцев с Полиоркетом. Многие в душе желали им победы, считая, что это не просто

война Родоса с Деметрием, а борьба свободных и независимых граждан с зазнавшимся тираном.

Родосцы были дисциплинированны и смелы. Вначале Деметрий ставил своей главной целью занять гавань и отрезать осаждённых от внешнего мира. Несколько раз родосцы ухитрялись поджечь его плоты и башни. Но наконец он закончил все работы и начал штурм гавани. Были подведены машины, каменные и горящие снаряды топили и жгли корабли родосцев. Тогда их командиры стали вызывать охотников пожертвовать собой и спасти гавань. Откликнулось множество желающих. На трёх кораблях направились они к страшным машинам, всё время находясь под непрерывным обстрелом. Градом летели каменные глыбы, горящие стрелы. Один корабль загорелся, но вот два другие уже у пловучего частокола, он прорван, и крепкие носы родосских судов пронзают вражеские суда, на которых стоят смертоносные орудия. Суда и машины тонут, гавань спасена... Пока Деметрий восстанавливал разрушенное, пришла зима и заставила его перенести все действия на сушу.

От одного перебежчика родосцы узнали, что Деметрий приказал тайно прорыть подземный ход, чтобы через него проникнуть в город. Подкоп был уже доведён до самой стены. Осаждённые немедленно начали рыть встречный ход и выставили в нём свой караул. Деметрий попытался прибегнуть к подкупу — испытанному во время тогдашних войн средству — и предложил начальнику караула за большую сумму провести его отряд в город. Тот дал притворное согласие, но известил обо всём родосское командование. Когда отборный македонский отряд, посланный Деметрием, очутился внутри стен, начальник караула подал условный сигнал, и родосцы схватили македонян и заперли их в тюрьму. Ожидая штурма, осаждённые с лихорадочной быстротой строили вторую, внутреннюю стену, разрушив часть домов, чтобы добыть необходимый для постройки камень. Когда стенобитные машины Деметрия под прикрытием гелеполиды пробили брешь в наружной стене и он уже послал солдат на штурм города, они увидели перед собой новую стену и отступили. Ожидая новой атаки, осаждённые стали воздвигать третью стену. Мужественно отбивали они врага, стремившегося помешать их работам, даже сами решались на вылазки, истребляя вражеские корабли. Всё меньше оставалось в живых защитников города. К счастью, гавань ещё была в их руках, и Птолемей мог время от времени присылать им продовольствие и небольшие отряды своих солдат.

Наконец Деметрий решил применить хитрость. Глубокой ночью приказал он полуторатысячному отряду проникнуть в город через одну из проделанных во время штурмов брешей. Отряд должен был, по возможности бесшумно, перебить часовых, охранявших брешь, и прокрасться в театр на городской площади. Царь рассчитывал, что, увидя врагов в городе, защитники стен и башен растеряются, бросятся к театру, и он сможет со всем

своим войском легко ворваться в город. Но план Деметрия и на сей раз разбился о мужество, выдержку и дисциплинированность родосцев. Ни один из них не ушёл со своего поста без приказа командования, и войскам Деметрия, начавшим приступ, не удалось ни на шаг продвинуться на городскую территорию. Отряд, проникший в театр, после отчаянной схватки был почти целиком истреблён воинами, присланными Птолемеем.

Уже год продолжалась осада, а Деметрий был ещё далёк от своей цели. Обе стороны, истощённые войной, начали, наконец, мирные переговоры. По мирному договору родосцы полностью сохраняли свою независимость. Деметрий отказывался от мысли водворить свой гарнизон в стенах мужественного города. Зато родосцы обещали помогать Антигону и Деметрию во всех случаях, когда это не нарушало интересов Птолемея. На память об их доблестной обороне Деметрий оставил им свою гелеполиду. Впоследствии из покрывавшего её металла была отлита огромная статуя бога солнца Гелиоса, знаменитый Колосс Родосский, считавшийся одним из семи чудес древнего мира.

После героической обороны Родос быстро поправил дела, пришедшие во время войны в упадок. Вскоре город сделался ещё богаче и великолепнее. Родосские купцы и знать продолжали уделять бедноте крохи своих богатств. Но мужественная помощь рабов во время осады не принесла последним никакой пользы. Всё так же оставался Родос крупным рабским рынком, всё так же массы рабов трудились на своих хозяев. Не сблизила совместная борьба и родосских граждан с иноземцами, которые попрежнему считались менее почтенными людьми. Но иного и ожидать нельзя было в условиях, когда деление на рабов и свободных, граждан и не граждан казалось всем само собой разумеющимся. Для тех условий и того времени борьба Родоса за независимость имела всё же большое значение.

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Когда корабль подходил к Александрии, новой столице египетских царей Птолемеев, основанной Александром Македонским в дельте Нила, первое, что поражало взор приезжих, был знаменитый маяк, прославленный на весь мир как одно из чудес света. Он стоял на маленьком островке Фаросе, соединённом с городом искусственным перешейком длиной около $\frac{3}{4}$ километра. Строил его греческий архитектор Сострат. Всё здание маяка было украшено скульптурами из мрамора и бронзы; восемь гранитных колонн поддерживали купол, увенчанный огромной, в семь метров высоты, статуей морского бога Посейдона. Под куполом горел костёр, пламя которого, отражённое металлическими зеркалами, изда́лека указывало мореходам путь в город. Когда архитектор закон-

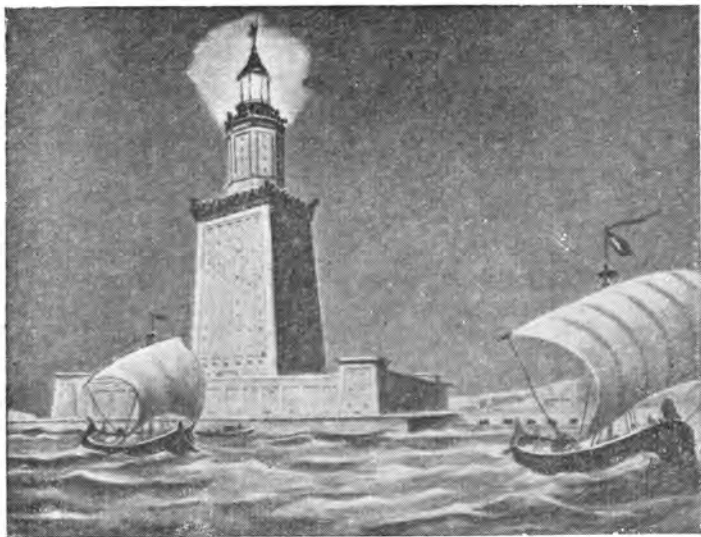
чил свою постройку, он высек на ней надпись: «Сострат, сын Декстифона из Книда, посвятил богам-спасителям ради мореплавателей». Затем он замазал своё имя тонким слоем штукатурки, неотличимой от мрамора, и написал на ней имя царя Птолемея. Он надеялся, что со временем штукатурка отвалится и весь мир узнает, что не царь, а он был создателем этого чуда строительного искусства.

Миновав маяк, корабль входил в гавань. Их было две в Александрии, по обе стороны перешейка, соединявшего Фарос с косой, на которой расположилась египетская столица. Множество судов, больших и маленьких, стояло в этих гаванях. Они прибывали из всех стран мира, привозя товары для огромного города, бедняков, решивших завербоваться в войско Птолемея, искателей счастья, надеявшихся составить себе состояние в богатом Египте, учёных приезжавших работать в знаменитой александрийской библиотеке, поэтов, приехавших к царю со своими произведениями, и просто любопытных, желающих посмотреть на самый большой и многолюдный из тогдашних городов.

Из гавани прибывшие не сразу попадали в город. Гавани были от него отгорожены, и в город пропускали только тех, кто уплачивал в портовых таможенных налогах за привезённые товары. Тут же у приезжих просматривали бывшие при них книги. По приказу царя особенно редкие и ценные книги отбирались для библиотеки, а для владельца изготовлялась копия с пометкой, удостоверявшей, что она вполне совпадает с оригиналом. Миновав таможню и портовые верфи, путешественник наконец вступал в Александрию.

Недалеко от моря протянулась длинная и широкая главная улица Александрии — Канопская улица, пересекавшая весь город с востока на запад. Поперечные улицы разбивали столицу на правильные кварталы, обозначавшиеся буквами греческого алфавита. Тенистые колоннады украшали улицы и защищали прохожих от палящего солнца.

Особенно поражала приезжих ширина улиц новой столицы. Здесь свободно проезжало несколько повозок, а ведь в старых греческих городах даже две повозки с трудом могли разъехаться на узких, кривых улочках. Если любопытным хотелось сразу окинуть взглядом большую часть Александрии, они могли подняться на выстроенную в центре города искусственную гору, окружённую парком. Она была посвящена сельскому божеству Пану и называлась Паней. К востоку от неё простирались здания и сады царского дворца, занимавшего почти четверть часть города. Здесь же помещался мавзолей — храм Александра Македонского, где его прах покоился в золотом гробу. Вокруг постепенно воздвигались новые гробницы и храмы египетских царей и цариц, которые, так же как Александр, почитались богами. К востоку от дворца можно было видеть здание музея и огромной библиотеки, где было собрано около полумиллиона свитков книг писателей, поэтов, историков, философов и других учёных.

Александрийский маяк.

По всему миру собирали египетские цари книги для своей библиотеки. Птолемей II выписал из Афин драгоценные рукописи трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, якобы для того, чтобы снять с них копии. 15 талантов потребовали у него афиняне в залог того, что рукописи будут возвращены. Но царь предпочёл лишиться залога и оставить подлинники у себя, отослав в Афины только копии.

Отовсюду съезжались к Александрийскому дворцу знаменитые писатели и учёные. Они получали бесплатное жильё в музее, были освобождены от всех налогов и повинностей, их обязанностью было прославлять царя. Самые известные из них назначались хранителями библиотеки и наставниками царских детей и их товарищей — сыновей и дочерей знати, которые воспитывались при дворе и впоследствии занимали высокие должности в государстве. Поэт Тимон с насмешкой писал о деятелях музея: «в многоплеменном Египте многочисленные кропотели книг откармливаются в клетке муз».

И действительно, «в клетке муз» не было никакой свободы творчества, приходилось или восхвалять царей, или обращаться к мелким, далёким от жизни темам. Вот, например, знаменитый поэт Феокрит. Он родился в Сиракузах, но учился на острове Косе, где познакомился с будущим царём Птолемеем II. Вернувшись в родные Сиракузы, он пытался войти в милость к тамошнему царю Гиерону II. Он обратился к нему с изящными стихами, в которых жаловался, что никто не хочет поддержать бедного поэта, все гонятся за деньгами и не интересуются стихами,

говоря, что с них вполне достаточно и Гомера. А ведь тот, кто поделится своим богатством со служителем муз, приобретёт вечную славу и останется жить в его песнях. Но Гиерон не откликнулся на воззвание поэта, и Феокрит направился в Александрию. Он воспевал великодушие Птолемея II, его мужество, его благородство, его «божественных» родителей, его обширные владения и сильное войско. Он описал в стихах великолепный праздник Адониса, устроенный женой царя. В других стихах он писал о пастухах, которые на лоне природы, среди нимф и муз, состязаются в музыке и пении, воспевая своих возлюбленных. Даже в таких стихах он умел ловко польстить царю. Так, когда один из собеседников жалуется, что его отвергла любимая девушка и что он с горя собирается наняться в солдаты, другой советует ему поступить в войско Птолемея, так как это «наилучший хозяин, какого может иметь свободорождённый человек».

Одним из известнейших хранителей александрийской библиотеки был Каллимах. Он составил подробное описание всех находившихся в ней рукописей, на которое потратил много лет. Но он успевал писать также поэмы и гимны в честь богов и короткие стихи, называвшиеся *эпиграммами*. Когда царь Птолемей III Эвергет уходил на войну в Сирию, его жена, царица Береника, обещала Венере посвятить ей свои волосы, если царь вернётся здоровым и невредимым. Царь вернулся, и коса царицы была возложена на алтарь, но вскоре оттуда пропала. В это время придворный астроном Конон открыл новое созвездие, которое назвал «волосами Береники». Каллимах прославил это «событие» в стихах, говоривших о том, как волосы царицы были взяты на небо. Он воспевал умершую царицу Арсиною, которая, по его словам, стала четвёртой Харитой; три Хариты—это были богини красоты, песен и веселья. Каллимах стремился сделать свои стихи необычными и оригинальными, часто повторяя, что он не хочет идти по проторённой дороге, не хочет «пить из общего колодца».

Такая же страсть к оригинальности владела и философами, собравшимися в александрийской «клетке муз». Правда, Птолемеи не очень жаловали философов, так как, хотя они тоже привыкли угождать сильным мира сего, всё же иногда у них прорывалось свободное слово. Но всё-таки время от времени они появлялись в Египте. Цари развлекались их спорами. Искусство спорить ставилось теперь выше самого предмета спора. Старались доказать самые нелепые вещи путём рассуждения, ход которого, повидимому, был правилен; это называлось разрешением *силлогизмов*. Например, один мудрец спрашивал другого: «Если ты чего-либо не потерял, то ты это имеешь?»— «Имею»,— отвечал спрошенный. «Ты не терял рогов, значит, у тебя есть рога»,— торжественно заключал первый. Или: «Может ли у тебя быть то, что есть в другом месте?» Ответ: «Нет, не может». Силлогизм разрешался: «В другом месте есть голова, значит, у тебя нет головы». Были и более сложные силлогизмы, например:

«Лжец ли человек, сказавший, что он лжёт?» Если он сказал правду, то он не лжец, если он солгал, то он тоже не лжец, раз он об этом сказал. Но вместе с тем ведь он сам свидетельствует о том, что лжёт! Или: «Если у человека выпал волос, он ещё не стал лысым; а если выпало два волоса? А если десять, сто, тысяча? Где тот волос, прибавление которого к числу уже выпавших делает человека лысым?»

Вся эта игра словами привела к тому, что многие вообще усомнились в возможности что-либо познать. В моду вошла школа *скептиков*, отрицавших, что существует какая-нибудь истина. Когда-то Сократ говорил: «Я знаю, что я ничего не знаю»; теперь скептики дополнили его слова: «Я не знаю даже того, что я ничего не знаю». Были и такие мрачные философы, которые, отчаявшись и в познании, и в добродетели, и в радостях жизни, проповедовали, что самое лучшее — искать покоя в смерти. Один из них пользовался таким большим успехом в Александрии, что несколько его учеников и последователей покончили жизнь самоубийством.

И всё-таки, несмотря на увлечение религиозными идеями, далёкими от жизни, стихами, игрой в слова и понятия, несмотря на разочарование в познании, наука в Александрии делала значительные успехи. Не все утратили к ней интерес, не все отчаялись узнать что-либо достоверное. Учивший и умерший в Афинах философ Эпикур вслед за абдерским мудрецом Демокритом доказывал, что человек в общем правильно видит, слышит и осязает то, что находится вокруг него, и что у него нет никаких причин сомневаться в своих знаниях о мире. Он призывал людей изучать природу и вселенную, чтобы избавиться от гнетущего страха перед смертью и богами. Пусть люди поймут, что смерть не страшна потому, что за гробом их не ждут никакие мучения, они просто перестанут что-либо чувствовать. Пусть они узнают, что в вечной и бесконечной вселенной возникают и гибнут миры, состоящие из вечно движущихся частиц материи — атомов, и что боги тут совсем не при чём. Если они и существуют, то не интересуются ни миром, ни людьми, а люди выдумали их, потому что не понимают грозных сил и явлений природы, а выдумав, стали их бояться. Тот, кто всё это поймёт и узнает, станет спокойным, свободным и счастливым.

Многие учёные изучали в александрийской библиотеке творения древних авторов: Гомера, афинских поэтов, трагиков, авторов комедий. Сличали различные копии, устанавливали, какие из них наилучшие, писали подробные примечания, объяснения и толкования.

Другие занимались историей и географией. Особенно прославился Эратосфен, много лет стоявший во главе библиотеки. Он написал сочинение по истории от падения Трои до Александра Македонского, в котором пытался установить точные даты всех событий, пользуясь списками спартанских царей и записями олимпийских игр. Он доказывал, что Гомер жил раньше Гесиода,

так как его географические представления были менее широки и более туманны. Эратосфен был прекрасным математиком и предпринял трудную задачу — измерить окружность земли, дать её описание и составить карту. При измерении земли он исходил из положения солнца в полдень, в день летнего солнцестояния над Александрией и над Сиеной — городом на южной границе Египта — и расстояния между обоими городами. Несмотря на несовершенство его способов, он ошибся не очень значительно. Его описание разных стран и народов было сделано на основе многих рассказов путешественников.

Значительно продвинулось изучение естественных наук. Врачи впервые уяснили значение пульса и даже сделали прибор для точного измерения его биения. Вскрывая животных, они пришли к выводу о связи нервов с мозгом. Новые хирургические инструменты позволили усовершенствовать операции, тщательно исследовалось действие различных лекарств. Ученик Аристотеля Теофраст, которого Птолемей II пригласил в Александрию, написал обширный труд о растениях. Он подробно описывал их корни, стебли, листья, цветы, семена, их распространение в зависимости от почвы и климата. Более двух тысяч учеников было у него, и он призывал их неустанно и добросовестно трудиться. «Или откажитесь от науки, — говорил он им, — так как труд этот очень велик, или занимайтесь ею с жаром, тогда и слава будет велика».

Но особенно большие успехи сделала математика и механика. Великий математик Эвклид открыл в Александрии свою школу. Его работа по геометрии «Элементы» на многие века стала настольной книгой учёных и учащихся. И до сих пор школьники изучают доказанные им теоремы. Эвклид писал и другие работы — об астрономии, о музыке. Один из его учеников спросил, что он приобретёт, усвоив все эти познания. Эвклид кликнул раба и приказал дать ученику мелкую монету: пусть возьмёт её, если он учится лишь для того, чтобы нажить деньги. А когда Птолемей I желал как можно скорее усвоить его науку, Эвклид смело ответил, что к геометрии царская дорога не проложена.

Из астрономов самым замечательным был Аристарх Самосский, который пытался измерить расстояние от Земли до Луны и до Солнца. Он уже тогда доказывал, что Земля вращается вокруг своей оси, и вместе с другими планетами — вокруг Солнца. Почти никто не соглашался с ним, а некоторые даже считали, что его следует судить за богохульство. Только спустя более полутора тысяч лет воскресла и победила его идея вместе с учением Коперника.

Были и у других тогдашних учёных отдельные верные догадки, например, что магнетизм как-то связан с электричеством, которое тогда знали лишь по наблюдениям над рыбой — электрическим скатом. Были также попытки строить различные, главным образом военные, машины. Но не было ещё нужных приборов и инструментов, чтобы проверить и доказать научные предполо-

жения, и не было желания и выгоды трудиться над усовершенствованием машин. Ведь под рукой были рабы, труда которых никто не жалел и никто не стремился облегчить. А если бы рабу и дали какую-нибудь машину, он не стал бы стараться понять, как с нею обращаться, потому что ему вовсе не хотелось лучше работать и больше вырабатывать. Ведь всё, что он делал, шло на пользу лишь ненавистным господам.

В ЕГИПЕТСКОМ ПОМЕСТЬЕ

Управляющий казной египетского царя Птолемея II, Аполлоний, был очень богат. Царь подарил ему из своей земли имения около старинного города Мемфиса и во вновь завоёванной Палестине. Много рабынь трудилось в его мемфисской мастерской, где изготовлялись шерстяные ткани и дорогие ковры с ярко-красной каймой. Его многочисленные слуги разъезжали по всем странам, закупая тонкие вина, драгоценности, благовония, породистых коней и рабов. Из Сирии, Финикии, Палестины доставляли Аполлонию рабов. То были пленные, захваченные во время войн; несчастные путешественники, попавшие в руки пиратов, которые продавали их на невольничьих рынках; свободные бедняки, которых сделала рабами жестокая нужда, долги или прямое насилие богатых и знатных; дети, родители которых не имели средств их воспитывать и продавали на чужбину, чтобы не видеть, как они умрут с голода. Богатые греки, понаехавшие в Египет после того как в нём воцарились их соотечественники Птолемеи, охотно покупали рабов. Нужны были рабы и царю, который посылал их работать в рудники и каменоломни, где самые крепкие умирали через несколько лет.

Но как ни богат был уже Аполлоний, а Птолемей II решил пожаловать ему новое огромное поместье в 10 тысяч аруров (2800 гектаров) по пути в оазис Файюм на границе пустыни в Среднем Египте. Это была ещё совсем необработанная земля, но именно такие земли царь обычно раздавал своим приближённым. Хорошие же, плодородные земли, возделанные многовековым трудом египетских крестьян, оставались в его полном распоряжении. Да и розданные земли считались принадлежащими царю, и он мог, когда хотел, отнять их у впавшего в немилость придворного или не явившегося на службу воина.

Получив новое имение, Аполлоний решил прежде всего найти хорошего управляющего. Выбор его остановился на Зеноне, который так же, как и сам Аполлоний, приехал в Египет из малоазийской области Карики. Это был довольно образованный человек, который уже прежде работал для Аполлония, и Аполлоний решил послать его в своё новое имение.

У Аполлония были широкие планы. Он хотел основать большое новое поселение Филадельфию. Но здесь прежде всего надо

было прорыть каналы и устроить плотины, потому что поместье находилось на возвышенности, куда не достигали разливы Нила, а без поливки сухая, не орошаемая дождями египетская земля ничего не давала земледельцу.

Каналы и плотины нуждались в постоянном надзоре и ремонте. Если воды нехватало, начиналась засуха и неурожай, даже питьевую воду приходилось покупать за деньги. По обычаю тысячелетней давности, установившемуся ещё при фараонах, всё население Египта обязано было работать на сооружении и ремонте каналов определённое количество дней в году. Конечно, высшие чиновники, знатные и богатые люди к этой повинности не привлекались, и она целиком ложилась на плечи крестьян и ремесленников. Освобождались от неё также воины, полевые сторожа, начальники царских амбаров, жрецы, даже самые низшие из жрецов, охранявшие священных кошек.

Но не только на каналах и плотинах работали крестьяне, они должны были изготавливать кирпичи, из которых строились дома для царских воинов, получавших земельные наделы — *клеры*, доставлять камень из каменоломен для храмов и имений богатых придворных, отвозить продукты в царские амбары на своих осликах. Нередко царские чиновники заставляли их работать на себя, и тут уж они не считались ни с какими освобождениями, так что даже воспитатели священных кошек напрасно ссылались на свои права.

А жизнь крестьян и без того была очень тяжёлой. Вся египетская земля считалась собственностью царя, а крестьяне — как бы его арендаторами. Он выдавал им семена для посева и предписывал, сколько и чего они должны сеять. За эти семена и за аренду земли крестьяне должны были вносить в казну половину, а то и две трети урожая и не смели коснуться своей части, пока всё причитающееся царю не было доставлено в царские склады. А если они не вносили того, что были должны, их сажали в тюрьму, гнали в рудники или продавали в рабство. Если же их сёла превращались в солдатские клеры, они должны были отдавать лучшую часть своих жалких доходов солдатам, которых ставили к ним на постой. Они не могли везти в Александрию оставленную им часть зерна и выручить за него там достаточную сумму денег, и поэтому богатые купцы скупали зерно у них за бесценок, наживаясь на перепродаже. А купить что-либо необходимое в хозяйстве можно было лишь за большие деньги.

Испокон века привыкли египтяне сдабривать свою пищу маслом из тыквенного семени, пить пиво и одеваться в льняные ткани. И вот царь объявил, что только он имеет право изготавливать все эти предметы. Крестьянам раздавались семена тыквы, ячменя, льна, указывалось, сколько земли они должны ими засеять, а урожай сдавался в казну. Никто не мог иметь у себя прессов и других орудий для изготовления масла; его вырабатывали только в царских мастерских. В них, за грошовую плату,

В египетском поместье.

работали ремесленники, которые не были вправе уйти, пока не кончали работу, а затем все мастерские опечатывались, чтобы никто не вздумал сам готовить масло. И масло продавалось по огромным ценам, почти втрое дороже того, что оно стоило в Греции, но привозить его оттуда в Египет было бессмысленно, так как оно было обложено такой высокой пошлиной, что становилось ещё дороже местного. В царских мастерских изготовлялись и ткани. Только храмам, с которыми Птолемеи хотели ладить, чтобы жрецы помогали им держать в повиновении их подданных, разрешалось самим ткать тонкое полотно, шедшее на одежду жрецов.

Собственностью царя была и соль, и металлы, и конторы, где можно было взять займы деньги под огромные про-

центы, да ещё заложив свой дом, сад или самого себя со своей семьёй.

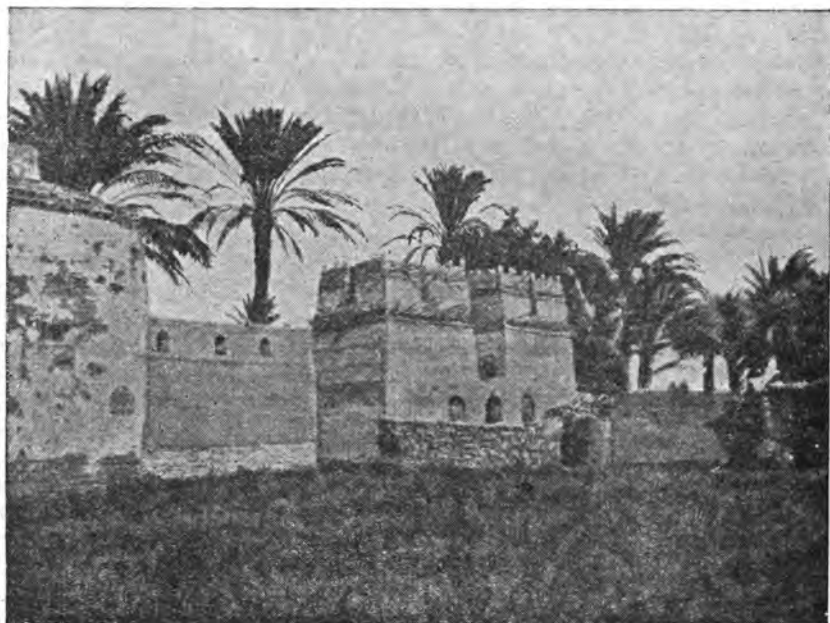
А когда ремесленники брались за изготовление тех товаров, которые не принадлежали царю, их разоряли высокие налоги на ремесло. От налогов никто не был избавлен. Даже владелец маленькой сельской бани, даже мелкий торговец варёными бобами для самых бедных крестьян и подёнщиков должны были отдавать царским чиновникам большую часть своего скудного заработка.

Неудивительно, что каждый рад был уйти из своего села в поисках чего-нибудь лучшего. И когда в соседних областях — номах — проводили про строящуюся Филадельфию, многие крестьяне и ремесленники устремились туда в надежде на более сносную жизнь. Часть земли Зенон оставил за господским хозяйством и нанимал для её обработки подёнщиков, часть сдавал в аренду. Людей надо было много, и Зенон их охотно принимал. На земле, оставшейся в его личном пользовании, Аполлоний собирался вести обширное хозяйство. Сам царь очень интересовался его успехами, постоянно расспрашивал своего приближённого, требовал, чтобы тот показывал ему образцы плодов, выращенных в его новом имении.

Аполлоний в свою очередь постоянно подгонял Зенона, требовал, чтобы ежегодно выжигалась вся негодная трава, чтобы золой удобрялась почва, а что можно — собиралось на подстилки и корм скоту. Там, где засохшую землю не могла вспахать соха, её разбивали мотыгой; куда не доходила вода из каналов, поливали вручную. Аполлоний хотел получать со своих земель два урожая в год. Только что оканчивалась жатва, а он уже писал Зенону, что пора начинать новый посев.

По приказанию самого царя Аполлоний выписал из Греции и Сирии новые семена пшеницы и ячменя самых лучших сортов. На песчаной почве, отвоёванной у пустыни, разводились виноградники. До тех пор виноград был мало распространён в Египте, но Птолемеи хотели, чтобы своё местное вино заменило привозное. Ежегодно в Филадельфию тянулись караваны ослов и мулов, вёзших виноградные лозы, выписанные Зеноном для посадки из разных мест.

Выписывал и сажал Зенон оливковые деревья, разные сорта смоковниц, пальм, ореховых, персиковых, гранатовых деревьев. Египетские вельможи заимствовали у персидских сатрапов любовь к роскошным садам, в которых среди редких прекрасных деревьев и цветов разгуливали приручённые звери. Кроме садов, были у Зенона и огороды. Делались также попытки насадить лес, главным образом по берегам каналов и вдоль плотин. Египет был очень беден лесом, его нехватало не только на строительство жилищ, но даже на топливо. Лес приходилось ввозить из других стран, и почти весь он шёл на постройку царского флота. Даже в самых богатых домах оконные рамы и двери только раскрывались под дерево.

Египетское поместье.

Тысячи овец и коз паслись на пастбищах, сотни свиней откармливались свинопасами для греков — египетская религия запрещала употребление свинины. О скоте Аполлоний заботился не менее, чем о растениях, писал Зенону, как воспитывать телят, когда выпускать животных в луга. Для езды употреблялись верблюды и ослы. Лошади были слишком дороги, они стоили в 24 раза дороже ослов. Аполлоний выписывал их из Сирии и держал в своём имении для бегов, которые греки очень любили. Немало было там и птицы, одних кур было более десяти сортов. Разводили и пчёл. Сахар в древности не был известен, и его заменял мёд; в воске нуждались художники, скульпторы, кораблестроители.

Быстро воздвигались в Филадельфии набережные, мосты, бани, палестры, амбары, склады, тюрьмы, храмы египетских богов Сераписа, Изиды, греческого бога Зевса, портики с колоннадами, гимнасии и роскошные дома богатых греков с крытыми галереями, садами, банями, мозаичными полами и стенами, расписанными приглашёнными из Александрии художниками.

Были в имении и красильщики тканей, плотники, пекари, мастера, изготовлявшие папирус для письма, и многие другие ремесленники — рабы или наёмники. Они получали инструменты, пищу, пиво, жильё и жалованье деньгами и продуктами. Для управления всем этим хозяйством содержалось множество пис-

цов и счетоводов. Три начальника стояли во главе писцов. Писцы вели переписку, составляли копии нужных бумаг, подбирали их по делам, составляли договоры с наёмными работниками и арендаторами. Семь начальников распоряжались семью десятками счетоводов. Ежедневно записывались выдачи и поступления продуктами и деньгами, составлялись описи имущества, списки заработной платы, счета. Особые переводчики переводили бумаги с египетского на греческий язык и наоборот.

Казалось, хозяйство налаживалось и развивалось, но ещё много трудностей было у Зенона, много времени проводил он за письмами и отчётами Аполлонию, рисуя на них в задумчивости какую-нибудь фигурку или лиру, прикидывая, как лучше и осторожнее сообщить могущественному хозяину истинное положение дел. Желая тратить как можно меньше и получать как можно больше, Зенон, подобно всем богатым грекам, начиная с самого царя, нещадно эксплуатировал и разорял крестьян. Впрочем, так поступали не только греки, но и все богатые землевладельцы, в первую очередь египетские жрецы, распоряжавшиеся огромными землями храмов. И бедняки, будь то египтяне, сирийцы, арабы или греки, которым не улыбнулась в Египте судьба, как их более счастливым соплеменникам, одинаково ненавидели и пришлых, и местных эксплуататоров.

Не оправдались надежды крестьян, ремесленников и батраков, пришедших в Филадельфию в поисках лучшей жизни. В то время как для Аполлония и Зенона воздвигались роскошные дворцы, они ютились в домишках с одним окном и одной дверью. Только одна треть урожая оставлялась арендаторам земли. Но и из этой одной трети они должны были выплачивать за выданные им для посева семена, за деньги, которые они получили на очистку необработанной земли, на покупку осла, за выданный им взаймы рабочий скот. А на деле оказывалось, что надсмотрщики Зенона не выдали им ни денег, ни скота, что ослов у них отобрали, чтобы свозить во время жатвы хозяйский хлеб, что оценщики урожая требуют с них гораздо больше, чем уродилось на самом деле на их земле. Чиновники и надсмотрщики, в свою очередь, заставляют их убирать хлеб на своих участках и делать кирпичи для своих домов.

Наёмным работникам не выплачивали жалованья, не выдавали неделями зерна, а когда они шли жаловаться к Зенону, грубые сторожа прогоняли их. Греческие надсмотрщики, горожане, плохо разбиравшиеся в сельском хозяйстве, давали им самые нелепые приказания и тут же отменяли их; работы не начинались в-время, земля давала меньше, чем можно было рассчитывать, а платить надо было, как-будто урожай оказался самый высокий. Приходилось идти к ростовщику и занимать деньги под большие проценты.

И вот неоплатный должник в тюрьме. Слезные письма писали несчастные заключённые Зенону, умоляя выволить их из тюрьмы. Если он не думает о них, пусть подумает о хозяйстве: кто

позаботится о свиньях, кто перенесёт в луга улы, пока работники гниют в тюрьме? Ведь и царь пострадает, если некому будет трудиться! Царь, действительно обеспокоенный положением дел, запретил продавать должников в рабство без особого разрешения, боясь лишиться работавших на него крестьян. Но закон обходили. Должнику ничего не оставалось, как платить своим трудом и трудом своей семьи. И он заключал со своим займодатцем договор, по которому обязывался работать у него 99 лет.

Если крестьянин и ремесленник, задолжавший частному лицу, ещё мог рассчитывать на какую-нибудь защиту и не всегда становился рабом, то должник казны неизбежно продавался в рабство. А сколько повинностей лежало на них, кроме взноса за землю или налога на ремесло! Он должен был платить налоги на содержание стражи на полях, на храмы, на врачей, на бани, на «добровольные» подарки царям по поводу их вступления на престол или в какие-либо праздники, например в честь годовщин их воцарения. А то ещё царь или какой-нибудь крупный чиновник с большой свитой отправлялся путешествовать по стране, и жители должны были кормить их, давать транспорт под багаж и исполнять их приказания и прихоти. И за каждым шагом бедного человека наблюдали бесчисленные чиновники: номархи, экононы, надсмотрщики, сторожа, сельские старосты. И всех их нужно было ублажать, все требовали денег, продуктов, работы.

Всё больше и больше беднел народ. Неудивительно, что несчастные люди, не видя впереди ничего, кроме тяжёлого, подневольного труда и беспросветной бедности, рады были бросить арендованные участки и уйти в пустыню или скрываться среди миллионного населения Александрии. Когда Зенон заключал договоры с арендаторами, с ремесленниками, он заставлял их клясться священным именем царя и всеми богами и богинями Египта и Греции, что они ежедневно будут на работе, не уйдут, не окончив её, не будут искать прибежища в храме, обращаться к кому-либо за защитой и не станут искать каких-либо других средств освободиться от работы. Те давали клятву и всё же, не вынеся тяжёлого гнёта, убегали. Уходили в храмы Изиды, Зевса или других богов и отказывались выйти, пока в отношении к ним не будет проявлена справедливость.

Бывали случаи, когда Зенон или другие землевладельцы уступали, соглашались снизить арендную плату и оценить урожай по справедливости. Крестьяне возвращались на свои места, но затем их снова притесняли, и они уходили, чтобы уже не вернуться. С ними вместе бежали и рабы. Когда у властей возникало подозрение, что крестьяне замышляют уход, их бросали в тюрьмы. Доносчикам давали награды. Но ничто не помогало. Иногда крестьяне избивали ненавистных надсмотрщиков-греков. Ненависть к грекам, которые составляли большинство чиновников, землевладельцев, надзирателей, была очень сильна. Но и своих притеснителей-жрецов крестьяне ненавидели не меньше.

Время от времени вспыхивали открытые восстания, и народ нападал на храмы, где собирались сокровища, добытые его трудом, нападал на поместья богатых греков, где множество слуг — поваров, пекарей, конюхов, садовников, музыкантов, танцовщиц — создавали их владельцам удобную и роскошную жизнь. Ненависть прорывалась наружу. Ведь эти пришлые господа ели на серебряной посуде изысканные кушанья и пили тонкие вина, в то время как бедняк продавал в рабство детей, чтобы не умереть с голоду; эти надсмотрщики жестоко издевались над ними; эти греки-переводчики смеялись над их незнанием греческого языка и обманывали их, вписывая в договоры невозможные условия.

Чем дальше, тем больше обострялась борьба. Прошло много лет с тех пор, как умер Птолемей II, а его наследник Птолемей III отнял у Аполлония Филадельфию. Восстания и волнения по всему Египту росли и множились. Страна пустела, хозяйство приходило в упадок. И вот, наконец, наступило время, когда сильный и грозный некогда для врагов и соседей Египет стал терять свои владения одно за другим и, окончательно обессилев, подчинился новому завоевателю — Риму,

АГИС И КЛЕОМЕН

Прошло около ста лет с тех пор, как греческие рабовладельцы признали власть македонских завоевателей, в надежде, что они обуздают бедняков, которые всегда готовы восстать. Но классовая борьба не затихала, а, наоборот, становилась всё острее. Всё больше земли и денег скапливалось в руках немногих, всё более должны и нищали крестьяне и ремесленники. Цены росли, а заработать на жизнь становилось всё труднее. И свободные бедняки, и рабы жили в ужасной нищете. Неудивительно, что постоянно в городах вспыхивали восстания с требованием отмены долгов, передела земли и раздела имущества богачей.

Имущественное и общественное неравенство особенно заметно было в Спарте. Совершенно бесправными продолжали оставаться порабождённые илоты, всё ещё не имели никакого голоса в делах государства перизки, а сами спартанцы окончательно выродились. В конце концов все земли и богатства сосредоточились в руках ста спартиатов, а остальные несколько сот «потомков Геракла», ещё уцелевшие после многочисленных войн, превратились в нищих, у которых ничего не было, кроме долгов. Богачи, забыв знаменитую спартанскую воздержанность, утопали в роскоши. Эфоры распоряжались делами государства в интересах богатых, не обращая внимания ни на царей, ни на народное собрание. Никто не посещал больше гимнасий и общих трапез, никто не заботился о военном могуществе Спарты. Спарта стала настолько слаба, что враги без труда нападали на неё и грабили беззащитное население.

В таких условиях в Спарте не могла не обостриться борьба между бедными и богатыми. Вождём рядовых граждан и бедноты, требовавших коренных преобразований, стал один из спартанских царей двадцатилетний юноша Агис. Он тяжело переживал упадок своей родины и понимал, что только изменение всех утвердившихся порядков сможет воскресить её былую славу. Сам он отказался от роскошных одежд и изысканного стола, вёл простой, «спартанский» образ жизни. Агис поэтому глубоко презирал второго царя, Леонида, который в молодости много лет провёл при дворе азиатского царя Селевка, женился на вдове одного из его сатрапов и, усвоив восточные обычаи, заносчиво и надменно обращался с народом.

Агис старался привлечь на свою сторону молодёжь, и многие, вспомнив о славе предков, примкнули к нему. Объединив вокруг себя своих сторонников, Агис, несмотря на противодействие Леонида, провёл одного из них, Лисандра, в число эфоров. Лисандр немедленно внёс в совет старейшин — герусию — заранее подготовленный проект нового закона.

По этому закону предлагалось, во-первых, отменить все долги, а во-вторых, поделить всю землю на 20 тысяч участков и раздать их спартиатам и перизкам, способным носить оружие. Часть наиболее богатых и получивших хорошее воспитание перизков принималась в число спартиатов. В герусии закон не прошёл; тогда Агис и его друзья обратились к народному собранию. Друзья Агиса напоминали собравшимся о славе предков, зывали к их любви к родине.

Последним выступил Агис. Он объявил, что и он сам, и его мать, и все родственники и друзья жертвуют государству свои земли и деньги. Этим он привлёк собрание на свою сторону.

Но богачи не сдавались, они надеялись на Леонида и на совет старейших — герусию, где должен был быть окончательно утверждён и принят закон Агиса.

Тогда Лисандр решил пойти на хитрость. Он объявил, что видел на небе знак — упавшую звезду. Этот знак будто бы означает, что один из царей рассердил богов. И этот царь, конечно, Леонид, нарушивший старинный закон, запрещающий «потомкам Геракла» брак с иностранками. Леонид вынужден был уйти в изгнание.

Казалось бы, ничто более не препятствовало проведению новых законов. Но сторонники реформы в нужный момент не проявили должной решительности. Правда, было объявлено об уничтожении долгов и сожжены все долговые обязательства, но с разделом земли Агис медлил, под давлением своих родственников и приближённых, которые все были крупными землевладельцами и вовсе не желали делиться с бедняками своими богатствами. Особенно противился переделу земли дядя Агиса Агесилай, который был рад избавиться от долгов, но не хотел расставаться

со своими владениями. Таким образом, оказалось, что всё-таки интересы богатых и знатных людей Агису были ближе, чем интересы народа.

В это время Агису пришлось идти на войну. Пока Агис отсутствовал, его враги не дремали. Составив заговор, они вернули из изгнания Леонида и снова возвели его на престол. Народ, обманутый в своих надеждах на раздел земли, не сопротивлялся. Когда Агис вернулся в Спарту, ему самому пришлось искать убежища в храме Афины. Но враги Агиса не хотели отпустить его живым. Они не могли ничего сделать, пока он жил в храме, но Леонид подговорил некоторых друзей Агиса выманить его из храма и предать. Пригласив Агиса пойти с ними в купальню, изменники схватили его и привели в тюрьму, где он вскоре был убит по приказанию Леонида. Казалось, что богачи во главе с Леонидом могут торжествовать победу, но народ продолжал роптать.

В семействе Леонида подрастал мститель за молодого царя. Сын Леонида Клеомен с юности отличался умом, энергией и мужеством. Большое влияние имел на него его учитель Сфер, родившийся на далёком Борисфене (Днепре), и Агиатида.

Агиатида была вдовой Агиса и считалась одной из самых красивых и самых богатых женщин Греции. Жадный Леонид принудил её выйти замуж за его сына, чтобы не упустить её имущества. Молодая женщина ненавидела Леонида, но Клеомена полюбила и часто рассказывала ему о своём первом муже, о его планах и идеях, которым Клеомен глубоко сочувствовал.

Когда после смерти Леонида Клеомен вступил на престол, он решил осуществить то, что не удалось Агису. Зная, какими ненадёжными помощниками и вероломными друзьями молодого царя оказались богатые спартиаты, Клеомен решил никого из них не посвящать в свои намерения и действовать с помощью наёмных солдат.

Под предлогом новой войны Клеомен увёл из Спарты самых ярых врагов Агиса и так утомил изнеженных богачей большими и трудными переходами, что они стали умолять его оставить их на отдых в Аркадии. Клеомену только того и нужно было. Оставив их, он со своими наёмниками направился к Спарте. Высланный вперёд маленький отряд застал эфоров за обедом и тут же перебил их. Никто из народа не пришёл на помощь ненавистным аристократам, наоборот, народ поддержал Клеомена.

Войдя в Спарту, Клеомен отправил в изгнание 80 граждан, от которых ожидал наибольшего сопротивления, и объявил, что отныне эфорат вовсе отменяется, так как эфоры присвоили себе слишком много власти и мешают царям делать то, что полезно для государства. Он уничтожил и герусию; вся власть должна была принадлежать отныне только царям. Чтобы не встретить сопротивления от другого, может быть, враждебного его планам

царя, Клеомен сделал соправителем своего брата Эвклида. После этого на народном собрании было объявлено о разделе земли и о том, что принимается в число граждан 4500 перизков, способных носить оружие. Теперь спартанское войско стало снова сильным и страшным для врагов.

Весть о событиях в Спарте всколыхнула весь Пелопоннес. По всем городам начались восстания; всюду беднота требовала отмены долгов и передела земли. Бедные и обездоленные видели в Клеомене своего вождя, надеялись, что он выведет их из нищеты и уравнивает бедных и богатых. Они присылали к Клеомену послов, и те приходили в восторг от его вежливого, простого обращения, отсутствия роскоши, скромной обстановки. За его столом подавались простые блюда, не видно было ни музыкантов, ни танцовщиц, обычных на пирах богачей. Совместная трапеза оживлялась лишь остроумной и задушевной беседой.

Послы уходили очарованные, далеко разнося славу Клеомена. Зато богатые во всей Греции ненавидели и боялись Клеомена. Они видели в нём вожака «черни» и с ужасом думали, что если Клеомен усилится, он и у них отнимет власть, богатство и раздаст его беднякам.

И тогда руководители других греческих государств, называвшие себя врагами македонского ига, сами призвали на помощь македонского царя Антигона. Хвалившиеся своим свободолюбием богатые граждане греческих городов теперь были готовы падать на колени перед заносчивым царём, воздвигать ему статуи, как богу, воспевать его в гимнах.

Страх перед народом оказался сильнее любви к родине и разговоров о демократии.

Но успехи движения, возглавляемого Клеоменом, продолжались. Спартанцы завладели сильным городом Аргосом, который много раз пытались захватить спартанские цари. Перешёл под их власть Коринф и некоторые другие города.

Может быть, Клеомену и удалось бы отстоять свои владения даже против Македонии и создать сильную, независимую Грецию, если бы он выполнил свои обещания народу. Но он, как прежде Агис, медлил с разделом земли. Он делал безуспешные попытки сговориться с руководителями других греческих городов-государств. Народу стало ясно, что Клеомен не является настоящим защитником его интересов, и поэтому, когда враги Клеомена подняли восстание в Аргосе, никто не дал им отпора. Пospешив на помощь спартанскому гарнизону в Аргосе, царь должен был оставить Коринф, который немедленно заняли македоняне. Но Аргос ему вернуть не удалось. Ободрённые присутствием македонян, его враги в других городах также стали осуществлять заговоры и мятежи.

Антигон брал один город за другим, разорял их, продавал жителей в рабство, подвергал страшным пыткам народных вождей. Богатые же граждане встречали его с восторгом.

Может быть, всё ещё можно было бы спасти, если бы Клеомен и его единомышленники провели освобождение илотов и призвали их к оружию, но они и теперь ограничились полумерой: илотам было предложено самим выкупиться за большие деньги на свободу. Из 225 тысяч илотов смогло это сделать всего 6 тысяч. Между тем вести войну становилось всё труднее, так как нехватало денег на содержание армии и плату наёмникам.

Наконец сорокатысячное войско Антигона подошло к границе самой Спарты. У Клеомена было всего 20 тысяч воинов, но благодаря их исключительному мужеству исход сражения долго оставался нерешённым. Только когда пало 16 тысяч человек, между ними и брат царя Эвклид, Клеомен отступил с остатками своего войска в Спарту. Отчаяние овладело жителями города.

Во всех домах оплакивали убитых и, ещё больше, несчастье родины. Клеомен советовал гражданам открыть победителям ворота, а сам решился бежать, надеясь ещё принести пользу Спарте.

Антигон, вступив в город, отменил все нововведения Клеомена, восстановил эфрат и герусию, царский сан был уничтожен. Управление в Спарте было поручено македонскому наместнику.

Между тем Клеомен с немногими друзьями бежал в Египет. Один из этих друзей пытался уговорить его покончить жизнь самоубийством, считая, что тем самым будет искуплен позор поражений. Но Клеомен ответил, что не откажется от трудов для родины, пока ещё есть надежда спасти её. Такая смерть была бы более позорным бегством, чем отступление после боя.

Египетский царь полюбил Клеомена и стал уважать его за стойкость и ум. Он помогал ему деньгами и обещал дать ему флот и войско. Но после смерти царя на престол вступил Птолемей IV Филопатор, ничтожный, вечно пьяный человек, игрушка в руках своей жены и придворных. Последние боялись Клеомена, потому что его очень любили греческие наёмники, служившие в Египте. В конце концов Птолемей запер его во дворце, запретив выходить на улицу. Несколько друзей Клеомена сумели хитростью освободить его. Они вышли на улицу, призывая александрийцев восстать против царя, но на их призыв никто не откликнулся. Не удалась и попытка взять тюрьму и поднять мятеж заключённых. Тогда Клеомен увидел, что иного выхода, кроме смерти, у него нет. Немногие, оставшиеся при нём спартанцы, избрали тот же путь. По старому обычаю, друг оказывал услугу другу, нанося ему смертельный удар. Молодой Пантей заколол Клеомена, а затем, последним из всех, сам покончил с собой. Птолемей приказал казнить старуху-мать, детей Клеомена и жён погибших спартанцев. Все они мужественно встретили смерть.

Хотя Агис и Клеомен не были решительными и стойкими защитниками интересов бедных людей, но всё же в народе долго хранилась память о них, о том, как они обещали отмену долгов и передел земли. Через 14 лет после смерти Клеомена в Спарте снова произошло восстание. Во главе его встал Набис, который, призвав к оружию перизков и илотов, уничтожил аристократию и раздавал народу её богатства. Но в дела Греции уже вмешалась новая могущественная сила — Рим, и вскоре Спарта, как и другие греческие государства, попала в полную зависимость от него.

АНТИОХ III

Когда Антиох III вступил на престол, он был ещё очень молод. А задачи перед ним стояли трудные. Нелегко было управлять обширным и разноплеменным царством, куда входила и древняя Вавилония, и бывшая некогда владычицей Азии Персия, и Малая Азия с её вольнолюбивыми греческими городами и непокорными племенами.

Правда, царство его было теперь далеко не так велико, как при прадеде юного царя Селевке Победителе, соратнике Александра Македонского. После смерти знаменитого завоевателя Селевк долго воевал с другими македонскими военачальниками, делившими между собой наследство Александра, и стал, наконец, царём в его обширных азиатских владениях. С тех пор отпала Индия, Бактрия, Парфия, несколько областей Малой Азии.

Извечные соперники преемников Селевка, Селевкидов, египетские цари Птолеми успели захватить гавани во Фракии и на Геллеспонте, отделявшем Малую Азию от Европы, а также область между Ливаном и Антиливаном, так называемую Келесирию, что мешало оживлённой морской и караванной торговле, которую вели богатые сирийские купцы.

Пытались отпасть от Селевкидов и отдельные города, страдавшие под властью царских наместников. А городов в царстве Селевкидов было много. В этих городах цари селили греков и македонян, которые как завоеватели и соплеменники царя считались господами в покорённых странах. Только на них и могли опереться цари среди многочисленного, разноплеменного побеждённого населения, большая часть которого враждебно относилась к пришельцам. Новые города строились, как мощные укрепления, с толстыми стенами и башнями. Во дворце помещался начальник гарнизона. Кроме него, в городе жил и царский наместник. Им, конечно, принадлежала настоящая власть, хотя по виду здесь как бы соблюдались порядки, некогда существовавшие в самостоятельных свободных греческих городах. Был тут и совет — *буле*, и выборные чиновники, и жрецы Зевса и других богов, а также царей, которые считались потомками богов.

У города были свои земли, ему подчинялись жившие на этих землях местные крестьяне, которые, однако, гражданами города не становились и права голоса в его делах не имели. Кроме того, греческие поселенцы получали ещё в свою собственность от царя земельные наделы — клеры, зерно, сельскохозяйственный инвентарь и скот. На первые несколько лет, пока хозяйство ещё не налаживалось, они освобождались от налогов, а потом должны были вносить в казну налоги за землю, за рабов, которые обрабатывали их землю, за скот, за торговлю, если они ею занимались.

Большие имения царь раздавал своим приближённым, которые наживали огромные богатства. Один из них был так богат, что прислал на праздничную процессию в Дафне тысячу рабов, каждый из которых нёс в руках тяжёлое серебряное блюдо. Другой как-то заплатил из своих средств жалованье всему царскому войску. Очень богаты были и некоторые купцы, торговавшие с Индией и Аравией. Сохранили обширные земли и некоторые из местных аристократов. Особенно богаты были верховные жрецы огромных храмов, похожих на целые государства. На необозримых землях этих храмов трудилось множество крестьян, вносивших жрецам деньги, зерно и плоды. Несколько тысяч храмовых рабов обслуживали хозяйство храмов. Среди этих рабов были и земледельцы, и пастухи, и ремесленники, и музыканты, и танцовщицы, участвовавшие в религиозных празднествах. Верховный жрец полновластно распоряжался доходами и людьми. Некоторые из этих жрецов впоследствии становились царьками самостоятельных царств, возникших на храмовых землях.

Своё царствование Антиоху III пришлось начать с военных действий. Первая его попытка выбить египетского царя Птолемея Филадельфа из захваченной Птолемеями Келесирии не привела к успеху: сражение при Рафии было неудачным для Антиоха, но с попытками восстания в своих владениях — в Мидии и в Лидии — Антиох справился без большого труда.

Укрепив свою власть, Антиох III попытался вернуть и утраченные его предшественниками владения на востоке. Правда, поход против Парфии, Бактрии и Индии не принёс ему победы, и свободолюбивые народы Средней Азии отстояли свою независимость, но всё-таки приближённые Антиоха считали возможным прославлять его за попытку пройти путь Александра Македонского и дали ему прозвище Великого.

Вскоре после того как царь вернулся из похода на Восток, произошло важное событие: Умер Птолемей Филадельф, и царём Египта стал четырнадцатилетний Птолемей Эпифан. Приближённые маленького царя, занявшись ожесточённой борьбой за место опекуна при нём, окончательно забросили государственные дела и растаскивали государственную казну. Воины, которых каждый из претендентов на власть старался переманить на свою

сторону богатыми подарками, совершенно распустились. Антиох понял, что теперь ему будет нетрудно отомстить за поражения при Рафии и вернуть себе Келесирию. В то время на западе подходила к концу долголетняя война Рима с Карфагеном и союзником Карфагена македонским царём Филиппом. Было ясно, что недалёк день окончательной победы Рима, и придворные маленького Епифана уже просили римский сенат не отказать в помощи Египту. Учтя обстановку, Антиох решил действовать незамедлительно. Он заключил с Филиппом союз против Египта, с тем, чтобы ему досталась Келесирия, а Филиппу — принадлежавшие Египту города в Малой Азии и Фракии.

Победа над египетским полководцем Скопасом далась Антиоху без труда, и Келесирия перешла под его власть. Не так счастлив оказался Филипп. Через пять лет после знаменитой битвы при африканском городе Заме, где римский полководец Публий Корнелий Сципион разбил карфагенского военачальника Ганнибала, чуть было раньше не покорившего Италию, римляне нанесли тяжёлое поражение македонскому царю в битве при Киноскефалах.

Разбив Карфаген и Македонию, римляне стали самой могущественной силой на Средиземном море. Победитель Филиппа, Тит Квинкий Фламинин, торжественно провозгласил свободу греческих городов и принимал восторженную благодарность греков. Собственно говоря, эта «всеобщая» благодарность, как и самая «свобода» были весьма условны. Римляне, раз вмешавшись в греческие дела, совсем не рассчитывали оставить их на произвол судьбы. Напротив, они усиленно поддерживали аристократию греческих городов против бедняков. Но как ловкие дипломаты римляне прикрывали свои истинные цели лживыми речами о борьбе за свободу греков от македонского ига, а восторги кучки богачей выдавали за чувства всего народа. На самом же деле народ ненавидел римлян. Не надеясь на свои силы для борьбы с ними, он обращал свои взоры к Антиоху, единственному, кто ещё мог дать отпор новым завоевателям. Римляне и сами считали, что столкновение с Антиохом неизбежно, так как он прибыл с большим флотом в Сарды и стал занимать малоазиатские и фракийские города, некогда принадлежавшие Птолемам, а затем захваченные Филиппом.

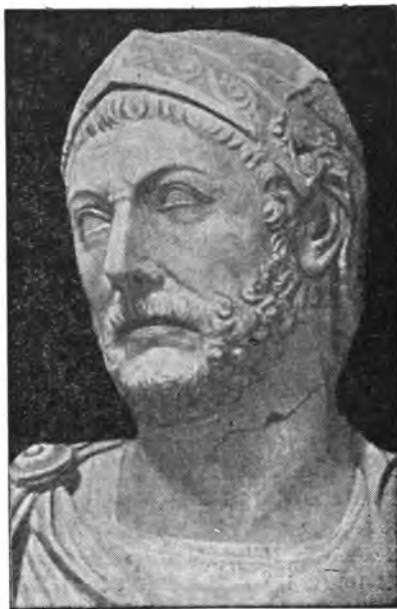
Опасения римлян подтвердились, когда они узнали, что неукротимый Ганнибал, попрежнему пылавший ненавистью к Риму, бежал к Антиоху и был с почётом принят царём.

Между тем в Греции многие ждали с нетерпением прибытия Антиоха с войсками. Особенно торопили его послы от союза этолийцев. Этот союз был наиболее демократичным в Греции. Раньше он помогал Риму против Филиппа, но, убедившись, что римляне оказались не лучше македонян, возложил все свои надежды на Антиоха. По всем греческим городам этолийцы рассказывали, что Антиох придёт с огромным войском, с боевыми сло-

нами и даст Греции действительную свободу и независимость. Он не допустит, чтобы весь мир склонился перед надменными римлянами. Бедняки верили и, надеясь на лучшее будущее, ждали Антиоха. Но люди знатные и богатые не хотели лишиться мощной поддержки Рима и потому уверяли сограждан, что Антиох будет разбит, а греки окажутся первыми жертвами в этой войне.

Но когда, наконец, Антиох с войском прибыл в Грецию, выяснилось, что он и его греческие сторонники обманули друг друга. Вместо огромной армии Антиох привёл с собою только 10 тысяч пехотинцев, 500 всадников и 6 слонов, а греческие города, напуганные римлянами и зная, боялись что-либо предпринять сами и ждали помощи только от царя. Правда, вначале народ радостно приветствовал его, и Антиох в торжественной речи обещал вскоре подвезти войска и осуществить все надежды греков, но довольно быстро выяснилось, что пока он сделать ничего не может. У него было слишком мало сил. Этолийцы уговаривали видных деятелей греческих городов присоединиться к борьбе за свободу Греции, но те с насмешкой отвечали, что Греция, по их мнению, и так свободна. Народ же был сильно ослаблен предыдущими поражениями. Правда, в Афинах вспыхнуло было восстание в пользу Антиоха, но зная призвала римского наместника Фламинина, который легко справился с народом.

А весной в Грецию переправился римский военачальник Ацилий Глабрион с 20 тысячами пехотинцев, 2 тысячами всадников и 15 слонами, полученными из Африки. Перед решительной битвой, которая произошла при знаменитых Фермопилах, Глабрион обратился к своему войску с речью. Он говорил, что победа над робкими сирийцами будет нетрудной, что солдаты освободят Грецию, захватят хорошую добычу и откроют римлянам путь в обширную, сказочно богатую Азию. И Антиох действительно был разбит. С небольшим остатком своих войск он бежал в Эфес. Этолийцы, лишившись надежды на помощь, просили у победителей мира. Все враги Антиоха посылали в Рим послов с поздравлениями, предложениями помощи и просьбами добить Антиоха на его земле.

Ганнибал.

Между тем Антиох, собрав войско из 62 тысяч пехотинцев и 12 тысяч всадников, расположился у города Магнезии, недалеко от Смирны. Когда туда же подошёл и римский полководец Сципион, царь долго избегал битвы, тянул время, надеясь договориться. Наконец сражение стало неизбежным, и оба войска построились в боевой порядок.

В тот день густой туман застилал поле битвы, лил дождь, ноги вязли в грязи. Римляне расположили в центре два своих легиона, по флангам стояли два соединения италийцев, по 5400 человек в каждом. Далее с правого фланга разместились солдаты союзника римлян пергамского царя Эвмена, греки, римская и пергамская конница и тысяча критских наёмников. Левый фланг защищали четыре отряда всадников. В резерве стояло 16 африканских слонов. Римское войско было закалено в боях и сплоченно. Оно состояло из крестьян Рима и Италии, недавно отстоявших свою родину от карфагенского нашествия.

Войско Антиоха было разнородно, разноплеменно, и отдельные его части не были связаны ни между собой, ни со страной, которую они нанялись защищать. Главным его ядром была шестнадцатитысячная македонская фаланга, построенная в 32 ряда по 500 человек в каждом и разделённая на 10 отрядов, между которыми стояло по два слона с четырьмя бойцами и вожаком. Справа от фаланги стояла конница из галатов и мидян и 16 слонов. Затем следовала гвардия царя, вооружённая серебряными щитами, дайские конные стрелки, критские пращники, лучники из Мизии. С левого фланга стояли галатские и каппадокийские всадники, разноплеменные наёмники, среди которых были даже греки из южной Италии, и снова конница из сирийцев, фригийцев, лидийцев и многих других народов. Перед конницей разместились боевые колесницы с острыми серпами у осей и вооружённые луками и копьями арабы на верблюдах. Антиох командовал правым флангом, его сын Селевк — левым.

В начале сражения, всадники Эвмена напали на конницу и колесницы, стоявшие на левом фланге противника, стараясь уязвить коней. Кони пятились, увлекая за собой колесницы. Острые серпы врезались в своих же солдат. Началось смятение. В страшном беспорядке смешались слоны, верблюды, лошади, люди. Многие были растоптаны, других перебили римляне. Первыми побежали наёмники, а за ними весь левый фланг. Его беспорядочное бегство парализовало действия фаланги, скованной в своих движениях громоздким построением. Только правый фланг под командой самого Антиоха начал было теснить римлян. Но римский трибун Марк Эмилий Лепид бросился наперерез беглецам. Стыдя и угрожая, он заставил их вернуться в строй. Сам Лепид с отборным отрядом устремился на Антиоха. На помощь ему подоспел со своими солдатами брат Эвмена Аттал. Не выдержав натиска, Антиох обратился в бегство. Победа римского войска была решена. По слухам, Антиох поте-

рял в этот день 50 тысяч пехотинцев, 3 тысячи всадников и 15 слонов, тогда как у римлян было убито всего 300 пехотинцев и 24 всадника.

После этой несчастной битвы Антиоху пришлось согласиться на все условия. Римляне потребовали, чтобы Антиох отдал все земли к северу от Тавра, заплатил им в течение 12 лет 15 тысяч талантов (22 миллиона рублей) и 400 талантов Эвмену, дал 20 заложников, в том числе своего сына, и выдал Риму Ганнибала, а также вождей антиримской партии в Греции. Для подписания мирного договора послы Антиоха были направлены в римский сенат. По окончательному мирному договору Антиох обязывался, кроме всего прочего, выдать бежавших к нему рабов и свободных и впредь не принимать перебежчиков, не помогать врагам Рима, не вербовать наёмников в подвластных Риму городах, не вести войн и не заключать союзов без согласия римского сената. Затем он должен был выдать военный флот, боевых слонов и решать споры с Римом не оружием, а судом. Царь торжественно поклялся перед прибывшим к нему представителем сената не нарушать этого договора. Так пало могущество селевкидской державы.

Только Ганнибала не смог он выдать, так как тот успел убежать в Вифинию. Однако и это последнее убежище его оказалось ненадёжным. Через несколько лет к царю Вифинии явился Фламинин и стал укорять его за гостеприимство, оказанное злейшему врагу Рима. Напуганный царь решил выдать старого полководца. Но Ганнибал не дался живым в руки врагов. Убедившись, что все тайные выходы из его дома охраняются солдатами, он принял давно припасённый яд.

Ещё раньше, чем Ганнибал, через год после заключения мира с Римом, погиб Антиох. Его царство после сражения при Магнесии оказалось совсем расшатанным. От него отпала Армения и Софена. Нужда в деньгах для уплаты долгов Риму заставляла выжимать из населения всё больше и больше налогов. Денег всё же нехватало, а недовольство росло. Когда царь решился пополнить казну, захватив сокровища большого храма Ваала в городе Элимаиде, он был убит.

После смерти Антиоха его царство продолжало распадаться и, наконец, потеряв всякую силу и значение, вошло в состав римских владений.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
<i>Предисловие</i>	3	Мечта о мире	121
Мэрская держава Миноса	5	Поход в Сицилию	129
«Златообильные Микены»	10	Под стенами Сиракуз	134
Песнь аэда	14	Поражение Афин	139
Троянский конь	18	Борьба угнетённых в древней	
Одиссей у лестригонов	25	Греции	146
В древней Спарте	29	В афинской школе	148
Афинский земледелец	34	Абдерский мудрец	155
Реформы Солона	41	На олимпийских играх	162
Тираны Писистрата	46	Поход десяти тысяч	168
Северное Причерноморье и греки	53	Дело о шести талантах	173
Скифский поход Дария	60	Битва при Херонее	178
Марафон	67	Юность Александра Македонского	183
Фермопилы	74	Падение персидской монархии .	186
Великая победа	81	Путешествие в Индию	192
Суд черепков	89	При дворе Дионисия Сиракузского	196
Афины при Перикле	92	Осада Родоса	201
Антифонт — враг рабства	98	Александрийская библиотека . .	208
На Пниксе	103	В египетском поместье	214
Афинский раб	110	Агис и Клеомен	221
Чума в Афинах	117	Антиох III	226

Древняя Греция — Книга для чтения
под редакцией С. Л. Утченко и Д. П. Каллистова

Редактор Ю. С. Ажёнов

Художник И. Г. Николаевцев

Художественный редактор М. Л. Фрам

Технический редактор Н. В. Сахарова

Корректоры В. П. Гуркина и Т. А. Кузнецова

Сдано в набор 31/VII 1953 г. Подписано к печати 12/IV 1954 г. 60 × 92 ¹/₁₆, 14,5 п. л.

Уч.-изд. л. 15,13. Тираж 100 000 экз. Л03137.

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6. Заказ № 1302

Цена без переплёта 3 р. 80 к. Переплёт бум. 80 к., коленкор. 1 р. 50 к.

Книжная ф-ка им. Фрунзе Главлита Министерства культуры УССР.

Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

4р.60к.

ДРІВННЯ
ГРЕЦІЯ